

ISSN 2078-7081

Научно-методический
и теоретический журнал

СОЦИОСФЕРА

№ 1 2024

УЧРЕДИТЕЛИ
ООО Научно-издательский центр «Социосфера»
Самарский государственный социально-педагогический университет

Главный редактор – Илона Геннадьевна Дорошина
кандидат психологических наук, доцент

Международная редакционная коллегия

А. С. Берберян, доктор психологических наук, профессор (Ереван, Армения)
В. Н. Гончаров, доктор философских наук, доцент (Ставрополь, Россия)
Е. Кашпарова, PhD. (социология – Прага, Чехия)
У. Р. Кушаев, (DSc) доктор философских наук (Ташкент, Узбекистан),
Д. Танцошова, PhD. профессор (экономика – Братислава, Словакия)
Н. Ц. Христова, PhD., профессор (история – София, Болгария)
Н. А. Хрусталькова, доктор педагогических наук, профессор (Пенза, Россия)

Международный редакционный совет

Н. Арабаджийски, PhD., профессор (экономика – София, Болгария)
А. Ю. Большакова, доктор филологических наук (Москва, Россия)
С. Н. Волков, доктор философских наук, профессор (Пенза, Россия)
Л. Е. Гринин, доктор философских наук, академик РАЕН (Волгоград, Россия)
В. В. Кондрашин, доктор исторических наук, профессор (Пенза, Россия)
В. М. Минияров, доктор педагогических наук, профессор (Самара, Россия)
М. Сапик, PhD., доцент (философия – Кутна Гора, Чехия)
Л. Цибак, PhD., MBA (экономика – Братислава, Словакия)

Рецензенты

М. А. Антипов, кандидат философских наук, доцент (Пенза, Россия)
Д. В. Бышов, кандидат исторических наук (Саранск, Россия)
В. С. Давтян, доктор политологических наук, доцент (Ереван, Армения)
А. И. Дзюбенко, кандидат филологических наук, доцент (Ростов-на-Дону, Россия)
Д. В. Ефимова, кандидат психологических наук, доцент (Пенза, Россия)
И. В. Казанская, кандидат экономических наук, доцент (Дубна, Россия)
И. О. Карелина, кандидат педагогических наук, доцент (Рыбинск, Россия)
Н. В. Осипова, кандидат социологических наук, профессор (Пенза, Россия)
Н. В. Саратовцева, кандидат педагогических наук, доцент (Пенза, Россия)
С. В. Явон, доктор социологических наук, доцент (Самара, Россия)

Рецензируемый научно-методический и теоретический журнал «Социосфера» публикует статьи по философии, культурологии, филологии, психологии, педагогике, социологии, праву, истории, экономике и другим социально-гуманитарным дисциплинам, а также методические разработки учебных и воспитательных занятий.

Журнал индексируется в наукометрических базах:

- Электронная научная библиотека (Россия)
- Directory of open access journals (Швеция)
- Open Academic Journal Index (Россия)
- Research Bible (Китай)
- Scientific Indexing Services (США)
- Global Impact Factor (Австралия)
- Cite Factor (Канада)
- International Society for Research Activity (ISRA)
- Journal Impact Factor (JIF) (Индия)
- General Impact Factor (Индия)
- Infobase Index (Индия)
- Scientific Journal Impact Factor (Индия)
- Universal Impact Factor

Импакт-фактор

- РИНЦ – 0,075
- Global Impact Factor – 1,721
- SJIF – 6,07

ISSN 2078-7081

© ООО Научно-издательский центр
«Социосфера», 2024.
© Самарский государственный
социально-педагогический университет, 2024.

ISSN 2078-7081

Scientifically-methodical
and theoretical journal

SOCIOSPHERE

№ 1 2024

THE FOUNDERS
The science publishing centre «Sociosphere»
Samara State Social and Pedagogical University

The chief editor – Ilona Doroshina
candidate of psychological sciences, associate professor

International editorial board

A. S. Berberyan, Doctor of Psychological Sciences, professor (Erevan, Armenia)
V. N. Goncharov, Doctor of Philosophy, assistant professor (Stavropol, Russia)
I. G. Doroshina, Candidate of Psychological Sciences, assistant professor (Penza, Russia)
E. Kashparova, Ph.D. (Sociology – Prague, Czech Republic)
U. R. Kushaev, (DSc) Doctor of Philosophy (Tashkent, Uzbekistan),
J. Tancoshova, Ph.D., professor (Economics – Bratislava, Slovakia)
N. Ts. Khristova, Ph.D., professor (History – Sofia, Bulgaria)
N. A. Hrustalkova, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Penza, Russia)

International editorial council

N. Arabadzhiiski, Ph.D., professor (Economics – Sofia, Bulgaria)
A. Yu. Bolshakova, Doctor of Philological Sciences, professor (Moscow, Russia)
S. N. Volkov, Doctor of Philosophy, professor (Penza, Russia)
L. E. Grinin, Doctor of Philosophy, academician of RANS (Volgograd, Russia)
V. V. Kondrashin, Doctor of Historical Sciences, professor (Penza, Russia)
V. M. Miniyarov, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Samara, Russia)
M. Sapik, Ph.D., assistant professor (Philosophy – Kutna Hora, Czech Republic)
L. Cibak, Ph.D., MBA (Economics – Bratislava, Slovakia)

Reviewers

Mikhail A. Antipov, Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor (Penza, Russia)
Denis V. Byshov, Candidate of Historical Sciences (Saransk, Russia)
doc. **Vage S. Davtyan**, Ph.Dr. (docent v oboru politologie – Jerevan, Arménie)
Anna I. Dzubenko, Candidate of Philological Sciences (Rostov-on-Don, Russia)
Diana V. Efimova, Candidate of Psychological Sciences, assistant professor (Penza, Russia)
Irina V. Kazanskaya, Candidate of Economical Sciences, assistant professor (Dubna, Russia)
Inessa O. Karelina, Candidate of Pedagogical Sciences, assistant professor (Rybinsk, Russia)
Natalia V. Osipova, Candidate of Sociological Sciences, assistant professor (Penza, Russia)
Nadezhda V. Saratovtseva, Candidate of Pedagogical Sciences, assistant professor (Penza, Russia)
Snezhana V. Yavon, Doctor of Sociological Sciences, assistant professor (Samara, Russia)

Peer-reviewed scientific and methodological and theoretical journal «Sociosphere» publishes articles on philosophy, philology, psychology, pedagogy, sociology, law, history, economics and other social and human sciences, and also methodological manuals of training and educational activities.

The journal is indexed by:

- Electronic Research Library (Russia)
- Directory of Open Access Journals (Sweden)
- Open Academic Journal Index (Russia)
- Research Bible (China)
- Scientific Indexing Services (USA)
- Global Impact Factor (Australia)
- Cite Factor (Canada)
- International Society for Research Activity (ISRA)
- Journal Impact Factor (JIF) (India)
- General Impact Factor (India)
- Infobase Index (India)
- Scientific Journal Impact Factor (India)
- Universal Impact Factor

Impact factor of the journal

- Russian Science Index – 0,075
- Global Impact Factor – 1,721

ISSN 2078-7081

© The science publishing centre «Sociosphere»,
2024.
© Samara State Social and Pedagogical University,
2024.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Пулатова С. А.	
Ценности просвещённого ислама и роль культурной дипломатии в их укреплении	9
Усарова Ф. Х.	
Мужество женщин из Узбекистана в годы второй мировой войны	17
Юлдашев О. А.	
Понятие цифровизации, этапы ее исторического эволюционного становления	22

ЭКОНОМИКА

Анисимова Н. Н.	
Изменение подхода к содержанию и развитию спортивных объектов международного класса на территории РФ	27
Волков Г. Ю.	
Деструктивные риски субъективного характера для перспективного развития мировой экономики	33
Галимова А. Ш., Кузьменко С. Л.	
Значимость повышения квалификации гражданских служащих	37
Галимова А. Ш., Кузьменко С. Л.	
Обучение сотрудников на рабочем месте: сущность, принципы	40
Галимова А. Ш., Кузьменко С. Л.	
Таланты в государственном учреждении: необходимость или феномен	44

ФИЛОСОФИЯ

Ivanov E. M.	
Ontology of meaning	47
Nassimov M. O., Sabitov A. G.	
Traditional values: views of scientists in Kazakhstan	53

ФИЛОЛОГИЯ

Афян К. А.	
Языковые средства репрезентации гендерного концепта «ЖЕНЩИНА» (на материале русскоязычного медиадискурса о женщинах исламского востока)	57

ПРАВО

Куручкин И. А.	
Отдельные вопросы, ресоциализации осужденных, содержащихся в пенитенциарных учреждениях	61

ПЕДАГОГИКА

Алпатова Н. С., Березина Ю. Ю., Костюков И. Д.	
Абилитационная помощь детям раннего возраста с церебральным параличом	65
Алпатова Н. С., Мамеева М. Н.	
Развитие навыка словообразования у старших дошкольников с общим недоразвитием речи посредством дидактических игр	72
Алпатова Н. С., Охотникова Е. С.	
Подготовка будущих педагогов-дефектологов к работе по стимулированию развития речи у детей с синдромом Дауна	78

Драгнев Ю. В.	
Состояние и перспективы развития армрестлинга в Луганской Народной Республике в области науки, педагогики и спорта	84
Звонова Е. В., Ломако Л. Л.	
Актуальные вопросы подготовки специалистов в области психологии служебной деятельности	100
Слива Е. С.	
Система высшего образования: процессы элитного рекрутирования	105
Чориева Д. А.	
Проблема кадрового обеспечения специалистов с высшим образованием в учреждениях культуры Узбекистана.....	110

ПСИХОЛОГИЯ

Саипова М. Л., Ахмаджонова Н. А.	
Проявление психологических особенностей военнослужащих	121

СОЦИОЛОГИЯ

Терлецкова Е. В., Лапина А. Г.	
Оценка социального развития персонала предприятия	124
Чекирова А. У.	
Гендерное неравенство в семейно-брачной сфере, а также в сфере образования и занятости в Республике Корея.....	129

ПОЛИТОЛОГИЯ

Сабурова Ж. А.	
Теория национальных интересов и альтернативный подход: экологический реализм .	137
Ergasheva M. D.	
Economic diplomacy between the republic of Uzbekistan and The Kingdom of Saudi Arabia: trends and prospects	142
Kegeyan S. E.	
Discourse as a linguistic concept	146
Kegeyan S. E.	
Media language: political discourse and problems of translation	149
Nassimov M. O., Paridinova B. Zh.	
The genesis of cultural identity among ethnic minorities: a political science perspective	153
Правила для авторов	156
План международных конференций, проводимых на базе Научно-издательского центра «Социосфера» в 2024 году	158
Информация о научных журналах	159
Издательские услуги НИЦ «Социосфера»	160

CONTENTS

HISTORY

Pulatova S. A.

Values of enlightened Islam and the role of cultural diplomacy in their strengthening..... 9

Usarova F. H.

The courage of women from Uzbekistan during the Second World War 17

Yuldashev O. A.

The concept of digitalization, stages of its historical evolutionary formation 22

ECONOMICS

Anisimova N. N.

Changes in the context and development of existing international class facilities
on the territory of the Russian Federation 27

Wolkov G. Y.

Destructive risks of a subjective nature for the long-term development
of the global economy 33

Galimova A. Sh., Kuzmenko S. L.

The importance of professional development of civil servants 37

Galimova A. Sh., Kuzmenko S. L.

Employee training in the workplace: the essence, principles 40

Galimova A. Sh., Kuzmenko S. L.

Talents in a public institution: a necessity or a phenomenon 44

PHILOSOPHY

Ivanov E. M.

Ontology of meaning 47

Nassimov M. O., Sabitov A. G.

Traditional values: views of scientists in Kazakhstan 53

PHILOLOGY

Afyan K. A.

Linguistic means of representation of the gender concept "WOMAN"
(based on the material of the Russian media discourse about women of the Islamic East) 57

LAW

Kurochkin I. A.

Individual issues related to the re-socialization of convicts held
in penitentiary institutions 56

PEDAGOGICS

Alpatova N. S., Berezina Yu. Yu., Kostyukov I. D.

Habilitation assistance for young children with cerebral palsy 65

Alpatova N. S., Mameeva M. N.

Development of word formation skills in older preschoolers with general speech
underdevelopment through didactic games 72

Alpatova N. S., Ohotnikova E. S.

Training of future teachers-defectologists to work on stimulating speech development
in children with Down syndrome 78

Dragnev Y. V.	
Prospects for the development of arm wrestling in The Luhansk People's Republic in the field of science, pedagogy and sports	84
Zvonova E. V., Lomako L. L.	
Current problems in training specialists in the field of military psychology	100
Sliva E. S.	
The higher education system: elite recruitment processes	105
Choriyeva D. A.	
Problem of staffing of specialists with higher education in cultural institutions of Uzbekistan	110
PSYCHOLOGY	
Saipova M. L., Akhmadzhonova N. A.	
Manifestation of psychological characteristics of military personnel	121
SOCIOLOGY	
Tereletskova E. V., Lapina A. G.	
Assessment of social development of enterprise personnel	124
Chekirova A. U.	
Gender inequality in the family and marriage sphere as well as in the sphere of education and employment in Republic of Korea	129
POLITICAL STUDIES	
Saburova J. A.	
National interest theory and an alternative approach: environmental realism	137
Ergasheva M. D.	
Economic diplomacy between the republic of Uzbekistan and The Kingdom of Saudi Arabia: trends and prospects	142
Kegeyan S. E.	
Discourse as a linguistic concept	146
Kegeyan S. E.	
Media language: political discourse and problems of translation	149
Nassimov M. O., Paridinova B. Zh.	
The genesis of cultural identity among ethnic minorities: a political science perspective	153
Roos for authors	156
Plan of international conferences held on the basis of Science Publishing Centre «Sociosphere» in 2024	158
Information about about scientific journals	159
Publishing services of the science publishing centre «Sociosphere» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»	160

УДК 94 EDN IZVSAC

ЦЕННОСТИ ПРОСВЕЩЁННОГО ИСЛАМА И РОЛЬ КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ В ИХ УКРЕПЛЕНИИ

С. А. Пулатова

*Профессор, ORCID: 0009-0000-4816-1696,
e-mail: sevaraakmalovna@mail.ru,
Координационно-методический центр
по вопросам новейшей истории Узбекистана
при АН РУз,
г. Ташкент, Узбекистан*

VALUES OF ENLIGHTENED ISLAM AND THE ROLE OF CULTURAL DIPLOMACY IN THEIR STRENGTHENING

S. A. Pulatova

*Professor,
Coordination and Methodological Center
for Contemporary History of Uzbekistan
at the Academy of Sciences
of the Republic of Uzbekistan,
Tashkent, Uzbekistan*

Abstract. National and religious values have always played an important role in the life of the Uzbek people, and after gaining independence, serious efforts were made to restore them. Cultural diplomacy has become especially important in the development of enlightened Islamic values in Uzbekistan. In fact, the importance of cultural diplomacy in international relations is increasing now. Therefore, Uzbekistan, which is an integral part of the Islamic world, actively participates in international cultural exchanges and actively develops cultural relations. Cooperation with the Organization of Islamic Cooperation has also been particularly effective in the development of enlightened Islamic values in Uzbekistan.

Keywords: Uzbekistan; cultural diplomacy; Organization of Islamic Cooperation; Islam; international relations; tolerance.

ВВЕДЕНИЕ

После обретения независимости Узбекистан, как страна, расположенная на стыке цивилизаций и культур, проделал большую работу по восстановлению своего исторического положения и национальных ценностей. Сегодня, когда Узбекистан вступил в качественно новый этап своего развития, переход от национально-го обновления к национальному процветанию определен как важнейший приоритет. Этого можно достичь, прежде всего, путем укрепления дружбы и сотрудничества с другими странами, активизации и

развития связей в культурно-гуманитарной и духовной сферах.

Накануне независимости, точнее, с конца 80-х – начала 90-х годов, вопросу свободы совести в Узбекистане стало уделяться особое внимание, стали восстанавливаться репрессированные религиозные ценности. С этих лет Узбекистан начал всесторонне развивать разорванные связи со странами Востока. Возрос интерес и исламского мира к Узбекистану, который является неотъемлемой частью исламской цивилизации. Народ Узбекистана, оказавшийся в водовороте разнородных процессов, все больше стремится к древним

ценностям, в том числе к просвещенным исламским ценностям. В постепенном восстановлении и развитии просвещенных исламских ценностей наблюдалось возрастание роли культурной дипломатии.

МЕТОДОЛОГИЯ

С 1990 года мусульмане Узбекистана получили возможность совершать хадж и число паломников, совершающих умру и хадж, увеличивалось с каждым годом. Так, если число паломников, совершивших хадж в 1991 году, составляло 350 человек, то к 2019 году их число достигло 7200 человек.

В последние годы временные ограничения на количество паломников из-за пандемии были отменены и их число вновь постепенно увеличилось. Например, в 2022 году общая квота хаджа для граждан Узбекистана была установлена на уровне 10 865, а на 2023 год – 15 000 [23].

Празднование праздников Ураза-Байрам (Ид ал-Фитр) и Курбан-Байрам, объявление этих дней праздниками стало исполнением мечты нашего народа за многие годы.

В настоящее время в Узбекистане действуют более двух тысяч религиозных организаций, принадлежащих к 16 конфессиям. При этом большая часть населения исповедует ислам, страна имеет богатое научное и культурное наследие, признанное исламским миром. Эти особенности расширяют возможности сотрудничества с международными исламскими организациями. В частности, в 1996 году Узбекистан стал членом Организации Исламской Конференции (с 2011 года – Организация Исламского Сотрудничества), которая является наиболее влиятельным институтом общемусульманского многостороннего сотрудничества и имеет большой политический, экономический, культурный и духовный потенциал в решении международных проблем современности.

О понятии культурной дипломатии и ее задачах. Культурная дипломатия –

понятие широкое и имеет различные интерпретации. В научной литературе одним из наиболее распространенных определений культурной дипломатии является следующее: «Культурная дипломатия – это область дипломатической деятельности, включающая использование культуры как объекта и средства достижения основных целей внешней политики государства, создания и развития приемлемого имиджа страны, популяризации культуры и языка ее народа» [1].

Поэтому культурную дипломатию можно понимать прежде всего как социальный институт, способный передавать культурные ценности другим странам с целью установления мира и единства между народами. При этом культурная дипломатия рассматривается как вид дипломатической деятельности, связанный с использованием культуры как объекта и средства достижения основных целей государства в международном сотрудничестве.

В задачи культурной дипломатии входят следующие направления:

- 1) знакомство широкой общественности зарубежных стран с культурой своей страны;
- 2) использование культурного обмена и других культурных проектов в целях повышения потенциала и репутации страны и создания благоприятных условий для развития сотрудничества в соответствующих сферах, в том числе экономической и политической;
- 3) ознакомление общественности страны с культурным наследием других стран;
- 4) поддержание высокого научно-технологического уровня, соответствующего международным стандартам, при развитии научного обмена и сотрудничества в области науки;
- 5) развитие международного сотрудничества в сфере спорта и туризма;
- 6) укрепление позиций государственного языка за рубежом;

7) оказание культурных услуг соотечественникам за рубежом.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР

Часть литературы, используемой при изучении роли культурной дипломатии в развитии просвещенных исламских ценностей в Узбекистане, посвящена освещению вопросов свободы религии и совести после обретения независимости, а также изменений, произошедших в этом направлении, показаны достигнутые результаты [7; 20; 22]. А также изучена литература, посвященная понятию культурной дипломатии и ее задачам [16; 17; 18; 19; 21]. Среди последних исследований, посвященных вопросам истории дипломатии, следует особо выделить специальную монографию, посвященную истории дипломатии Узбекистана в годы независимости, роли культурного фактора в дипломатии Узбекистана и инициативам президента Ш. Мирзиёева в сфере культуры и цивилизации [22].

Также изучены материалы интернет-ресурсов, которые раскрывают пути и возможности культурной дипломатии, значение культурной дипломатии в восстановлении просвещенных исламских ценностей и ее развитие в нашей стране, роль сотрудничества Узбекистана с международными исламскими организациями в культурной дипломатии.

ПОЛУЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Первые шаги новой узбекской дипломатии выразились в инициативах, выдвинутых Президентом Республики Узбекистан Шавкатом Мирзиёевым в октябре 2016 года в рамках 43-й сессии Совета министров иностранных дел Организации Исламского Сотрудничества (ОИС) [4].

Девизом Ташкентского форума ОИС была выбрана тема «Образование и просвещение – путь к миру и созиданию». По мнению Узбекистана, образование и просвещение являются залогом благополучия нации и эффективным инструментом против идеологии насилия и радикализма.

В духе темы форума в период председательства Узбекистана в ОИС были представлены следующие инициативы:

Под эгидой ОИС создать международный научно-исследовательский центр по изучению многогранного религиозного и духовного наследия наших великих предков, внесших несравненный вклад в развитие не только исламской культуры, но и человеческой цивилизации. С этой целью глава Узбекистана предложил создать в Самарканде Международный исследовательский центр имени Имама Бухари. Выбор города Самарканда в качестве места создаваемого центра определяется, во-первых, историческим местом Самарканда как одной из жемчужин мусульманской культуры в мировой цивилизации, во-вторых, это связано с уникальной духовно-нравственной атмосферой, царящей на этой земле, где похоронен великий учёный исламского мира Имам Бухари.

Глава нашего государства обратил особое внимание на характер и значение этого международного центра и отметил, что в этом учреждении необходимо развивать комплексный подход к продвижению исламской культуры, реализовывать в сотрудничестве научные и гуманитарные проекты. Необходимо изучать бесценное наследие наших великих учёных, создавших свои школы – Имама Бухари, Имама Тирмизи, правоведов Бурханиддина Маргинани, Абу Лаиса Самарканди, знатоков Корана Абу Мансура аль-Мотуриди, Абул Муина Насафи, а также подчеркнута важность организации подготовки высококвалифицированных специалистов, обладающих глубокими знаниями в этих областях [4].

Важна также инициатива по открытию в рамках Ташкентского исламского университета отдельной кафедры Исламской организации науки и культуры (ISESCO). Определено, что основная деятельность новой кафедры будет направлена на изучение истории и современного состояния образования, науки и культуры мусуль-

манского мира, а также организацию углубленных спецкурсов по ним.

В целях реализации этой инициативы велась активная работа со специальными институтами ОИС, в том числе с Исламским банком развития. В мае 2017 года был подписан меморандум между руководством Исламского банка развития и организацией Международного исследовательского центра имама Бухари. Готовность участвовать в реализации этого проекта выразили такие страны, как Турция, Кувейт, Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Королевство Оман и Пакистан, а также подразделения, входящие в состав ОИК.

Позднее эти инициативы стали важными элементами системы, противопоставленной угрозам и опасностям человечеству и основанной на принципе «просвещение против невежества».

19 сентября 2017 года Президент Шавкат Мирзиёев в своем выступлении на заседании ООН подчеркнул, что важнейшей задачей является донести до мирового сообщества истинную гуманитарную природу ислама. Как отметил глава государства: «Мы очень ценим нашу святую религию как выражение наших древних ценностей. Мы решительно осуждаем тех, кто связывает нашу священную религию с насилием и кровопролитием, и никогда не пойдем с ними на компромисс».

Ислам призывает нас к добру и миру, к сохранению исконных человеческих качеств.

Хотелось бы отметить неоценимый вклад многих ярких представителей центральноазиатского Возрождения в ислам и мировую цивилизацию.

Один из этих великих ученых, Имам Бухари, известный во всем мире как автор «Сахих Бухари», который считается в исламской религии священной книгой, стоящей после Священного Корана.

Чтобы сохранить и изучить богатое наследие Имама Бухари, а также распро-

странить его учение о просвещенном исламе, мы решили основать Международный исследовательский центр Имама Бухари в Самарканде.

Этой цели служит и деятельность создаваемого в Ташкенте Центра исламской цивилизации» [5].

На 72-й сессии Генассамблеи ООН Президент предложил принять специальную резолюцию Генассамблеи ООН под названием «Просвещение и религиозная толерантность». Основная цель этого документа – помочь обеспечить право каждого на образование, а также помочь искоренить неграмотность и невежество. Данная резолюция направлена на установление толерантности и взаимного уважения, обеспечение свободы вероисповедания, защиту прав верующих, предотвращение их дискриминации. 12 декабря 2018 года Генеральная Ассамблея ООН приняла специальную резолюцию «Просвещение и религиозная толерантность». Резолюция была не только единогласно поддержана всеми государствами – членами ООН, но и принята при соавторстве более 50 стран.

В резолюции подчеркнута важность продвижения идей просвещения, мира, прав человека, толерантности и дружбы в целях укрепления безопасности и стабильности на нашей планете. В документах одобрены все международные, региональные и национальные инициативы, направленные на борьбу с дискриминацией отдельных лиц на основе религии или убеждений и содействие межкультурному и межрелигиозному согласию. Была признана главная роль ЮНЕСКО в расширении сотрудничества между народами через образование, науку и культуру.

Действительно, в последние годы в Узбекистане возросло внимание к вопросам, связанным с дальнейшим развитием исламской культуры и науки. С этой целью в республике открыты и действуют научно-исследовательские центры, изучающие и пропагандирующие научное

наследие таких учёных, как Бухари, Насафи и Термизи. Решение главы государства от 11 августа 2020 года «О мерах по созданию Международного исследовательского центра Имама Мотуриди» направлено на глубокое изучение научного наследия основателя учения мотуридия Имама Мотуриди и его последователей, представление Узбекистану и всему миру их неопределённого вклада в науку калом. Зарубежные эксперты отмечают важность этого события.

Так, например, Сонмез Кутлу, профессор Университета Анкары в Турции, отмечает: «Открыв такой исследовательский центр, Узбекистан стал примером для других исламских стран. Своими исследованиями этот центр предлагает важные решения для мусульманского мира, который столкнулся с проблемой ложного салафизма и религиозного радикализма. Поэтому государства – члены Организации Исламская Конференция должны приложить все усилия для поддержки деятельности центра как материально, так и морально [6].

18 декабря 2019 года на 11-й Исламской конференции министров культуры Исламской организации образования, науки и культуры (ISESCO), проходившей в Тунисе, было принято решение, что в 2020 году Бухара, наряду с Каиром (Египет) и Бамако (Мали), будет столицей исламской культуры [8], а также в 2020 году Организацией Туркской город Хива в Узбекистане был объявлен культурной столицей тюркского мира [9]. Эти события, с одной стороны, показывают достойное место Узбекистана в истории исламской цивилизации, и в то же время они создают широкие возможности для дальнейшего улучшения имиджа Узбекистана на международной арене и развития культурной дипломатии.

На 11-й сессии Организации исламского сотрудничества Хива была объявлена «Туристической столицей исламского мира» в 2024 году. ОИС отметил, что основными факторами этого успеха стали

такие реформы в сфере туризма, как проводимая Президентом Узбекистана Шавкатом Мирзиёевым политика открытости, упрощение визового режима, сохранение культурного наследия, благоустройство исторических городов [10].

На основании Постановления Президента Республики Узбекистан № ПП-5186 от 16 июля 2021 года [11] определены меры относительно усовершенствования деятельности Центра исламской цивилизации в Узбекистане, а также новой основной деятельностью Центра были указаны следующие задачи:

- проводить научные исследования богатого наследия, связанного со священной религией Ислам, продвижение инновационными методами ее значения в развитии центральноазиатской цивилизации;
- освещать вклад великих предков в развитие мировой цивилизации, религиозных и светских наук с помощью самых современных методов и инструментов;
- подготовка гидов-переводчиков, обладающих необходимыми теоретическими знаниями и практическими навыками по научным основам паломнического туризма и обеспечение систематического повышения их квалификации;
- широко пропагандировать среди населения суть идеи «Третье Возрождение – Новый Узбекистан», в том числе ее роль и значение в развитии науки, межрелигиозной и межнациональной толерантности.

Для успешного выполнения указанных задач важно установление тесных связей сотрудничества с аналогичными организациями, что является гарантией эффективной деятельности. Так, необходимо углубленное изучение источников по истории Узбекистана, хранящихся в библиотеке Сулеймание в Турции, библиотеке Худобахш в Индии, в Тегеранском государственном музее Ирана; важно изучить рукописи Аль-Азхар в Египте и Египет-

ской академии наук, рукописи из фонда Парижской национальной библиотеки во Франции, Берлинской национальной библиотеки Германии, фонде Оксфордского центра исламских исследований в Англии, рукописных фондах Санкт-Петербургского института исламских исследований, Института востоковедения в России, в других зарубежных странах.

Среди работ, проведенных в этом направлении, надо отметить присвоение медресе Мир-Араб в Бухаре статуса высшего учебного заведения, открытие Высшей школы хадисоведения в мемориальном комплексе Имам Бухари в Самаркандской области, деятельность просветительских и исследовательских центров, специализирующихся на изучении юриспруденции, калама и суфизма в регионах, что, несомненно, послужит дальнейшему развитию исламской культуры и науки в Узбекистане. Международная исламская академия Узбекистана, созданная по инициативе Президента Республики Узбекистан, становится многогранным образовательным, духовно-просветительским учреждением и научно-исследовательским центром. Формируется система подготовки специалистов, владеющих светскими и религиозными знаниями, иностранными языками и обладающих потенциалом для пропаганды просвещенного ислама среди населения, магистратуры и докторантуры в области сравнительного богословия и исламоведения.

Развитие паломнического туризма. Выше уже была отмечена значимость культурных связей, которые служат укреплению взаимного доверия и доброй воли между народами для успешного осуществления культурной дипломатии. Этой высшей цели служит и развитие туристической сферы, причем среди ее видов (экологического, гастрономического, медицинского, туристического, детского, молодежного, этнического, культурно-исторического, рекреационного и других видов туризма) бурными темпами разви-

вается паломнический туризм. Объекты паломнического туризма, являющиеся центрами духовного просвещения, за годы независимости были усовершенствованы и за последние пять лет активно развиваются. Надо сказать, что святыни, расположенные во всех наших регионах, привлекают все больше паломников не только из Узбекистана, но и из других стран. Самыми популярными среди них являются комплексы Имама Бухари, Имама Мотуриди и Шахизинды в Самарканде, комплексы Абдулхалика Гиждувани, Бахауддина Накшбанди и Масджиди Калон в Бухаре, святыни Имама Термизи, аль-Хакима ат-Тирмиз, Султана Саадат в Сурхандарьинской области, Дарут-тиловат в Кашкадарье, мечети Кокгумбаз и Одина, храм Абул Муина Насафи, замок Ичан в Хорезме и десятки священных мест в других регионах. Великие учёные средневекового периода, который принято называть Восточный Ренессанс, когда все сферы жизни в Маверауннахре переживали активное развитие, сформировались и получили образование в известных не только в регионе, но и на всем Востоке научных и культурных центрах, расположенных в Бухаре, Самарканде, Насафе (Карши), Кеше (Шахрисабз), Термезе, Хиве, Уструшане (Джизакская область), Шоше (Ташкент) и Ахсикенте, Андижане, Маргилане, Коканде, Кубо (Куве), Намангане, Косонсое, Чусте и других регионах.

Как отметил крупный узбекский учёный востоковед, проф. З. И. Мунавваров: «В Средней Азии в целом и в Узбекистане в частности посещение святынь, связанных с именами великих учёных и знаменитых святых, является одной из национально-религиозных традиций. Цель, приводящая людей в такие места, – получить от них духовную пищу, углубиться в свои философские мышления, направленные на понимание истинного смысла жизни... места, где похоронены эти ученые, или места, связанные с их деятельностью, в большинстве случаев, естественно, превратились в

места паломничества. Подобные памятники, связанные с именами мыслителей, внесших значительный вклад в развитие исламского учения и культуры, почитаются во всем мусульманском мире [20].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Роль культурного фактора в узбекской дипломатии значительно возросла, особенно в последние годы. В целях дальнейшего укрепления международного имиджа Узбекистана, его места и роли в мировой политической системе особое внимание уделялось эффективному использованию культурных и цивилизационных возможностей страны для достижения приоритетных целей во внешнеполитической и экономической сфере. Расширяется культурно-гуманитарное сотрудничество с зарубежными странами и международными организациями, принимаются активные меры по популяризации достижений национальной культуры и науки за рубежом.

Следует признать, что роль исламского фактора в международной политике в последние годы существенно возросла. В исламском мире укрепился обмен культурными ценностями, взаимный культурный диалог и культурные связи. Большое влияние на эти процессы оказали международные исламские организации. Это наглядно демонстрируется на примере развития культурной дипломатии Узбекистана, которая является неотъемлемой частью исламской цивилизации.

Фактически деятельность руководства Узбекистана, направленная на восстановление и развитие культурных и духовных ценностей народа, традиций просвещенного ислама, служит не только сохранению и пропаганде культурного наследия Узбекистана, но и миру, просвещению и распространению идей толерантности в регионе и во всём мире.

Библиографический список

1. Василенко Е. В. Культурная дипломатия как инструмент мягкой силы государства. /Vasilenko Ye.V. Kulturnaya diplomatiya kak instrument myagkoy sili gosudarstva/ <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-diplomatiya-kak-instrument-myagkoy-sily-gosudarstva/viewer>
2. Культурная дипломатия. Материал из Википедии/Kulturnaya diplomatiya. Material iz Vikipedii/2018.26.08.
3. [https://ru.wikipedia.org/wiki/Культурная дипломатия](https://ru.wikipedia.org/wiki/Культурная_дипломатия).
4. Выступление Шавката Мирзиёева на церемонии открытия 43-й сессии ОИК (2016.18.10) <https://kun.uz/news/2016/10/18/savkat-mirzиеevning-it-tivk-43-sessiasining-ocilismarosimidagi-nutki>.
5. Президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев выступил с речью на 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 20.09.2017. <https://president.uz/oz/lists/view/1063>
6. So'nmez Qutlu. Islom madaniyati va ilm-fanini rivojlantirishda yana bir muhim qadam. (2020.24.08) <https://xs.uz/uzkr/post/islom-madaniyati-va-ilm-fanini-rivozhlantirishda-yana-bir-muhim-qadam>
7. Пулатова С. А., Касимходжаева С. Б., Хакимов А. А., Сагдуллаев К. К. Духовное и культурное развитие Узбекистана/Новейшая история Узбекистана. Ташкент: Нурафшон, 2020/Pulatova S. A., Kasimxodjaeva S. B., Hakimov A. A., Sagdullaev K. K. Duxovnoe i kulturnoe razvitie Uzbekistana/Noveyshaya istoriya Uzbekistana.
8. Buxoro 2020 yilda Islom madaniyati poytaxti deb e'lon qilindi. (2020.2.01) <https://sof.uz/post/buxoro-2020-yilda-islom-madaniyati-poytaxti-deb-elon-qilindi>
9. Xiva – 2020 yilda turk dunyosi madaniyati poytaxti. (2021.08.01). <https://uza.uz/uz/posts/khiva-2020-yilda-turk-dunyesi-madaniyati-poytaxti-04-12-2019>
10. Хива 2024 йил Ислам дунёсининг туризм пойтахти деб э'лон қилинди. (2022.28.07) <https://www.gazeta.uz/uz/2022/06/28/xiva/>
11. Постановление Президента Республики Узбекистан от 16.07.2021 ПП-5186. <https://lex.uz/docs/5514989>
12. Munavvarov Z.I. *Mustaqillik yillarida diniy-ma'rifiy jarayonlar (1991–2021 yillar)/O'zbekiston eng yangi tarixining dolzarb masalalari. № 1/2023.*
13. Rahimov O. (2020.01.02) Buxoro Sharif – Islom madaniyati poytaxti. <https://www.naqshband.uz/buxoro-islom/buxara1>
14. Xalqaro ziyorat turizmi forumini o'tkazish uchun nega aynan Buxoro tanlandi?
15. (2019.02.22) https://uza.uz/oz/posts/buxoroning-yetti-tarixiy-obidasi-icesconing-islom-olamimerosi-royxatiga-kiritildi_285661

16. Воскресенский А. Д. Политическая система и демократическая модель Востока. – М.: Аспект Пресс, 2007. Воскресенский А. Д. Политическая система и демократическая модель Востока/Voskresenskiy A. D. Politicheskie sistemy i modeli demokratii na Vostoke. – М.: Аспект Пресс, 2007.
17. Каширина Т. В., Федотова К. Е. Культурная дипломатия как средство внешней культурной политики // Дипломатическая служба. 2017. № 2. стр. 22–27. /Kashirina T. V., Fedotova K.Ye. Kulturnaya diplomatiya kak sredstvo vneshney kulturnoy politiki.
18. Козлов Л. Е. Культурная дипломатия как ресурс регионального развития/Kozlov L. Ye. Kulturnaya diplomatiya kak resurs regionalnogo razvitiya // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. № 1 (40). – С. 61–75.
19. Неймарк М. А. «Мягкая сила» и человеческая политика. К уточнению проблемного поля / Neymark M. A. «Myagkaya sila» v mirovoy politike. K utochneniyu problemnogo polya / Часть 1 // Обозреватель – Обозреватель. 2016. – С. 31–42.
20. Munavvarov Z. I. Mustaqillik yillarida diniy-ma'rifiy jarayonlar (1991–2021 yillar) / O'zbekiston eng yangi tarixining dolzarb masalalari. № 1/2023
21. Фокин В. И. Формирование содержания понятий «внешняя культурная политика» и «культурная дипломатия» в международной деятельности современных государств /Fokin V.I. Formirovanie soderjaniya ponyatiy «vneshnyaya kulturnaya politika» i «kulturnaya diplomatiya» v mejdunarodnoy deyatelnosti sovremennyx gosudarstv // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. 2003. № 2. – С. 125–130.
22. O'zbekiston tarixi. VII jild. O'zbekiston diplomatiyasi tarixi. Toshkent, "Ma'naviyat, 2022.
23. Материалы Комитета по делам религии Республики Узбекистан.

© Пулатова С. А., 2024

УДК 94(575.1) EDN BLIEXN

МУЖЕСТВО ЖЕНЩИН ИЗ УЗБЕКИСТАНА В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Ф. Х. Усарова

*Кандидат политических наук,
ORCID 0000-0002-2836-0468,
usarova.feruza@mail.ru,
директор Координационно-методического
центра новейшей истории Узбекистана
при Академии наук Республики Узбекистан,
г. Ташкент, Узбекистан*

THE COURAGE OF WOMEN FROM UZBEKISTAN DURING THE SECOND WORLD WAR

F. H. Usarova

*Candidate of Political Sciences, Director,
Coordinating and Methodological Center
for Contemporary History of Uzbekistan
under the Academy of Sciences
of the Republic of Uzbekistan,
Tashkent, Uzbekistan*

Abstract. Studying the materials, it can be argued that the contribution of the people of Uzbekistan to the Great Victory has not yet been fully studied. In the new Uzbekistan over the past 5 years, a lot of work has been done in this direction. First of all, previously classified and inaccessible archival documents and materials were opened for researchers. Along with this, cooperation with archival institutions, museums and funds, historians, specialists, the public of the republics of the former Union and other foreign countries has intensified. Today we have every reason to talk about the beginning of a new stage in the study of the history of the period of the Second World War. This article makes an attempt to highlight the role of women in the victory over fascism.

Keywords: war; Motherland; feat; sniper; women; victory.

В годы Второй мировой войны узбекские женщины внесли большой вклад в победу над фашизмом. Некоторые из них работали на фабриках и заводах, на полях и фермах, обеспечивая фронт всем необходимым. Другие взяли в руки оружие и вместе с мужчинами героически сражались с врагом.

Сегодня всем известно, что Вторая мировая война была самой страшной и кровавой войной в истории человечества, которая унесла жизни миллионов людей во всем мире, принесла невиданное горе, потери и бедствия. Около 2 миллионов узбеков, принимавших участие в этой страшной войне, погибли более полумиллиона, а те, кто вернулся с войны, прожили с ужасами войны всю оставшуюся жизнь.

Мужество и подвиг узбекского народа в борьбе с фашизмом зафиксировано на незабываемых страницах человеческой истории. Тысячи сыновей и дочерей Узбекистана взяли в свои руки боевое оружие, встали плечом к плечу и внесли достойный вклад в уничтожение фашизма. В тяжелые годы войны в полной мере проявились уникальные многовековые традиции и ценности узбекского народа, высокая гражданская позиция, доброта, патриотизм, добрососедство, человечность и мужество.

Об этом Президент РУз Ш. Мирзиёев говорил: «Мужество, негибаемая воля и непоколебимость, благородные качества, проявленные народом Узбекистана в период Второй мировой войны, остаются высочайшим примером гуманизма и веч-

ной памятью для последующих поколений. Увековечение светлой памяти предков, отдавших свои жизни ради сегодняшней мирной и спокойной, свободной и благополучной жизни, достойное продолжение их благородных дел – непреходящая ценность, присущая нашему великодушному и благородному народу, для которого мир является великим благом.

Сколько бы ни прошло лет, прогрессивное человечество никогда не забудет эту жестокую и кровопролитную Вторую мировую войну, ставшую причиной гибели миллионов людей во всем мире, принесшую немыслимые потери, горести и беды. Наш народ будет всегда помнить, что из около 2 миллионов узбекистанцев, участвовавших в этой беспощадной войне, погибли более полумиллиона» [1].

С первых дней Второй мировой войны многонациональное население Узбекистана, от мала до велика, писало заявления в военные комиссариаты с просьбой об отправке на фронт. Например, в первые месяцы войны добровольцами было подано более 32 тысяч заявлений. Это были люди разных профессий и национальностей. Здесь следует подчеркнуть, что среди тех, кто просил пойти воевать на войну, были не только мужчины, молодые люди и старики, но среди них было также много молодых девушек и женщин.

По информации, во время Второй мировой войны было объявлено решение правительства о мобилизации женщин на войну. На основании этого документа 1 мая 1942 года в ряды Красной Армии было мобилизовано 448 женщин Узбекистана. К концу этого года на войну было отправлено 1600 узбекистанских женщин. В основном это были девушки в возрасте от 19 до 26 лет. Среди них с гордостью упоминаются такие имена, как Зебохон Ганиева, Рахима Алимова, Азизахан Каландарова, Шарофат Эшонходжаева, Хосият Усмонова, Саломат Сангидова сражавшиеся лицом к лицу с врагом [2].

С гордостью можно сказать, что в годы Второй мировой войны узбекистанские женщины внесли большой вклад в победу над фашизмом. Некоторые из них работали на фабриках и заводах, на полях и фермах, обеспечивая фронт всем необходимым. Другие взяли в руки оружие и вместе с мужчинами героически сражались с врагом.

Следует отметить, что в те годы на фронт по собственной инициативе были мобилизованы в общем 4555 женщин из Узбекистана. В разных точках войны женщины были активными и смелыми. Среди них такие опытные снайперы, как Елена Стемповская прославили себя своей храбростью. Или военный хирург Мукаддам Ашрапова спасла жизни многим раненым бойцам. В победу также внесли свой вклад наблюдатель наступательного авиационного полка Сайёра Шукурова, известные радисты Роза Ибрагимова и Собира Меджидова, сестры Мунира и Розия Гиесова.

Также заслуживает особого признания и храбрость сержанта санитарки Рахимы Алимовой 230-й стрелковой дивизии 988-го стрелкового полка, 3-го стрелкового батальона 8-й стрелковой роты. В боях при форсировании реки Миус пулеметчик погибает и тогда Рахима Алимова, увозившая раненных с поля боя в безопасное место, не задумываясь заняла место погибшего пулеметчика и продолжила смело бой. В этом бою ей удалось спасти многих бойцов и вывести из горячих точек раненных. В частности, в сентябре 1943 года она спасла жизни 63 бойцов.

7 марта 1944 года газета «Красная Армия» опубликовала слова благодарности Рахимы Алимовой, награжденной медалью «За отвагу». В статье отмечается, что Алимова за мужество на фронте также была награждена в сентябре 1943 года орденом Красного Знамени [3].

Летом и осенью 1943 года бойцы формировавшихся частей в Узбекистане, в том числе личный состав 29-й, 62-й, 69-й

и 162-й стрелковых дивизий, освобождали Донбасс и Таманский полуостров, правобережную Украину, города Смоленск и Брянск.[4] В боях Р. Алимова проявила героизм и храбрость, выведя с поля боя в общей сложности 97 раненых солдат [5].

Следует отметить, что в годы Второй мировой войны было сформировано 20 концертных бригад для отправки на фронт из Узбекистана. Они работали вместе с бойцами в самых трудных участках войны. Состав этих творческих коллективов состоял преимущественно из женщин. Необходимо осветить деятельность концертных бригад под руководством народной артистки СССР Халимы Носировой и народной артистки Узбекистана Тамара-хоним, а также ансамбля боевых женщин под руководством известной артистки Гавхар Рахимовой.

Гавхар Рахимова – артистка с горячим сердцем, великолепный организатор. Прежде всего хочется, особенно подчеркнуть, её деятельность во время войны – 1941–1945 г. За годы войны было создано около 20 фронтовых концертных бригад. Самой известной из них являлась бригада, руководимая Гавхар Рахимовой. Кроме ее знаменитых сестер – Тамары-Ханум и Лизы Петросовой, в состав бригады входили О. Машарипова и Х. Хакимова, Р. Багланова и другие. С риском для жизни они выступали в воинских частях. С воодушевлением солдаты слушали военные песни, песни разных народов, смотрели танцы. Гавхар Рахимова с артистами давала концерты в Белоруссии, Украине, Западной Европе и еще во многих странах. Было время когда артисты с Гавхар опой в течение трех дней давали 13 концертов. Концертная бригада закончила свой путь 29 апреля 1945 г. За это время артисты Лизахон Петросова, Раима Хакимова, Ася Каспарова, Гофир Азимов, Роза Бакланова и другие дали 1200 концертов. В труднейших условиях, самоотверженно, не жалея себя, демонстрировали они своё искусство и дарили радость, счастливые мгновения своим зрителя [6].

Следует отметить, что в годы войны спортивные и физкультурные организации совместно с военкоматами, школами, различными добровольно-спортивными обществами переориентировали свою деятельность на обороннофизическую работу. О предпринятых шагах свидетельствуют отчеты Совету Народных Комиссаров Уз ССР. Отмечено, что физкультурные организации Узбекистана, руководствуясь приказом Всесоюзного Комитета по делам физической культуры и спорта при СНК СССР № 188 от 25 июня 1941 г. и Указом Республиканского Комитета физической культуры и спорта при СНК Уз ССР от 26 июня 1941 г. «О работе физкультурных организаций по военной подготовке населения» проделали соответствующую работу [7].

В контексте описываемых событий особо выступает вопрос участия женщин, как известно, «у войны не женское лицо». Обратим внимание, за исключением женщин, имевших медицинскую, ветеринарную, специальную техническую подготовку зачисление женщин в ряды Вооруженных Сил осуществлялось добровольно. Однако в годы войны изменилось сознание, и большинство женщин, девушек были готовы к вступлению в ряды армии, в этом единении раскрылись новые черты патриотизма, героизма. Среди них можно назвать Розу Ибрагимову, Сабиру Маджидову, Елену Стемповскую и Зебо Ганиеву, которые были одновременно и медсестрами, и снайперами, и разведчиками и радистами. Хотя эти девушки являются несовершеннолетними в спортивной среде и не пополнили ряды работников физкультуры, несомненно, за время тренировок они приобрели отличные физические качества [8].

Хочется отметить, что немало женщин из Узбекистана работали и за линией фронта. По данным, в начале войны около 20 тысяч женщин из Узбекистана были мобилизованы для работы на промышленных предприятия и строительные объекты, а около 1700 женщин были направ-

лены на работу в угольные шахты. Например, по данным на июль 1941 года, только на заводе «Ташсельмаш» место мужчин, ушедших на фронт, заняли 220 женщин. Можно с гордостью сказать, что за годы войны в Узбекистан из районов приближения фронта было переселено 1,5 миллиона человек, в том числе более 250 тысяч детей. Узбекский народ, особенно женщины, проявили доброту и милосердие к этим сиротам. Они жили среди собственных детей и стали родными.

Сегодня их имена и отвага запечатлены в Парке Победы, памятниках и музее «Шон-Шараф», созданных по инициативе Президента Ш. Мирзиёева. Монумент «Рука милосердия», возведенный в мемориальном комплексе «Парк Победы», является символическим выражением толерантности и гуманности свойственных узбекскому народу. Тысячи женщин Узбекистана по-матерински заботились о каждом ребенке и забирали его в свои дома [9].

В Узбекистане 9 мая 2023 года по случаю Дня памяти и почести в Доме кинематографистов по заказу Правительства состоялась первая большая премьера художественного фильма «Узбекская девушка», снятого студией кинематографии агентства «Кино Центральной Азии». Впервые в этом фильме рассказывается о героизме узбекских женщин и девушек, принимавших участие во Второй мировой войне.

В новом Узбекистане по инициативе главы государства в Парке Победы установлен прекрасный памятник «Гимн стойкости». Памятник «Гимн стойкости» – символ бесконечной любви и упорства узбекских женщин. Как отметил Президент Узбекистана, «это памятник, посвященный всем матерям Узбекистана. Этот памятник станет желанным местом паломничества всего нашего народа, символом семьи, любви, верности и вечности» [10].

В заключении хочется сказать, что многие из приведенных данных свидетельствуют о том, что бойцы-женщины разных национальностей из Узбекистана принимали активное участие и внесли огромный вклад в Победу над фашизмом. Однако информации по этой теме очень мало, и мы считаем, что многие документы еще предстоит глубоко и всестороннее изучить. Для ученых сегодня важная задача это определить имя каждого пропавшего в безвести бойца, закрепить их мужество и подвиг, связанное с его именем. В связи с этим было бы целесообразно систематически изучать архивные документы, документы, письма и фото из домашних архивов, создавать условия для научного обмена ученых, глубоко изучать наряду с зарубежными источниками и литературой, а также документы бойцов, участвовавших в войне.

Библиографический список

1. Постановление Президента Республики Узбекистан от 29 апреля 2022 года № ПП-229 «О мерах по подготовке и проведению 9 Мая – Дня Памяти и Почестей»// <https://lex.uz/docs/5994920>
2. <https://aniq.uz/uz/yangiliklar/uzbek-snayper-qizihaqida-film-olindi/> Ўзбек снайпер кизи ҳақида фильм Фильм о узбекской девушке снайпере.
3. Саидов А. Ўзбекистон хотин-қизлари: жанглардаги жасорат ва фронт ортидаги матонат/<http://insonhuquqlari.uz/uz/news/ozbekiston-xotin-qizlari-janglardagi-jasorat-va-front-ortidagi-matonat>
4. Саидов А. Парк Победы: философия мужества и стойкости. – Ташкент: TASVIR, 2021. – 348 с.
5. Участие узбеков в боевых действиях на фронтах вОВ// <https://ia-centr.ru/experts/ia-centr-ru/uchastie-uzbekistantsev-v-boevykh-deystviyakh-na-frontakh-vov/>
6. <https://api.ziyounet.uz/uploads/books/47399/597c27281f838.pdf>
7. Национальный архив Республики Узбекистан, Ф. Р. 837. Оп. 32. Д. 3712. Л. 1
8. Асадова Г. Физкультурно-спортивная деятельность женщин Узбекистана в тылу и на фронте (1941–1945 гг.) //«Вклад народа Узбекистана в Победу над фашизмом во Второй мировой войне» Материалы научно-практической онлайн конференции. – Тошкент. 28 апреля 2020 года.

- [/https://www.researchgate.net/profile/Baxromjon-Haynazarov/publication/343166481_ikkinci_zaon_urusida_fasizm_ustidan_kozonilgan_galabaga_uzbekiston_halkining_kusgan_issasi_ilmij_amalij_onlajn_konferencia_materiallari_vklad_narod](https://www.researchgate.net/profile/Baxromjon-Haynazarov/publication/343166481_ikkinci_zaon_urusida_fasizm_ustidan_kozonilgan_galabaga_uzbekiston_halkining_kusgan_issasi_ilmij_amalij_onlajn_konferencia_materiallari_vklad_narod)
9. Саидов А. Ўзбекистон хотин-қизлари: жанглардаги жасорат ва фронт ортидаги матонат <http://insonhuquqlari.uz/uz/news/ozbekiston-xotin-qizlari-janglardagi-jasorat-va-front-ortidagi-matonat>
10. Ўзбекистон Республикаси Президентининг 9 май – хотира ва қадрлаш кунига тайёргарлик кўриш ва уни ўтказиш чора-тадбирлари тўғрисидаги 2023 йил 2 майдаги ПҚ-143-сонли Қарори.

© Усарова Ф. Х., 2024

УДК 94(575.1) EDN USNKNT

**ПОНЯТИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ, ЭТАПЫ ЕЕ ИСТОРИЧЕСКОГО
ЭВОЛЮЦИОННОГО СТАНОВЛЕНИЯ****О. А. Юлдашев**

*Докторант,
ORCID 0000-0002-5887-1939,
e-mail: olim.ashurovich@gmail.com,
Координационно-методический
центр новейшей истории Узбекистана
при Академии наук Республики Узбекистан,
г. Ташкент, Узбекистан*

**THE CONCEPT OF DIGITALIZATION, STAGES OF ITS HISTORICAL
EVOLUTIONARY FORMATION****O. A. Yuldashev**

*Doctoral student,
Coordination and Methodological center
of the Uzbekistan's contemporary history
at the Academy of Sciences
of the Republic of Uzbekistan,
Tashkent, Uzbekistan*

Abstract. This article is devoted to the digitalization of education; time requires the introduction of a system of digitalization of education and the creation of a “digital educational environment.” The essence of this lies in the development of online platforms, software, digitization of content in education, as well as strengthening and improving the desire to learn in accordance with the internal need of a person. On the agenda is the issue of introducing a system of quality online education in a system that forms a set of digital education system management systems and information systems.

Digital education is an important area of pedagogy aimed at organizing the educational process in a digital society. Distance education is education focused on the use of educational resources based on traditional and innovative forms, methods, tools in the provision of educational services, distribution and delivery of educational products using information and communication tools (video, audio, computer, multimedia, radio, television, etc.)

Keywords: digitalization of education; online platforms; software; digital education.

«Для того, чтобы задачи, предусмотренные в принятой в нашей стране концепции непрерывного образования, стали жизненно важным критерием, в первую очередь необходимо кардинально изменить отношение общества к образованию путем развития цифровой грамотности и системы онлайн-образования: на начальном этапе сразу внедрять систему «цифровизации образования», а затем «цифровые требования по созданию «образовательной среды». Сущность первой задачи напрямую связана с развитием онлайн-платформ, программного обеспечения, оцифровкой контента в образовании, а суть второй задачи заключается в усилении и

совершенствовании желания учиться во внутренней потребности человека [1].

«Цифровая образовательная среда (или цифровая образовательная система) – среда, включающая в себя совокупность информационных систем, обеспечивающих предоставление качественных образовательных услуг в онлайн-формате. Управление цифровой системой образования представляет собой методическое руководство по предоставлению качественных образовательных услуг в онлайн-формате в системе на базе комплекса информационных систем. Цифровое образование (дидактика) – важная область педагогики, направленная на организацию образова-

тельного процесса в условиях цифрового общества [2].

Дистанционное образование – образование, ориентированное на использование образовательных ресурсов на основе традиционных и инновационных форм, методов, инструментов при оказании образовательных услуг, распространении и доставке образовательной продукции с использованием информационно-коммуникационных средств (видео, аудио, компьютерных, мультимедиа, радио, телевидение и др.) Цифровые (электронно-информационные) ресурсы (ЕАТРО) – цифровая (электронная) образовательная информация на электронных информационных устройствах (ИКТ, Интернет-связь, мобильные технологии) и инструментах (флэш-карта, SD-ROM и т.п.) в системе цифрового (дистанционного) образования.

Цифровые образовательные технологии – это совокупность методов и устройств создания современной образовательной среды с использованием цифровых технологий. Таким образом, все более популярной формой современного образования становится цифровое образование, обладающее определенными характеристиками. Характеристики цифровой среды обучения означают, что эта среда уникальна и неповторима».\

Цифровизация образования в основном осуществляется по двум направлениям:

1. Цифровизация процесса образовательной организации. Это означает цифровизацию организационной деятельности в системе образования, такой как процессы управления в министерствах, высших и средних специальных учебных заведениях, обмен документами, организация и мониторинг образовательных процессов. Например, сегодня такие платформы, как «ХЕМИС», «ТРАНСФЕР», «КОНТРАКТ», используются при цифровизации организационных основ образовательной системы.

Информационная система HEMIS внедрена во всех государственных выс-

ших учебных заведениях нашей страны. Эта информационная система разрабатывается в сотрудничестве со Всемирным банком. При создании этой системы, в частности, при организации учебного процесса, учитываются все процессы: от самостоятельного обучения обучающегося до уровня усвоения каждого предмета или лабораторного задания. В настоящее время происходит цифровизация образовательных процессов, административных процессов, научных и финансовых вопросов, влияющих на качество образования высшего учебного заведения. Вся информация об обучающихся формируется в информационной системе. Начались процессы оцифровки научной части системы.

Благодаря этому соискатели, занимающиеся научными исследованиями, могут получить информацию по своей теме, ознакомиться с научными трудами, электронной литературой, научными статьями по данной теме. В целях удовлетворения потребности студентов в научной литературе совершенствуется единая литературная база. До сих пор электронная литература в библиотеке каждого вуза обслуживала только студентов этого учебного заведения, но сейчас создается единая система библиотек вузов.

Это обязательно принесет большое удобство научным исследователям, и студентам. При этом планируется осуществлять мониторинг научных статей и учебных пособий, издаваемых профессорами и преподавателями высших учебных заведений республики. Теперь студенты, рекомендованные для участия в первом туре, могут без каких-либо проблем получить платежные квитанции онлайн. Заявитель, не принятый ни на одно из пяти указанных направлений обучения, может подать заявление на любое направление обучения. Заявки рассматриваются ответственными сотрудниками вуза и подтверждаются электронно-цифровой подписи, договор формируется в электронной форме.

Сегодня обучение – это цифровизация учебного процесса. Это означает приме-

нение и образовательный процесс всех форм образования, таких как дистанционное образование и смешанное образование. В качестве примера можно отметить, что в процессе дистанционного обучения используются такие платформы, как "Moodle", "Big Blue Button".

Дистанционное образование осуществляет процесс обучения на территории с помощью личных средств связи (бумаги, средств массовой информации, аудио- и видео-передачи, компьютера, почты, Интернета, телерадиосвязи, спутниковой связи) и организуется на основе сдачи образовательных достижений, таких как: как традиционная, электронная, заочная, дистанционная форма обучения. Мать обладает высокой интеллектуальной, социальной и экономической эффективностью и рождается в форме образования, направленного на интеллектуальное развитие человека [3].

Качество человеческого потенциала, готовность людей справляться с природными и социальными трудностями во многом зависит от эффективности системы образования. Социально-экономические условия на современном этапе развития Узбекистана привели к необходимости совершенствования национальной системы образования. Качество образовательного процесса неизбежно повлияет на обеспечение государством специалистов в будущем, поэтому этим проблемам следует уделять особое внимание.

В процессе совершенствования отечественного образования с каждым годом возрастает значение современных технологий, их внедрение служит модернизации и развитию образования, а также повышению качества подготовки будущих специалистов и приближению образования к науке. В то же время подобные технологии требуют пересмотра существующих подходов к образовательной деятельности, а также анализа их влияния на общество и отдельные социальные группы.

В связи с этим изучение технологии образовательного процесса и его социальных последствий представляется весьма актуальным направлением научных исследований. Информационная революция быстро вошла в жизнь современного общества и существенно изменила деятельность различных сфер его жизни [4].

«Цифровизация в сфере образования привлекла внимание мировых учёных ещё в 90-х годах XX века. Зарубежные авторы изначально проводили научные исследования, направленные на выявление основных классификационных признаков цифровизации в сфере образования, уточнение понятия цифровой культуры, обоснование преимуществ и недостатков цифровых технологий, используемых в сфере образования» [5].

Цифровизация, как одна из главных составляющих информационной революции, не только прочно вошла в механизм системы образования, но и коренным образом изменила этот механизм, природу и характер образования. Если говорить о классическом понимании категории образования, то имеется в виду приобретение системы знаний, умений, умений и компетенций, которые должен приобрести студент, а также опыта творческой деятельности и ценностного отношения к миру. Образование предшествует другой деятельности и является важным фактором социализации личности и развития общества. Роль образовательного учреждения в жизни современного общества продолжает расти. Но пандемия оказала негативное влияние на эти процессы. В частности, по оценкам экспертов, участвовавших в социальном опросе, проведенном в 170 университетах США, в осеннем семестре 2020 года число иностранных студентов сократится до 25 процентов [6].

Первая тенденция – популяризация высшего образования. За последние два года эту тенденцию ускорила цифровизация образовательного процесса. Но популяризация высшего образования создала

негативные ситуации, такие как снижение качества образования и спроса на него. Поэтому в ближайшем будущем привлекательность принципа «элитного образования» в вузах может возрасти.

Вторая тенденция – усиление влияния технологических факторов в высшем образовании. Во-первых, в результате широкого использования информационных, а затем и цифровых технологий, помимо кардинального изменения ландшафта и конфигурации образования, это привело к появлению принципиально новых структур в образовании. Образование превращается из межличностного процесса в технологический процесс [7].

Новые цифровые технологии рассматриваются как основа информационного общества. Информационное общество определяется как общество, в котором большинство его членов участвуют в производстве, хранении и обработке информации. В настоящее время многие университеты разрабатывают конкретные цифровые стратегии использования новых технологий в образовательном процессе вуза. Именно поэтому необходимо установить цифровую организацию образовательного процесса и развитие цифровых компетенций студентов и преподавателей, а также цифровизацию общества в качестве основных тем педагогических исследований. Передовые технологии, такие как электронные «умные» устройства и датчики, облачные технологии и передовые аналитические инструменты, меняют содержание высшего образования. Эти технологии открывают новые возможности для совершенствования образовательного процесса. При этом важна цифровая грамотность учителя, которая развивает «знания и навыки учителя в использовании имеющихся технологий и устройств для достижения желаемых результатов.

В современных условиях вузы обязаны научить студентов максимально использовать цифровые технологии в образовательном процессе. Университеты, которые разрабатывают правильную образователь-

ную стратегию, могут открыть множество новых интересных возможностей для взаимодействия со студентами и преподавателями. Не существует универсального способа достижения конкретных результатов с помощью цифровых технологий. Необходимо повышать квалификацию учителей, предоставляя им возможность попробовать новые способы работы с цифровыми технологиями и оказывая им необходимую поддержку [8, 4].

Исходя из цели эффективного внедрения цифровых технологий в образовательный процесс, в высших учебных заведениях нашей страны за последние годы проведена масштабная работа. Например: Процесс цифровизации в системе высшего образования нашей страны начался с приема в высшие учебные заведения. Информационная система HEMIS внедрена во всех государственных высших учебных заведениях нашей страны.

Эта информационная система была разработана в сотрудничестве со Всемирным банком и внедряется на практике. При создании этой системы, организации учебного процесса были учтены все процессы от самостоятельного обучения студента до уровня усвоения каждого предмета или лабораторной деятельности. Коротко говоря, цифровые технологии помогают обеспечить студентов информацией, расширить доступ к качественному образованию и преодолеть ограничения во времени и пространстве [9].

Электронное образование (или онлайн-образование) занимает все более важное место в образовательном процессе высших учебных заведений, оно имеет возможность реализовать указанные особенности, в принципе построить новые педагогические системы и развивать образовательный процесс на основе создания и развития педагогических методов, педагогическое проектирование образовательных подходов и методических систем перейдут на новый этап – цифровизацию образования.

Переход системы образования на этап цифровизации должен обеспечить надежный переход общества в цифровую эпоху и цифровую трансформацию экономики с обеспечением высококвалифицированными специалистами в области информационных технологий, автоматизации технологических процессов и информации безопасность.

В связи с цифровой трансформацией развитие системы высшего образования в современных условиях предъявляет новые требования к построению образовательного процесса, в том числе к созданию современной электронной информационно-образовательной среды с использованием передовых образовательных технологий, реализации стратегии управления образованием и адаптации учебных материалов с учетом индивидуальных особенностей.

С быстрым внедрением электронного обучения и развитием цифровой среды обучения меняются образовательные форматы, а образовательная парадигма смещается к гибриднему процессу обучения, сочетающему офлайн- и онлайн-обучение.

Развитие цифровых технологий и новые тенденции цифровизации, ведущие к распространению электронного обучения, и одновременному устранению проблем и трудностей, становятся все более актуальными для построения эффективного процесса обучения студентов.

Следует отметить, что цифровизация образования, во-первых, развивает интеграцию онлайн-коммуникации студентов и преподавателей, во-вторых, формирует у студентов навыки самостоятельной работы с использованием передовых образовательных технологий. Это имеет большое значение при применении новых тенденций цифровизации образовательного процесса в современном процессе развития [6].

Библиографический список

1. Жуманазаров У. У. Таълимни рақамлаштириш муҳитида бўлажак инглиз тили ўқитувчиларининг лингвистик компетенциясини ривожлантириш. педагогика фанлари доктори (DSc) диссертацияси автореферати. Жиззах. 2021й. 20-бет.
2. Хонкулов Ш. Х. Рақамли таълим муҳитининг ўзига хос хусусиятлари ва таркибий элементлари. Образование и инновационные исследования (2022 год №5). 238-239-бетлар.
3. Маҳкамов М. Рақамлаштириш – таълим сифати ва шаффофликни таъминлайди. https://uza.uz/uz/posts/raqamlashtirish-talim-sifati-va-shaffoflikni-taminlaydi_451251
4. Турсунов М. O‘zbekistonda oliy ta’limni raqamlashtirish: yutuqlar va muammolar. “Scientific progress” журна. [Электрон манба]: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-zbekistonda-oliy-ta-limni-raqamlashtirish-yutuqlar-va-muammolar/viewer>.
5. Норкулов С.Т. Таълим соҳасини рақамлаштириш: хориж тажрибаси ва унинг амалий аҳамияти. [Электрон манба]: <https://cdn.uza.uz/2023/02/24/10/22/wd6xMiApttCVcnnGltDr8CGlyNGfMT6.pdf>
6. Умарова Х. У. Олий таълим муассасаларида замонавий бошқарув тизимининг ташкилий-иқтисодий механизмини такомиллаштиришнинг концептуал асослари. “Iqtisodiyot va innovatsion texnologiyalar” ilmiy elektron jurnali. № 5, sentyabr-oktyabr, 2021 yil.
7. Анарбаева Ф. У. Таълим жараёнини рақамлаштириш. Anarlytical Jourar of Education and Development. https://www.researchgate.net/publication/361738577_TALIM_ZARAENINI_RAKA_MLASTIRIS
8. Турсунов М. O‘zbekistonda oliy ta’limni raqamlashtirish: yutuqlar va muammolar. “Scientific progress” журна. [Электрон манба]: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-zbekistonda-oliy-ta-limni-raqamlashtirish-yutuqlar-va-muammolar/viewer>.
9. Анарбаева Ф. У. Таълим жараёнини рақамлаштиришнинг асосий хусусиятлари. “Current issues of bio economics and digitalization in the sustainable development of regions” мавзусидаги халқаро конференция материаллари тўплами. Самарқанд. 2022й., 518-519-бетлар.

© Юлдашев О. А., 2024

УДК 331 EBN NMBLRE

ИЗМЕНЕНИЕ ПОДХОДА К СОДЕРЖАНИЮ И РАЗВИТИЮ СПОРТИВНЫХ ОБЪЕКТОВ МЕЖДУНАРОДНОГО КЛАССА НА ТЕРРИТОРИИ РФ

Н. Н. Анисимова

*Кандидат экономических наук, доцент,
ORCID 0000-0003-4170-6360,
e-mail: missaniina@mail.ru,
Сочинский государственный университет,
г. Сочи, Россия*

CHANGES IN THE CONTEXT AND DEVELOPMENT OF EXISTING INTERNATIONAL CLASS FACILITIES ON THE TERRITORY OF THE RUSSIAN FEDERATION

N. N. Anisimova

*Candidate of Economics, Associate Professor,
Sochi State University,
Sochi, Russia*

Abstract. The article presents an analysis of the use of the Olympic heritage, the Fisht stadium. In order to conduct this study, an analysis of the attendance of the sports facility and its operating costs was carried out. The dynamics of changes in the number of visits to sports shows as of the end of 2023 is revealed.

The author's recommendations are presented to allow the use of the unique capabilities of the Fisht stadium both for the provision of sports services and for reducing dependence on the federal budget.

Keywords: Olympic venues; Fisht stadium; Olympic village; Olympic park.

Сегодня вопросы развития спортивной сферы и оптимизации процесса предоставления спортивных услуг при управлении крупными спортивно-зрелищными мероприятиями, как особыми видами деятельности, обладающими специфическими требованиями и характеристиками, становятся особенно актуальными.

Стадион «Фишт» в г. Сочи был построен в рамках реализации Программы строительства Олимпийских объектов к Олимпиаде 2014 и развития города Сочи как курорта мирового уровня.

Строительство стадиона завершилось в 2013 году. В период Олимпийских игр объект вмещал сорок тысяч зрителей.

После 2014 года стадион был закрыт на реконструкцию для подготовки к матчам Кубка Конфедераций FIFA 2017 и Чемпионата мира по футболу FIFA 2018 в России. Во время работ был выполнен огромный объем строительных работ в соответствии с требованиями организаторов Чемпионата мира, что сильно повлияло на облик арены.

Финансирование такого огромного объекта возможно только из федерального бюджета.

Таблица 1

Статьи доходов (руб.)

Статья	2023 г.	План 2024	План 2025
Субсидии на финансовое обеспечение выполнения государственного (муниципального) задания за счет средств федерального бюджета (бюджета субъекта Российской Федерации, местного бюджета)	710 409 800	710 138 123	710 138 100

Безусловно, при столь высокой стоимости объекта обеспечить значительный рост числа оказываемых спортивных услуг представляется весьма сложной задачей. Однако выбор в пользу игнорирования необходимости поиска решений для повышения интенсивности использования

имеющихся у ГБУ КК «Фишт» мощностей со стратегической точки зрения не верен.

Основной статьей доходов стадиона является посещаемость матчей, состязаний, соревнований по футболу.

Представим в рисунке 1 уровень посещаемости стадиона за 2022–2023 год по основному виду спорта – футболу.

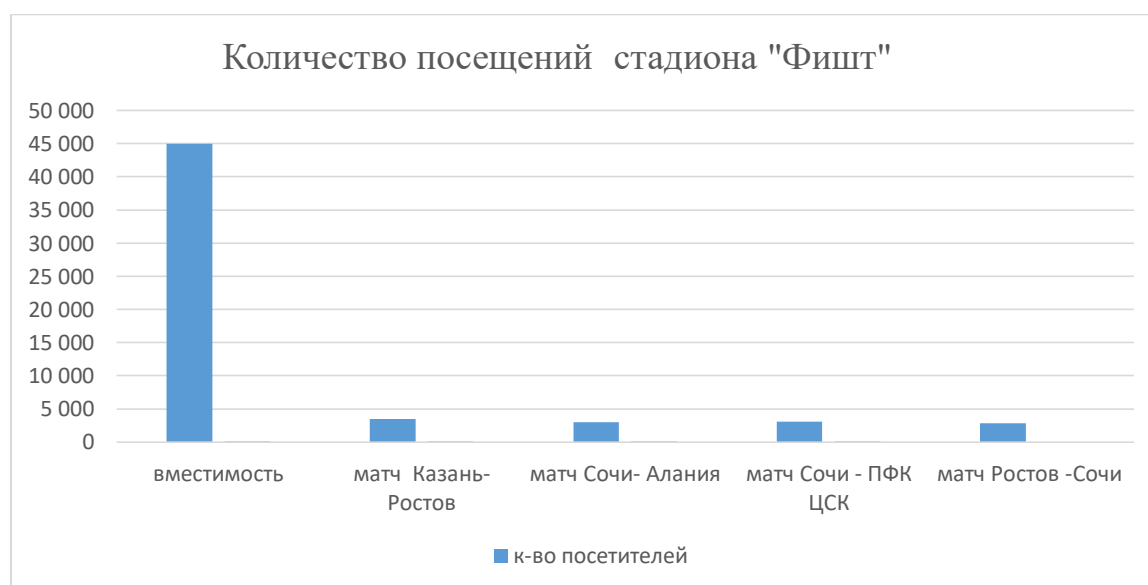

Рис. 1. Количество посещений стадиона «Фишт»

Это лишь часть посещений на товарищеских матчах, которые были проведены годами ранее. Стоимость такого матча оплачивает спортивный клуб. Стоимость билета на такие матчи от 700 до 500 руб.

Средняя посещаемость матчей на стадионе «Фишт» в 2023 году 4 439 чел.

Особенность проведения таких матчей на таком стадионе в том что покрытие которое применяется на стадионе «Фишт»

является травяным, не является синтетическим.

Уход за таким покрытием является самым дорогостоящим. Использование такого покрытия с периодичностью меньше месяца невозможно. Оно требует специального ухода и дорого обходится бюджету.

Простой оборудования при неполной загрузке, или отсутствию загрузки стадиона, не означает того, что оно сохраняет свои первоначальные свойства. Напротив, запустение приводит к отсыреванию конструкции, появлению плесени. Заработная плата начисляется в полном объёме (наблюдается перерасход по заработной плате), неиспользуемые помещения отапливаются (перерасход по оплате теплоэнергии) и т. д.

По оценке экспертов в области эксплуатации подобных мега-строений, для оказания спортивных услуг на сегодняшний день можно считать следующие:

1) обеспечение более полного использования уже имеющихся у учреждения оборудования и неиспользуемых площадей, а именно аренда, проведение соревнований и матчей. Но по состоянию на декабрь 2023 года, стадион используется не более чем на 25 % от его плановой мощности.

Масштабность объекта одновременно является как его конкурентным преимуществом, так и значительным недостатком. Загружать стадион при проведении каких-либо мероприятий на 100 % представляется сложной задачей. В этой связи необходимо изыскивать альтернативные пути его эксплуатации;

2) сокращение целодневных простоев стадиона и его инфраструктуры (возможно сокращение штата за счёт выделения тех категорий персонала, которые задействуются на стадионе периодически, а не на постоянной основе). Возможно, стоит предусмотреть вынесение некоторых непрофильных функций на аутсорсинг.

3) усиление контроля за использованием оборудования,

недопущение его намеренной порчи (ремонт сопряжён с дополнительными расходами на покупку запчастей и оплату труда ремонтников);

4) выявление неиспользуемых единиц техники и оборудования и его реализация с целью получения дополнительного дохода (после проведения мероприятий на складах остались элементы декораций, металлические конструкции непригодные для использования в текущей деятельности стадиона) для повышения механизма оказания спортивных услуг;

5) поиск альтернативных способов получения выручки (сдача пустующих помещений в аренду, оборудование на территории стадиона платной стоянки, развитие торговли сувенирной продукцией).

Но даже и эти решения не смогут дать значительный положительный эффект, так как затраты на проведение спортивных состязаний, спортивно-зрелищных мероприятий огромен.

Доход от этих мероприятий не сможет покрыть за счёт реализации по продаже спортивных услуг в скором времени. Существует опасность закрытия стадиона, как это происходило в мире после проведения олимпийских игр и проведения футбольных матчей по всему миру

Подобные стадионы в мире содержатся либо за счёт государства, либо они «умирают» от отсутствия финансирования.

Редкое исключение из подобных стадионов как «Фишт» – это стадион «Аякс» в Германии.

Поэтому стратегические меры по содержанию стадиона включают в себя ряд мероприятий, направленных на поддержание его уникального предназначения, а именно предоставление спортивных услуг в надлежащем состоянии и обеспечение безопасности посетителей.

В статье предлагаем несколько иной подход к развитию данного сооружения оказывающего спортивные услуги.

ГБУ КК «Фишт» находится в переговорном процессе со стороны администра-

ции Краснодарского края с администрацией ФТ «Сириус» о передаче стадиона «Фишт» в собственность территории «Сириус».

Поскольку ФТ «Сириус» позиционируется как современный инновационный город на базе олимпийской инфраструктуры, научно-технический и туристический центр. На территории «Сириуса» было принято решение о создании современного университета и технопарк.

Включение ГБУ КК «Фишт» в программу развития ФТ «Сириус» как инновационного объекта спортивного направления, стало бы мощнейшим инструментом по предоставлению спортивных услуг в мега-строении и сохранение стадиона «Фишт» с его уникальными возможностями.

Включение стадиона «Фишт» в технопарк, спортивный студенческий кампус, инновационную площадку, может быть интересным и выгодным решением для обеих сторон. Это территории, на которых располагаются научно-исследовательские институты, учебные центры, лаборатории, площадки и другие объекты, связанные с научной и технической деятельностью.

Самым простым и действенным предложением это создание Учебно-спортивного комплекса «Фишт» по некоторым видам спорта, например футбол, большой теннис.

Включение стадиона в технопарк «Сириус» может принести ряд преимуществ для обеих сторон. Для технопарка стадион может стать дополнительным источником дохода от аренды площадей и проведения мероприятий, а также позволит привлечь новых инвесторов и партнеров.

Для стадиона же включение в технопарк может означать улучшение инфраструктуры, повышение уровня безопасности и комфорта посетителей, а также возможность проведения новых мероприятий по спорту и оказания новых спортивных услуг.

Таким образом, включение стадиона в технопарк является интересным и перспективным направлением развития террито-

рии. Однако для успешного реализации такого проекта необходимо учесть все факторы и разработать эффективную систему взаимодействия между участниками.

Главной особенностью этого предложения является:

- обучение студентов по направлению физкультура и спорт;
- создание уникальной программы обучения спортсменов высшей квалификации;
- приглашение преподавателей и тренеров мирового уровня для обучения, обмена опытом, мастер классов;
- создание программ спортивной журналистики;
- создание программ обучения одаренных детей и т. д.

Основной задачей станет кадровое обеспечение. Здесь необходимо привлечь тренерский состав из лучших вузов страны и тренеров команд стабильно остающихся в лиге чемпионов.

Технопарк представляет уникальную возможность сотрудничества с ведущими специалистами и тренерами в различных видах спорта. Предложение по включение стадион «Фишт» в инновационную деятельность в ФТ «Сириус» поможет стать частью инновационной экосистемы, где можно обмениваться опытом, знаниями и идеями с коллегами, а также обучать и развивать специалистов.

Привлечение лучших тренеров требует значительных усилий и времени.

Но подобное решение поможет обеим сторонам. Для ФТ «Сириус» это является расширением площадки технопарка и базой создания университетского кампуса или учебно-спортивного комплекса с уникальным оборудованием, опытом и персоналом.

Для стадиона «Фишт» это станет долгосрочным планом реализации ресурсов стадиона, что позволит в дальнейшем поднять реализацию своих спортивных услуг на более высокий уровень, что при-

несет прибыль и снизит нагрузку на бюджет региона.

Здесь же возникает вопрос о кадровом обеспечении учебного заведения, при положительном решении о его открытии. По

оценке экспертов спортивных научных учреждений, известными вузами по основным критериям (инновации и трудоустройство) стали следующие вузы (Таблица 2).

Таблица 2

Градация вузов спортивной направленности

Параметр	Вуз
Вузы высоким уровнем инновационной активности и высоким уровнем трудоустройства	ФГБОУ ВО «Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма (ГЦОЛИФК)» 2. ФГБОУ ВО «Великолукская государственная академия физической культуры и спорта»
Вузы с высоким уровнем инновационной активности, но со средним уровнем трудоустройства выпускников	НОУ ВПО «Подольский социально-спортивный институт» 2. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московская государственная академия физической культуры»

Выбор и принятие решения остается за руководством ФТ «Сириус» и ГБУ КК «Фишт».

Данное предложение является долгосрочным и перспективным. Для сохранения конкурентного преимущества компании руководителям необходимо принимать долгосрочные решения и планировать свою деятельность исходя из реалий и ресурсов по оказанию спортивных услуг на стадионе «Фишт».

Достоинства открытия учебно-спортивного центра:

- 1) повышение качества жизни населения: Учебно-спортивный центр предоставит спортивные услуги и возможность жителям города или района заниматься физической культурой и спортом, что способствует улучшению их здоровья, повышению уровня физической активности и качества жизни в целом;
- 2) создание новых рабочих мест: В процессе функционирования центра возникает необходимость в дополнительных кадрах – тренерах, администраторах, обслуживающем

персонале, что создает новые рабочие места и способствует экономическому развитию территории;

- 3) популяризация здорового образа жизни: Учебно-спортивный центр является местом, где люди могут заниматься физической активностью и приобщаться к здоровому образу жизни. Это особенно актуально для молодежи, которая зачастую проводит много времени перед экранами компьютеров и мобильных устройств.
- 4) воспитание спортивного духа: спортивные услуги центра будут способствовать формированию у детей и молодежи спортивного духа, дисциплины, умения работать в команде и достигать поставленных целей.

Предложенные меры дадут основания руководству ГБУ КК «Фишт» для разработки программы диверсификации использования объекта и для повышения результативности использования его богатой материально-технической базы при предоставлении спортивных услуг.

Библиографический список

1. Акобян А. А. Цифровая экономика регионов: перспективы и вызовы // Наш выбор – наука! : сборник статей III международного научно-исследовательского конкурса. Петрозаводск, 2023. С. 85–90.
2. Анисимова Н. Н. Алгоритм использования спортивных объектов федерального значения // Научные достижения: теория, методология, практика : сборник научных трудов по материалам XXXI Международной научно-практической конференции. Анапа, 2021. С. 40–44.
3. Ногуманов Р. У. Управление инфраструктурой сферы спортивных услуг. Автореферат на соискание уч. степени к.э.н. Казань, 2019. – 32 с.
4. Краснодарский край. Статистический ежегодник. Электронный текст: URL / <https://23.rosstat.gov.ru>

© Анисимова Н. Н., 2024

УДК 330.101.541 EDN DRSFBF

ДЕСТРУКТИВНЫЕ РИСКИ СУБЪЕКТИВНОГО ХАРАКТЕРА ДЛЯ ПЕРСПЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Г. Ю. Волков

*Кандидат экономических наук, доцент,
ORCID 0000-0001-7723-1524,
e-mail: mimiya@yandex.ru,
Ростовский юридический институт МВД России,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

DESTRUCTIVE RISKS OF A SUBJECTIVE NATURE FOR THE LONG-TERM DEVELOPMENT OF THE GLOBAL ECONOMY

G. Y. Wolkov

*Ph. D., Associate Professor,
Rostov Law Institute
Ministry of Internal Affairs of Russia,
Rostov-on-don, Russia*

Abstract. This article attempts to analyze the main problems related to the problem of identifying destructive risks of global economic development in the context of a constant increase in the influence of a political subjective factor and attempts by a number of Western countries to put pressure on the system of development of the global financial market.

Keywords: exogenous factor; cost; risk insurance; trend; destabilization.

Важнейшей особенностью трансформационного воздействия процессов глобализации на процесс развития мировой экономики явилось поступательное усиление роли субъективно-политического фактора в структурировании внешнеполитической стратегии. Это приводит к тому, что для большинства стран мировой архитектуры, такая стратегия трансформируется в определяющий экзогенный фактор, который необходимо учитывать при определении разносрочных перспектив развития.

В частности, введение антироссийский торгово-экономических санкций и организация модели «ответных мер» со стороны РФ, принципиально изменили реалии мировой экономики и модель глобальной транспортно-логистической структуры. Углубление СВО по денацификации Украины, активная поддержка киевского режима со стороны недружественны РФ стран на фоне постоянного ужесточения санкционного давления, постепенно начинают провоцировать проявление кризисной ситуации в ЕС. Выделение все

больших сумм на поддержку киевского режима объективно ускоряет развитие инфляционных процессов и дестабилизацию социального уровня в странах, традиционно считавшихся лидерами европейского производственного сектора.

Отказ от традиционных поставок российских энергоресурсов и попытка замены дефицитных объемов поставками СПГ и продукцией зеленой энергетики спровоцировал постоянный рост цен, и, как следствие, рост цен выпускаемой продукции. Рост цен спровоцировал запуск механизма экономии на уровне национального производства и домохозяйств, что снизило спрос и уменьшило объемы выпускаемой продукции. Логическим следствием стал рост безработицы, снижение покупательского спроса и новый рост цен с учетом стремления производителей к получению должных объемов прибыли.

Кроме того, еще одним крайне деструктивным фактором стал конфликт в акватории Красного моря по вопросу безопасности судоходства на фоне участво-

шихся случаев обстрелов судов со стороны йеменских повстанцев-хуситов из военизированной группировки «Ансар Алла». Логическим следствием явился скачкообразный рост фрахтовых ставок на перевозку любых грузов, и, прежде всего, сжиженного природного газа (СПГ).

Причиной стала переориентация традиционных морских маршрутов с учетом обхода опасной акватории, что увеличило время доставки, стоимость страховки и уровень себестоимости перевозки. Если традиционно временной промежуток доставки СПГ через Суэцкий канал занимал 18 суток, то теперь перевозка СПГ из Катара в Великобританию через южную Африку занимает 27 суток [4].

Резкого обвала аналитики не прогнозируют, в силу того факта, что промышленные предприятия ЕС значительно сократили объемы потребления газа (сокращение объемов производства), а объем запасов в подземных хранилищах оценивается как достаточный. Однако с учетом пролонгированного эффекта, в среднесрочной перспективе неизбежно проявление кризисных тенденций. В частности, датская корпорация AP Moller-Maersk, обеспечивающая транспортно-логистическое обслуживание участников международной торговой деятельности, разослала всем своим клиентам экстренное предупреждение о возможных нарушениях в глобальной сети перевозок из-за обострения ситуации в Красном море. В тексте, в частности, указывается, что погодные условия и непредвиденные изменения ситуации в Красном море неизбежно затронут отношения со всеми европейскими клиентами.

Для грузоотправителей ситуация складывается достаточно проблемная, поскольку акватория Красного моря использовалась для перевозки большинства грузов, перевозимых в контейнерах. С момента обострения, стоимость контейнерных перевозок резко увеличилась на 50 %. Уже в январе 2024 г. цена доставки груза

в стандартном 40-футовом контейнере составила \$ 4000, и при этом большинство аналитиков считают, что тенденция роста сохранится. При этом стоимость доставки аналогичного контейнера в средиземноморские страны увеличилась до \$ 5175.

Согласно приведенным статистическим данным, средний показатель цены грузоперевозки с использованием Суэцкого канала, начиная с конца 2023 г. увеличилась на 310 % при одновременном увеличении срока доставки минимум на 10 суток практически по всей номенклатуре грузов, принимаемых к морской перевозке. В рамках оптимистического сценария, в 2024 г. прогнозируется рост тарифов на доставку грузов из азиатского региона в ЕС минимум на 60 %, с одновременным увеличением конечного показателя страхового взноса минимум на 20 %.

Сохранение обозначенного тренда представляется одним из определяющих рисков развития, поскольку рост фрахтовых ставок неизбежно спровоцирует снижение объема перевозок, рост цен подавляющей массы товарных позиций, появление дефицита, снижение покупательской способности и рост безработицы, что в конечном итоге может резко дестабилизировать ситуацию в национальном социуме.

Также специалисты с высокой долей вероятности прогнозируют совокупный рост долгов, спровоцированный перманентным ростом процентных ставок национальными Центробанками. В конечном итоге, «процесс долгового обвала» национальных экономических моделей окажет трансформационное деструктивное воздействие на глобальную экономику.

Формирование проблемной ситуации на Ближнем Востоке носит ярко выраженный двойственный характер, поскольку, являясь проблемной для одной группы стран, она представляется максимально выгодной для США и Англии. Сохранение и постоянное углубление проблем позволяет оказывать разрушающее действие на китайскую экономику, так как

сокращение объема поставок китайских производителей объективно провоцирует появление дефицита узлов, полуфабрикатов и комплектующих для европейских производителей. Ограничения в первую очередь затрагивают сектор производства оборудования, товаров с повышенной долей добавленной стоимости и европейский автопром. Логическим итогом станет ухудшение позиций большинства европейских корпораций, осуществляющих выпуск продукции широкого потребления и банковского сектора.

Данный тренд, в совокупности с риском конфискации замороженных в рамках санкционных ограничений российских активов только усиливает деструктивную фрагментацию мировых рынков, что в свою очередь, значительно снижает возможность использования традиционных регуляторов. Тема конфискации российских активов в пользу Украины трансформировалась в один из рисков дестабилизации мировой финансовой деятельности, поскольку в случае реализации этой меры реакцию мировых инвесторов и игроков глобального финансового рынка спрогнозировать весьма затруднительно [1].

Несмотря на постоянные угрозы, сам механизм конфискации и минимизации всей совокупности последующих рисков дестабилизации мировой финансовой системы пока не проработан. До того момента, пока он будет разработан и реализован, заблокированные в европейских депозитариях российские активы могут быть потенциально использованы в качестве залога для привлечения средств с последующей их передачей киевскому режиму. В рамках разработанной перспективной стратегии, крупнейшее рейтинговое агентство Moody's взяло на себя обязательство не применять процедуру дефолта к странам, выпустившим в обращение облигации, которые были приобретены РФ.

Кроме того, аналитики сектора суверенных рейтингов EMEA в S&P Global постарались убедить игроков финансового

рынка в том, что сам факт конфискации не приведет к дефолту, поскольку выплаты по купонам осуществляются через платежного агента, который и осуществляет перечисление платежа другим кредиторам.

Экономисты с должной осторожностью относятся к таким выводам, поскольку риск создания альтернативной доллару системы взаиморасчетов приведет к невозможности сохранения господствующей позиции доллара. Это представляет угрозу непосредственно для США, поскольку нарушение «долларового доминирования»:

- исключит возможность для администрации США финансировать собственные дефицитные бюджеты;
- приведет к быстрому росту процентных ставок в США;
- значительно усложнит обслуживание огромного госдолга;
- с большой вероятностью спровоцирует дефолт с США.

Согласно рекомендациям, предоставленным специалистами депозитария Euroclear, вместо конфискации можно использовать полученные от налогообложения проценты, размер которых, с учетом общей налогооблагаемой массы суверенных активов ЦБ в \$ 220 млрд могут составить около € 3 млрд. Появление такого варианта развития событий стало возможным с учетом того обстоятельства, что сумма полученного процентного дохода будет принадлежать бирже, а не РФ [2].

Тем не менее, даже при условии реализации такого «нейтрального» сценария, учитывая тот факт, что Euroclear является одним из основных игроков на финансовом рынке, риск резкого снижения активности частных инвесторов остается крайне высоким. Дополнительным фактором дестабилизации станет организация системы ответных действий в случае принятия такого решения, что неминуемо запустит механизм кризисной трансформации.

Еще одним из альтернативных вариантов разрешения спорной финансовой ситуации, для получения суммы в € 3 млрд. для

последующей передачи украинскому режиму, не используя механизм конфискации, может стать выпуск облигаций, обеспечением которых станут перспективные иски к РФ. Экономисты достаточно скептически относятся к подобным приложениям, поскольку такие активы представляются максимально рискованными с минимальным покрытием. Достижение конечного результата возможно только при условии вложений в данное мероприятие правительственных структур крупнейших стран мировой экономики [3].

Таким образом, можно говорить о том, что единственным способом предотвращения очередного глобального экономического-политического кризиса с крайне тяжелыми последствиями для всех акторов мировой экономики вне зависимости от уровня их развития должно стать компромиссное решение по поводу деструктивного противостояния РФ и коллективного Запада.

Библиографический список

1. Григорьев, В. И. Юридическая невозможность исполнения в зарубежном праве и международных кодификациях / В. И. Григорьев // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2024. – № 1. – С. 171–205. – DOI 10.37239/2500-2643-2024-19-1-171-205. – EDN SOBRGS.
2. Новоселов, А. С. Трансформация валютно-финансовых инструментов рынка в условиях регионализации мировой экономики / А. С. Новоселов, А. В. Фалеев // Пространственная экономика. – 2023. – Т. 19, № 1. – С. 168–186. – DOI 10.14530/se.2023.1.168-186. – EDN NBZMJK.
3. Новые подходы к внешнеэкономической стратегии России: аналитический доклад / О. В. Бирюкова, М. К. Глазатова, И. Е. Ильина [и др.] : Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", 2024. – 240 с. – ISBN 978-5-7133-1766-9. – DOI 10.29039/978-5-7133-1766-9. – EDN TTGTSJ.
4. Экономическая безопасность и риски Евразийского Экономического союза (ЕАЭС) в условиях мирового Экономического сотрудничества и развития / Т. Н. Цапина, В. А. Алексеев, Н. А. Безрукова [и др.] // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. – 2023. – № 3. – С. 83–88. – EDN IRUNVI.

© Волков Г. Ю., 2024

УДК 331.1 EDN JGZJGF

ЗНАЧИМОСТЬ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ

А. Ш. Галимова

С. Л. Кузьменко

Кандидат экономических наук, доцент,

e-mail: aigul_galimova@mail.ru,

студент, e-mail: sergotuk@gmail.com,

Уфимский университет науки и технологий,

г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия

THE IMPORTANCE OF PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF CIVIL SERVANTS

A. Sh. Galimova

S. L. Kuzmenko

Candidate of Economic Sciences,

Associate Professor,

student,

Ufa University of Science and Technology,

Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia

Abstract. This article examines the importance of professional development of civil servants, highlights the need for this aspect, and examines the key issues of certification of employees in the civil service. Timely professional development allows government civil servants to improve their professional skills, master new knowledge and apply it in practice. Professional development helps government civil servants to keep abreast of the latest changes in legislation, apply best practices and take into account current trends in their field of activity. Awareness of the importance of professional development of civil servants leads to the implementation of measures aimed at the constant updating and development of their professional skills and competencies.

Keywords: advanced training; professional development; certification; public services; municipal government.

В современном обществе, где эффективное государственное и муниципальное управление играет ключевую роль в развитии и процветании государства, значимость повышения квалификации гражданских служащих становится все более очевидной. Государственные и муниципальные служащие, депутаты, руководители администраций и другой административно-управленческий персонал играют важную роль в реализации государственной политики и обеспечении качественного предоставления услуг населению в условиях цифровизации управления.

В этом контексте, повышение квалификации государственных гражданских служащих:

- является неотъемлемым и важным элементом их профессионального развития и эффективной службы;
- позволяет обеспечить высокий уровень качества предоставляемых государственных услуг населению, что

включает эффективное управление ресурсами, разработку и реализацию государственных программ, обеспечение эффективного взаимодействия с гражданами и другими структурами государства;

- расширяет спектр квалифицированных и компетентных государственных служащих, способных эффективно реагировать на вызовы и изменения в современной среде, адаптироваться к новым требованиям и принимать обоснованные решения [1].

Своевременное повышение квалификации позволяет государственным гражданским служащим улучшать свои профессиональные навыки, осваивать новые знания и применять их на практике. Повышение квалификации помогает государственным гражданским служащим быть в курсе последних изменений в законодательстве, применять передовые методы работы и принимать во внимание

современные тенденции в своей сфере деятельности. Осознание значимости повышения квалификации гражданских служащих приводит к осуществлению мер, направленных на постоянное обновление и развитие их профессиональных навыков и компетенций.

Исходя из всего вышесказанного, можно заключить, что повышение квалификации гражданских служащих является необходимым условием для успешной и эффективной работы органов государственной и муниципальной власти.

Регулярное повышение квалификации государственных гражданских служащих играет ключевую роль в обновлении и развитии их профессиональных знаний, навыков и компетенций. Оно является неотъемлемым элементом успешного государственного и муниципального управления. Регулярность повышения квалификации обеспечивает актуализацию знаний, освоение новых технологий и современных подходов к работе в условиях цифровизации управления и ведения электронного документооборота. Государственные служащие занимают различные должности и выполняют разнообразные функции в государственных органах и муниципалитетах. Квалификационные требования к должностям государственных служащих определены соответствующими нормативными актами и законодательством [2].

В соответствии с квалификационными требованиями к должностям государственных служащих, установленными законодательством, регулярное повышение квалификации является необходимым условием для профессионального роста и развития служащих. Регулярное повышение квалификации государственных гражданских служащих имеет несколько важных аспектов.

Во-первых, оно обеспечивает актуализацию знаний и информации в соответствии с изменениями в законодательстве, политических, экономических и социальных условиях. Это позволяет государ-

ственным гражданским служащим быть в курсе последних обновлений и изменений в их области трудовой деятельности, при исполнении полномочий [2].

Во-вторых, регулярное повышение квалификации предоставляет служащим возможность овладения новыми навыками и методиками работы, быть готовыми к использованию передовых технологий, инновационных подходов и современных методик в своей деятельности. Регулярное обучение и профессиональное развитие служащих являются инвестицией в улучшение качества государственного и муниципального управления и способствуют достижению поставленных целей и задач государства.

В-третьих, регулярное повышение квалификации способствует повышению профессиональной компетентности государственных служащих. Это помогает развивать у них не только технические навыки, но и мягкие навыки (soft-skills), такие как лидерство, коммуникация, управление временем и т.д. Профессионально компетентные служащие способны лучше решать задачи, эффективно взаимодействовать с коллегами и гражданами на основе принципов клиентоцентричности, и принимать взвешенные решения на основе актуальных знаний и опыта.

Аттестация является неотъемлемой частью процесса повышения квалификации государственных гражданских служащих. Она представляет собой оценку знаний, навыков и компетенций служащих в соответствии с установленными стандартами и требованиями должностей. Аттестация проводится с целью определения уровня профессиональной подготовки служащих и выявления потребностей в дополнительном обучении и развитии.

Аттестация должна быть четко организована и осуществляться согласно установленным процедурам и критериям. Важно учитывать принципы объективности, прозрачности и справедливости при проведе-

нии аттестации, чтобы обеспечить честную оценку компетенций служащих [1].

Результаты аттестации могут использоваться для разработки индивидуальных планов развития и определения приоритетных направлений обучения. Повышение квалификации государственных гражданских служащих включает разнообразные формы обучения и развития: проведение стажировок и прохождение аттестации.

Эти меры позволяют служащим совершенствовать свои навыки и знания, адаптироваться к изменяющимся требованиям и достигать лучших результатов в своей работе. Регулярное и систематическое повышение квалификации является неотъемлемой частью профессионального роста государственных гражданских служащих и способствует эффективному функционированию государственного аппарата в целом.

Программы повышения квалификации и профессиональной переподготовки государственных гражданских служащих

В рамках повышения квалификации государственных гражданских служащих широко используются специально разработанные программы, которые позволяют служащим систематически расширять свои знания, развивать навыки и повышать свою профессиональную компетентность [3].

Разработка и реализация программ повышения квалификации государственных гражданских служащих имеют прямое влияние на региональное и территориальное развитие.

Квалифицированные и компетентные служащие способствуют эффективному

функционированию государственных органов и муниципалитетов, улучшению качества предоставляемых услуг и созданию благоприятной институциональной среды. Программы повышения квалификации, основанные на принципах процессного управления и клиентоцентричности, оказывают положительное влияние на региональное развитие, способствуя повышению качества услуг и созданию благоприятных условий для развития государства.

В свете вышесказанного, понимание и применение процессного управления и клиентоцентричности являются важными факторами в разработке и реализации программ повышения квалификации государственных гражданских служащих.

Библиографический список

1. Баязитова Д. Б. Особенности профессионального развития государственных гражданских служащих в Российской Федерации: региональный аспект / Д. Б. Баязитова // Молодой ученый. – 2022. – № 52 (447). – С. 84–88.
2. Галимова А. Ш. Современные способы оптимизации кадрового делопроизводства / А. Ш. Галимова, А. Ф. Габдуллина // People management в условиях цифровой трансформации экономики : Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции, Уфа, 22 марта 2022 года / Отв. редактор А. Ш. Галимова. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2022. – С. 21–24.
3. Пощенко А. А. История изучения ценностных ориентаций личности / А. А. Пощенко, Н. С. Аракелян // Актуальные вопросы гуманитарных и социальных наук. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Чебоксары, 2022. – С. 29–30.

© Галимова А. Ш., Кузьменко С. Л., 2024

УДК 331.1 EDN KORSHI

**ОБУЧЕНИЕ СОТРУДНИКОВ НА РАБОЧЕМ МЕСТЕ:
СУЩНОСТЬ, ПРИНЦИПЫ****А. Ш. Галимова****С. Л. Кузьменко**

*Кандидат экономических наук, доцент,
e-mail: aigul_galimova@mail.ru,
студент, e-mail: sergotuk@gmail.com,
Уфимский университет науки и технологий,
г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия*

EMPLOYEE TRAINING IN THE WORKPLACE: THE ESSENCE, PRINCIPLES**A. Sh. Galimova****S. L. Kuzmenko**

*Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
student,
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia*

Abstract. This article is devoted to the theoretical foundations of employee training at the enterprise, the work reflects the goals and training programs and identifies the pros and cons of the training system. The types of employee training at the enterprise are also reflected, the information presented in the article allows us to form a common understanding of the training system at the enterprise. The transition to other industries, the introduction of new technologies and the replacement of foreign equipment with Russian equipment require regular training and retraining of employees. Personnel development management is becoming increasingly important in modern organizations. This includes not only learning new skills, but also supporting the continuous professional development of employees. Traditionally, external training centers that issue state-issued certificates divide training into several types.

Keywords: training, mentoring; personnel integration; retraining and advanced training.

Переход в другие отрасли, внедрение новых технологий и замена иностранного оборудования на российское требуют регулярного обучения и переобучения работников.

Для того чтобы процесс обучения был максимально приближен к потребностям компании и не требовал значительных инвестиций, обучение было переведено на внутреннее производство.

Внутреннее обучение дает возможность минимизировать количество несчастных случаев, снизить количество отказов и текучесть кадров. Компании с системами развития сотрудников более устойчивы к внешним потрясениям.

Основные цели представлены на рисунке 1.

Обучение сотрудников – один из важнейших бизнес-процессов на современных предприятиях. Успех и достижение стратегических целей напрямую зависят от хорошо подготовленных специалистов.

Управление развитием персонала становится все более важным в современных организациях. Это включает в себя не только обучение новым навыкам, но и поддержку непрерывного профессионального развития сотрудников. Традиционно внешние учебные центры, выдающие сертификаты государственного образца, разделяют обучение на несколько типов.

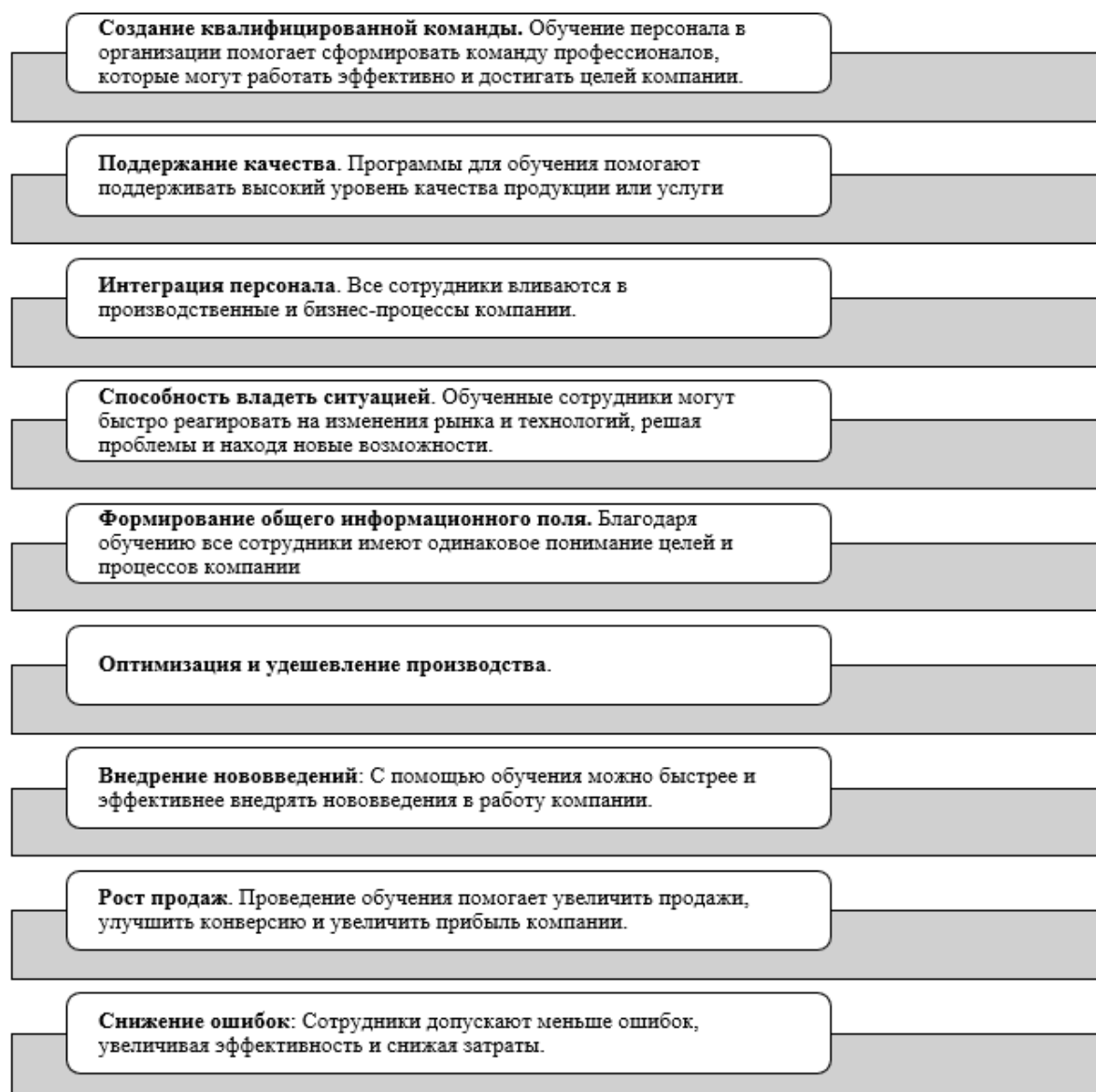

Рис. 1. Ключевые цели программы обучения

Так программа обучения включает 3 фазы, которые отражены на рисунке 2.

Каждый вид обучения имеет свои преимущества и недостатки. Чтобы выбрать оптимальный вариант, необходимо учесть

все нюансы. В некоторых случаях обучения на рабочем месте просто недостаточно. Должна существовать эффективная внутренняя система развития персонала.

Первичная подготовка	Повышение квалификации	Переподготовка
Изначальное обучение специалистов в той или иной сфере, располагающих всеми необходимыми знаниями и навыками для осуществления профессиональной деятельности.	Обучение с целью повышения уровня знаний и навыков, в связи со сменой должности или для желающих улучшить свои профессиональные навыки.	Приобретение новых навыков и знаний для дополнительного профессионального образования. Переподготовка рассчитана на тех, у кого уже есть высшее, либо среднее профессиональное образование.

Рис. 2. Фазы обучения сотрудников

Кроме того, у руководителей должно быть достаточно свободного времени для обучения сотрудников. Так, в таблице 1

представлены ключевые преимущества и недостатки системы обучения.

Преимущества и недостатки системы обучения

Таблица 1

Преимущества	Недостатки
1. Устойчивость компании к внешним изменениям. 2. Экономия средств по средствам внутреннего обучения. 3. Гибкость обучения, которая заключается в непрерывном процессе производственной деятельности. 4. Получение дополнительной информации от наставника. 5. Учет специфики деятельности предприятия. 6. Профессиональное развитие наставников.	1. Отсутствие необходимых компетенций у наставника. 2. Получение навыков и знаний не нужных в работе. 3. Прерывание процесса наставничества в случае производственной необходимости.

Таким образом, обучение на рабочем месте может способствовать экономии средств компаний, но это возможно только в том случае, если система развития сотрудников хорошо организована. Обучение на рабочем месте более полезно для новых сотрудников. Время адаптации сотрудника сокращается, и он допускает

меньше ошибок. При этом не стоит забывать о развитии и повышении знаний уже действующих сотрудников, что позволит повысить мотивацию действующих сотрудников.

Библиографический список

1. Баязитова Д. Б. Особенности профессионального развития государственных гражданских служащих в Российской Федерации: региональный аспект / Д. Б. Баязитова // Молодой ученый. – 2022. – № 52 (447). – С. 84–88.
2. Галимова А. Ш. Современные способы оптимизации кадрового делопроизводства / А. Ш. Галимова, А. Ф. Габдуллина // People-

management в условиях цифровой трансформации экономики : Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции, Уфа, 22 марта 2022 года / Отв. редактор А. Ш. Галимова. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2022. – С. 21–24.

© Галимова А. Ш., Кузьменко С. Л., 2024

УДК 331.1 EDN MSSGYQ

**ТАЛАНТЫ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УЧРЕЖДЕНИИ:
НЕОБХОДИМОСТЬ ИЛИ ФЕНОМЕН****А. Ш. Галимова****С. Л. Кузьменко**

*Кандидат экономических наук, доцент,
e-mail: aigul_galimova@mail.ru,
студент, e-mail: sergotuk@gmail.com,
Уфимский университет науки и технологий,
г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия*

TALENTS IN A PUBLIC INSTITUTION: A NECESSITY OR A PHENOMENON**A. Sh. Galimova****S. L. Kuzmenko**

*Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
student,
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia*

Abstract. The article discusses the concept of talent and talent management as one of the modern approaches to strategic human resource management. The main talent management practices in various types of organizations are highlighted. The above analysis allows us to conclude that the Russian public administration system is significantly lagging behind in the dissemination and quality of talent management technologies. Talent management is an urgent topic for modern organizations, not only in the private and non-profit sectors, but also in government structures, since only the best talents can ensure the prosperity and sustainability of any organization. This article discusses the main approaches to the concepts of "talent" and "talent management", as well as the main problems of selecting, attracting, retaining and developing high-potential employees in the Russian civil service.
Keywords: talents; civil servants; public sector; staff retention; employee.

Управление талантами – актуальная тема для современных организаций, причем не только в частном и некоммерческом секторах, но и в государственных структурах, поскольку только лучшие таланты могут обеспечить процветание и устойчивость любой организации. В данной статье рассматриваются основные подходы к понятиям «талант» и «управление талантами», а также основные проблемы отбора, привлечения, удержания и развития высокопотенциальных сотрудников на российской государственной службе.

Основная идея управления талантами заключается в том, чтобы найти нужных людей в нужное время и разместить их на нужных рабочих местах. Причинами этого являются переход от индустриальной экономики к экономике знаний (и связанная с этим важность знаний), потребность в вы-

сококвалифицированных менеджерах и сотрудниках (по демографическим причинам), а также изменения в отношении людей к работе (поскольку они могут чаще менять работу).

Другими словами, организации нуждаются (и уже начали нуждаться) во все более компетентных сотрудниках. Основная проблема заключается в том, что у исследователей пока нет единого определения этого термина. Проанализировав научную и журнальную литературу, мы выявили пять основных подходов к определению способностей, из которых только три напрямую связаны с карьерным ростом компетентных людей как членов организации [2].

Во-первых, одаренность можно понимать как редкую природную способность, которая часто проявляется у людей в раннем возрасте и позволяет им добиваться

успехов в спорте, музыке, искусстве и других областях.

Другой подход – рассматривать одаренность как набор индивидуальных сильных сторон. Сильные стороны рассматриваются как потенциальные возможности для самореализации, предполагая, что таланты отчасти являются врожденными, но могут быть развиты на протяжении всей жизни [2].

Кроме того, их можно рассматривать через призму компетенций, которые имеют поведенческий аспект и представляют собой сочетание знаний, навыков, способностей и личностных характеристик [2].

В таблице 1 рассматриваются подходы к определению таланта и их влияние на понимание управления талантами в организации [4].

Таблица 1

Подходы к пониманию понятия «талант»

	Талант как субъект (сотрудник)	Талант как объект (характеристика сотрудника)
Инклюзивный подход к пониманию таланта	Все сотрудники организации воспринимаются как талантливые. Такое широкое понимание таланта соответствует месту управления талантами в рамках стратегического управления человеческими ресурсами с набором интегрированных процессов и практик, направленных на то, чтобы распознать сферу таланта каждого сотрудника и помочь преобразовать его в реальную эффективность для организации	Данный подход фокусируется на том, чтобы дать возможность сотруднику развить его способности и достичь мастерства в его работе и за рамками работы. В этом управление талантами идентично развитию человеческих ресурсов либо развитию компетенций.
Эксклюзивный подход к пониманию таланта	Здесь талант понимается как отдельные сотрудники, которые вносят наибольший вклад в успех и устойчивое развитие организации. Указанный подход сфокусирован на критических для успеха организации позициях, которые должны быть заполнены талантливыми людьми. Такой подход поддерживают такие исследователи, как Boudreau и Ramstad; Lewis и Heckman [5]; Becker, Huselid и Beatty [6]; Collings и Mellahi [7]; Whelan и др. [8]	Данный подход обращается к определению исключительных способностей или мотивации к работе, что позволит сотрудникам достигать наивысшей эффективности и обеспечивать дальнейшее развитие организации. Управление талантами представляет собой процесс отбора сотрудников с такими способностями и предоставления им возможностей развивать и укреплять их потенциал. Такой взгляд на талант разделяют Ready, Conger, & Hill [9] и др.

Предполагается, что знания и навыки приобретаются и развиваются в течение жизни, в то время как способности и лич-

ностные характеристики относительно стабильны и неизменны с течением времени.

Таким образом, можно сказать, что понятие таланта субъективно и относительно. Понимание таланта зависит от организационного окружения и вызовов, с которыми сталкивается организация в зависимости от сектора ее деятельности, продукции и услуг, предоставляемых ее потребителям, и от других обстоятельств.

К ключевым принципам управления талантами можно отнести [3]:

- согласованность со стратегией организации;
- внутреннюю согласованность;
- включенность руководства;
- поддержку организационной культуры;
- баланс глобальных и локальных целей;
- бренд работодателя.

Если говорить о российском государственном секторе, то особенностью современных HR-процессов в российском государственном управлении является повышенное внимание к вопросам маркетинга человеческих ресурсов, а также к тому, чтобы сделать государственные учреждения привлекательным работодателем.

Результат должен влиять на карьерный рост и возможное вознаграждение. Для обеспечения этого принципа государственные служащие могут проходить обучение и стажировки для повышения качества своей работы. Такая практика защищает сотрудников от возможного фаворитизма и произвола.

На современном этапе в российском госсекторе не существует единой методологии управления талантами. Отсутствие единого подхода вынуждает государственные (муниципальные) органы делать собственные выводы о необходимости использования тех или иных технологий управления персоналом. Кроме того, существует ряд законодательно закрепленных ограничений (в том числе и в Федеральном законе «О государственной гражданской службе Российской Федерации» № 79-ФЗ), не допускающих или ограничи-

вающих применение некоторых технологий управления талантами [1]. Тем не менее, результаты всероссийского конкурса «Лучшие кадровые стратегии и практики на государственной гражданской и муниципальной службе», проводимого Минтрудом России, показывают готовность и стремление отдельных субъектов РФ выстраивать качественную работу в сфере управления человеческими ресурсами [2].

Несмотря на отсутствие единой методологии и ряд законодательных ограничений, исследование практики управления персоналом показало, что современные HR-технологии уже могут успешно применяться на российской государственной службе. Для изменения ситуации в положительную сторону срочно необходимы поддержка и инициативы на национальном уровне.

Библиографический список

1. Основные направления деятельности Правительства РФ на период до 2024 года» (утв. Правительством РФ 29.09.2018) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_307872/ (дата обращения 20.12.2023).
2. Баязитова Д. Б. Особенности профессионального развития государственных гражданских служащих в Российской Федерации: региональный аспект / Д. Б. Баязитова // Молодой ученый. – 2022. – № 52 (447). – С. 84–88.
3. Галимова А. Ш. Современные способы оптимизации кадрового делопроизводства / А. Ш. Галимова, А. Ф. Габдуллина // People-management в условиях цифровой трансформации экономики : Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции, Уфа, 22 марта 2022 года / Отв. редактор А. Ш. Галимова. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2022. – С. 21–24.
4. Софронеева Е. Т. Стратегическое управление человеческими ресурсами в условиях кризиса / Е. Т. Софронеева // Молодой ученый. – 2022. – № 20 (415). – С. 504–507.

© Галимова А. Ш., Кузьменко С. Л., 2024

ONTOLOGY OF MEANING

E. M. Ivanov

*Candidate of Philosophy, Associate Professor,
e-mail: mikroprozop58@mail.ru,
Saratov State University,
Saratov, Russia*

Abstract. In article the ontologic analysis of a phenomenon of meaning is presented. The meaning is investigated from the point of view of its form of representation in consciousness. It is ascertained nonsensual character of meaning – the meaning does not possess spatiality, temporariness and qualia. It is shown, that the meaning can be interpreted as «potentiality» form of being. Fundamental property of meaning also is its unity, internal integrity. There are not separate semantic units, but complete «semantic field» in which each component exists only in a context of the whole.

Keywords: meaning; consciousness; semantic field; ontology; subjectivity; potentiality; Self.

The ontology of meaning is a part of the «ontology of the subjective» – a philosophical doctrine about the ontological structure of human consciousness [1]. This discipline explores meaning not from the point of view of its informational, pragmatic and other content, but exclusively from the point of view of the form of its existence, i.e. forms of representation of meaning as an existential phenomenon in human consciousness. The main question of the ontology of meaning is: what do we actually experience when we discover the phenomenon of meaning in ourselves, what properties does this meaning present in us have and how does it function.

An ontological analysis of the phenomenon of meaning should begin with a statement of its extra-sensory nature. Meaning is not something sensually experienced; in particular, meaning is not identical to any set of sensory representations. This means that it is devoid of spatial and temporal properties, and devoid of quality. Nevertheless, it is clearly present as part of what is directly experienced - albeit in some special «supersensible form». Most often, meaning is associated with speech, signs, writing and talk about the meaning of words, sentences, texts. (Based on «logical theory of meaning» by

G. Frege [5]). However, it is clear that meaning is inherent not only in verbal (or other) signs and their combinations. Any thing has meaning – perceived or imagined thing. Our sensory perception has intrinsic meaning. I see not just a collection of colored spots, but certain, meaningful objects – I see a table as a table (for me it has the meaning of a table), a tree – like a tree, etc.

At the same time, perceiving objects as sensory objects possessing certain sensory qualities, as well as spatial and temporal localization, I, at the same time, do not perceive meaning as something possessing any sensory content or sensory properties. It, as already mentioned, does not possess sensory qualities, spatiality and even temporal localization. The meaning of red is not red, the meaning of cold is not cold, etc. The meaning of the word is not to the left or right of me. It is not «localized» in the very sound of the word. The meaning of any object, obviously, does not coincide with this object itself, but is, as it were, «attached» to it from the outside. Meaning, of course, arises when the object being comprehended is correlated with some knowledge about this object. The more I know about a subject, the richer and more specific its meaning is. The difficulty,

however, is to understand how this or that specific knowledge relates to the subject of comprehension. Here we find a paradox. On the one hand, comprehension undoubtedly presupposes knowledge about the subject and the correlation of the subject with this knowledge. On the other hand, introspection shows us that there is no obvious correlation between knowledge and an object in our consciousness. In order to understand, for example, that there is a dog in front of me, I do not need to explicitly «look through» in my mind everything that I know about dogs (or at least «look through» some part of this knowledge). I grasp the meaning of a word or object directly and directly, without resorting to any images, ideas, words, etc. (A. Schopenhauer drew attention to this circumstance).

Another paradox is that the involvement of any specific unit of knowledge and its correlation with a meaningful object in itself is not capable of generating meaning – even if this correlation were carried out explicitly. After all, these units of knowledge (no matter in what form they are present in consciousness) must also have meaning and, therefore, also require correlation with other units of knowledge. If, for example, I explain the concept of «dog» with the help of the concept of «mammal», then I must also explain what a mammal is, which, in turn, entails the need to clarify the terms «milk», «animal», «cub» etc. So we get a regression to infinity: the comprehended object must be correlated with the context, which also requires correlation with the context, etc. ad infinitum. We get an endless series of contexts built into each other, and it is not possible to break this series without destroying the meaning. All this means that comprehension can only be achieved through correlating an object with a certain holistic system of knowledge about the world (what can be called a «holistic picture of the world»), in which each element is in active connection with all other elements. That is, the meaning is not divided into any «pieces» or «fragments». It can only exist as an integral «semantic field» in which each

element is defined through its correlation with all other elements. (From here the mysterious aphorism of Proclus becomes clear: «Every mind thinks everything at once» [3]. In order to explicitly think about one thing, you need to implicitly think about everything else – about context, outside of which the intelligible object loses all semantic definiteness).

Grasping the meaning of an object, I, therefore, correlate this object with a certain holistic system of knowledge, with an integral picture of the world, which exists in the form of a single «semantic field». How do I do this if self-observation does not even record in the act of comprehension the correlation of an object with individual fragments of this «picture of the world»? Such a correlation should exist, but it does not take place explicitly. The only thing that remains for us is to admit that such a correlation is carried out «implicitly», in some kind of «hidden» form. One should not think that «hidden» here means «located outside of my Self», for example, somewhere «in the subconscious», i.e., that «hidden» means «not experienced». If the correlation of an object with my experience occurred «outside the Self», then this would mean that the meaning is not phenomenally given to me and is not experienced by me. In this case, it only seems to me that I understand something. In fact, understanding is carried out by a certain «mechanism» that is entirely outside the boundaries of the «Self». My consciousness, in this case, is thought of as a stream of sensory experiences, and the meaning of these experiences is entirely beyond the boundaries of this stream. This clearly contradicts the self-observation data. It clearly shows that it is I (and not some «mechanism in my brain») who understands that the meaning «lives» in my consciousness in some special «supersensible» way. If «hiddenness» does not mean a certain «beyondness of the Self», then this can only mean a special form of representation of meaning in consciousness, which can be designated by the term «potentiality». Indeed, «potentiality», as Aristotle understood it, is

something intermediate between being and non-being (presence and absence). This is not complete non-existence, but it is not a full-fledged («real», actual) existence. We are forced to attribute the same «incomplete», «invalid» being to meaning.

If we define sensory being as «actual» being, then that integral picture of the world, which is attached to sensory data and makes them meaningful, is something «potential» (since at the moment the components of this «picture» not given sensually). However, any of its elements can be experienced – as sensory representations or perceptual images, that is, they can be «actualized» and, from this point of view, are nothing more than «potential» representations and images. So, meaning is the potential content of my consciousness (compare S. Frank: «The kingdom of ideas ... is the kingdom of possibilities» [4]). This explains its lack of qualia, spacelessness and timelessness. Meaning is something that has not yet been determined; it has not yet acquired qualia, temporality and spatiality. The experience of meaning is, in this case, the experience («premonition») of the very possibility of correlating the object being comprehended with the integral picture of the world. This «picture» is by no means «stored» somewhere «in the recesses of memory». It is always present, always present in consciousness in full, but present «in potential form». This is like a kind of «potential background» for any of our current experiences.

It is clear that «in the potentiality» I can correlate an object with an unlimited set of «information units» at once, I can trace any semantic connections for an unlimited length (thus, the problem of «regression to infinity» in the process of comprehension finds its solution). After all, this correlation is carried out neither in space nor in time. The process of comprehension does not break down into separate «acts» or separate operations. There is a single and holistic process of grasping meaning, which, although it takes a certain time, nevertheless does not have any obvious step-by-step temporal dynamics, no obvious formation. The potential nature of the corre-

lation of the comprehended object with the «picture of the world» creates the effect of «volume» of our consciousness, allows knowledge to exist in the form of an integral system of relationships, and not in the form of discrete units replacing each other (as happens in a computer). But only in such an integral system of relations can knowledge really exist as something «living» and meaningful. So, we come to the conclusion that consciousness has a special «potential» component, which can be defined as a «semantic field». This is the basic layer of our consciousness – in the sense that any other (sensual) content – is the result of the actualization of potencies that were initially present in the semantic field. Actualization is the acquisition of «sensual form» (spatiality, temporality, quality). This status of sensibility is quite obvious in relation to the ideas of memory and imagination – here the image is born directly «from within», from my «Self» – as a product of the actualization of the semantic field. Meaning is the «inner» of my «Self». But sensory images, although they are born as a result of influence «from the outside», are also ultimately built «from the material of consciousness» and can also be considered as «actualized meanings».

Meanings, since they are devoid of spatiality, temporality and quality, are fundamentally non-eventful. Meaning is not something that answers the questions: What? Where? When? If sensory impressions and ideas form a «stream of consciousness», in which some sensory experiences replace others, then there is no «stream of meanings». Meaning, as already noted, can only exist as a single «semantic field» in which each information unit exists only due to its immanent correlation with all other information units. In the sphere of meaning, the principle «everything in everything» is fulfilled: each unit of knowledge (since it is meaningful) contains the entire system of interconnected meanings as a whole. This is possible, in part, because the sphere of meaning, as a potential being, is devoid of spatiality and temporality, which split being into parts (it is space and time that

allow us to perceive sensations and images separately from each other).

In the sphere of meaning, time is present only as potentiality – as the possibility of temporal sequence, temporal ordering. Therefore, it is more correct to talk not about timelessness, but about the supertemporality (or «all-temporality» – L. Karsavin's term [2]) of meaning. In the sphere of meaning, in the form of potency («in a timeless manner»), any possible past and future experiences of mine are contained. Thus, the modes of the past and the future are essentially given to me precisely as «ideas» of the past and the future. It is the supertemporality of meaning that unites my consciousness into a single transtemporal whole. Thanks to the supertemporality of meaning, I can reliably judge the identity of my own «Self» in time. After all, to establish this identity, it is necessary to somehow really correlate fragments of my life at different times – which is only possible if there is a real connection «through time» between these fragments. This correlation is carried out thanks to the supertemporality of meaning. The presence of supertemporal content of the «Self» is a necessary condition for the perception of our own «movement in time» (Kant also drew attention to this circumstance). This movement takes place in the sphere of sensuality, and only the supertemporality of the semantic component of our consciousness allows us to notice this movement. Meaning is a kind of super-temporal unity, which ultimately creates the unity of our «Self» as a whole. The spatiality and temporality of the sensory component of consciousness, of course, violate the monolithic unity of consciousness. However, even in the sensory sphere, a certain form of integrity is preserved: sensations and images separated in space and time, nevertheless, somehow correlate with each other, i.e., not only individual «sensory units» are experienced, but and their relationship to each other. This refers to what psychologists call the «gestalt properties» of sensual images.

Integrity exists not only within the sensory sphere and the sphere of meaning separately, but these two spheres are also in close relationship. As already noted, sensuality can be considered as an actualized part of the semantic field. Actualization, at the same time, does not take the experienced sensory content beyond the boundaries of the semantic field. Sensory experiences, therefore, are already initially integrated into the semantic «picture of the world» – they already initially have some very definite meaning. That is why every sensual experience is initially perceived as included in a certain semantic context. This context determines not only the «meaning of the image» (or the perceived situation), but also, to a large extent, determines the very content of what is perceived, building with the help of ideas, individual visible fragments into a whole object. The presence of a direct connection between sensibility and meaning allows us to understand what can be called the «dynamics of meaning». We emphasized the «super-temporary» nature of meaning. This, however, seems to be contradicted by the fact that meaning can be «absent» and then «appear», that meaning can change, be enriched, acquire new shades, etc. If the semantic field is outside the flow of time, outside of becoming, then it shouldn't change. In this case, only the relationship between the integral semantic field and actually experienced sensory phenomena changes. The experience of meaning is the experience of possibilities inherent in actual sensory images and ideas. These possibilities may differ in the degree of their readiness for actualization: if I now see a table, then such semantic concepts as «furniture», «wood», «brown color», etc. are more ready, and not, say, «animal» or «aircraft manufacturing». A change in the content of the perceptual field leads to a redistribution of the readiness of various semantic units for actualization, and this redistribution creates what we perceive as the «dynamics of meaning» or as a «change of different semantic states».

It should be remembered that at each moment of time the semantic field is present in consciousness in its entirety (and not in separate fragments). But at each moment of time it as a whole is in a specific relationship with the sphere of sensory experiences. Moreover, this relationship depends not only on the current state of perception, but also on some other, extra-sensory «internal» factors – which frees our thinking (which, in essence, is the dynamics of meaning) from slavish dependence on sensuality. Until now, we have considered the semantic field as a certain ontological form in which our cumulative knowledge about the world around us and about ourselves exists, i.e. this is what we call the «picture of the world». This «picture of the world» is, however, only a small part of what I am really capable of thinking or imagining. It should be recognized that the semantic field contains not only a «picture of the world», but contains much more – absolutely all possible experiences and, therefore, in addition to the picture of the «real world», it also contains all possible (imaginable) «pictures of the world» (we denote this set by the term «Semantic Universe»). All these «possible worlds» should be considered as special «virtual» components of a single «semantic field». Indeed, it is through the relationship to the Semantic Universe that the full meaning of any object is determined. After all, the meaning of an object is its «place» in the system of the universe, that is, its integral relationship to all possible and actual objects – to everything that can be thought of. Such an «ultimate» meaning no longer depends on specific personal experience and, therefore, is an «objective» meaning. That is, this is the meaning inherent in the thing itself. Subjective meaning cannot be anything other than a certain «selection» from this «objective» meaning, that is, it is a more or less complete reflection of the «objective» meaning in the consciousness of the empirical subject.

The semantic field, as «the totality of all possible worlds», as the Semantic Universe, is the basic structure on the basis of which

the empirical personality is formed. However, since the Semantic Universe, as a fundamental component of the «Self», cannot «hide» from itself anywhere, it must be fully present as a kind of constant «background» in every current state of consciousness. In other words, through the empirical «Self» the Absolute «Self» should «shine through». Through a specific, integral «picture of the world» – the complete set of «possible worlds» (the continuum of possible experiences) should be visible. Empirically, this is manifested in the fact that our understanding of the world around us is never determined entirely by our past experience, the totality of specific knowledge about the world. In any act of comprehension there is an immanent element of imagination, some, at least minimal, «departure from reality». I comprehend an object not only in the mode of «what it specifically is», but also in the mode of «what it could be», in what relationships it could be, in addition to those relationships that we know from experience. It is this element of «hypotheticalness» that allows us to perceive meaningfully even those objects about which we know nothing from experience. These objects still have some meaning for us – which arises here by correlating them with various «possible» (hypothetical) contexts. We can always guess what a given thing is, what possible relationships it might have with other things, how it might be used, etc.

If I initially contain a Semantic Universe («the totality of all possible worlds»), then this means that the formation of my empirical personality is carried out not only through the gradual expansion and enrichment of its content, but, on the contrary, is carried out for the most part through the consistent imposition of restrictions to the original «semantic field» – which coincides in content with the Semantic Universe. This Universe directly manifests itself in imagination, fantasy, self-awareness, and the ability to see the world in a system of alternatives. Personal development follows the path of limiting fantasy, through a clear distinction between «real» and «possible», «real» and «imaginary». This

is actually what happens: we know that fantasy is especially developed in children, and with age, the ability to imagine, as a rule, decreases. «Realism» increasingly subjugates fantasy and suppresses it. On the contrary, the degradation of the empirical personality (as a consequence of mental illness, trauma) usually leads to a loss of selectivity of the psyche, a loss of a sense of reality, and an inability to distinguish the real state of affairs from one's own fantasies. Thus, schizophrenic personality degradation is associated with a violation of the hierarchical relationships between the elements that make up the empirical personality. As a result, the patient ceases to distinguish reality from his own fantasies. All this suggests that the development of personality and its normal functioning are associated with certain restrictions on its degrees of freedom, the establishment of hierarchical relationships between elements of knowledge (distinction between the real and the imaginary, the desired and the rejected, etc.).

At the same time, the presence in us of a Semantic Universe (Universe of possible experiences) does not automatically guarantee reflexive access to these «possible» layers of our psyche. Therefore, along with the processes of «imposing restrictions» on the

«world of the possible» – which occur mainly at the pre-reflective level, there is also a reverse process of gradually transferring the «potential» content of our personality into an «explicit» content. This is the process of gradual expansion and enrichment of our conscious ideas about the world and about ourselves. This expansion of the personality occurs as the means of reflection develop (primarily the conceptual apparatus) and is stimulated by sensory experience, social interaction, etc. It is this consistent process of self-disclosure of our «Self» that gives the «expansion» of our personality, enriching it with new contents in the process of individual development.

Bibliography

1. Ivanov E. M. Ontology of the subjectivity. [b.m.]: Publishing Solutions, 2016. – 360 p.
2. Karsavin L. P. Philosophy of history. M.: Guardian, 2007. P. 50–51.
3. Proclus. Fundamentals of Theology. M., 1993.
4. Frank S.L. Incomprehensible // Works. M., 1990. P. 272.
5. Frege G. Meaning and denotation // Semantics and Informatics. Issue 8 M., 1977.

© Ivanov E. M., 2024

TRADITIONAL VALUES: VIEWS OF SCIENTISTS IN KAZAKHSTAN

M. O. Nassimov

*Candidate of Political Sciences, associate professor,
ORCID 0000-0001-8209-8707,
e-mail: nasimov_m@mail.ru,
Bolashak University,
Korkyt Ata Kyzylorda University,
Kyzylorda, Kazakhstan
senior lecturer, ORCID 0000-0001-5423-9699,
e-mail: almas.sabitov@mail.ru,
International IT University,
Almaty, Kazakhstan*

A. G. Sabitov

Abstract. Recognizing and comprehending the common values, norms, practices, and conventions that have been passed down through the generations within a specific culture or civilization is essential to understanding traditional values. A community's historical, cultural, and social background are fundamental to traditional values, which influence how people view the world, relate to one another, and make decisions. Traditions are shaped and modified by historical occurrences, cultural interactions, and societal shifts. Understanding the interdependence of values, the dynamics of transmission, and the continuous adaptation of traditions to shifting environments are necessary. This article briefly systematizes the views of Kazakhstani scientists on traditional values. We came to the conclusion that systematization of the views of domestic scientists on the study of traditional values is necessary to create a structured understanding of this complex and multifaceted topic.

Keywords: Kazakhstan; traditional values; systematizing.

The concept of traditional values has been discussed and examined by scientists across various fields, including sociology, anthropology, philosophy, and cultural studies. The views of scientists on traditional values are diverse, reflecting different disciplinary perspectives and ideological orientations. Traditional values can become part of public discourse and be instrumentalized for political purposes. Scholars may analyze how political actors deploy traditional values to shape public opinion, gain support, or advance particular policy agendas.

In summary, the views of scientists on traditional values reflect a spectrum of perspectives, ranging from cultural relativism and conservation to critiques of essentialism and considerations of power dynamics. The interdisciplinary nature of these discussions underscores the complexity and nuanced nature of the concept of traditional values within contemporary scholarly discourse. Due to these reasons, in this study, we set the task of briefly systematizing the views of Kazakhstani scientists regarding the concept

of traditional values. For this, we reviewed the articles in journals currently indexed in the "Scopus" database of scientists. First of all, the articles published in English were given importance, and the materials from the journals that were stopped from being indexed in the Scopus database were not taken into account. As a result, 10 articles were found using the keyword "traditional values", and 4 materials were given special importance.

The main goal of the study by R. K. Toleubekova, E. Zhumataeva, and G. B. Sarzhanova [4] is to evaluate how master's students' perceptions of traditional Kazakh values have changed after completing an elective course on ethnopedagogy. The investigation starts with a review of previous studies conducted by Kazakh scholars, which results in the categorization of Kazakh traditional values. The theoretical underpinnings of the study are probably found in this overview of the literature. The survey is administered twice: prior to the start of the elective course and

following its conclusion. It is possible to evaluate how attitudes have changed over time using this longitudinal technique. The study comes to the conclusion that taking the optional ethnopedagogy course has positively impacted master's students' views toward traditional Kazakh values. On the other hand, the control group exhibits no discernible changes despite not being exposed to the course. In conclusion, the study advances knowledge on how educational interventions – more especially, the ethnopedagogy course – affect master's students' perceptions of traditional values. The results highlight the potential impact of focused training on developing prospective educators' cultural understanding and values.

In the context of Kazakhstan, an essay by G. Naizabayeva, Y. Garifolla, and A. Mukhanbet [2] focuses on the inclusive materialization of women's human potential in the framework of redesigning developing economies. The creation of circumstances that enable women to completely achieve their potential and actively participate in social and economic growth is known as the inclusive materialization of women's human potential. The study examines how women's responsibilities and social status are changing in the context of economic reform, offering a look at how society views women. Human capital – which encompasses attributes like health, education, and skills – is emphasized as being crucial to instilling traditional values in Kazakh women. This shows that the maintenance and dissemination of cultural values are aided by education and skill development. The importance of traditional values and practices for Kazakh women is established by the research findings. This suggests that traditional and cultural factors still have a big influence on how women see the world and what their duties are in Kazakh society. The study indicates that although educational achievement is acknowledged as a crucial factor in determining social status for Kazakh women, its impact for attaining elevated social standing is deemed

negligible. This begs the complicated question of how education interacts with other variables to determine social position. The study explores how Kazakh women perceive their social status, with a particular emphasis on how people view their own status and the variables that affect such opinions. The study's conclusions may have an impact on how policies are developed since they indicate that, in the context of economic restructuring, a nuanced strategy is required to address women's social standing and potential. There should be a balance between modernization and cultural preservation, according to the conversation about traditional values and how they help women communicate cultural aspects. It calls into question how cultures manage to reconcile traditional values with the rapid changes in the economy and society. In conclusion, the work adds to the conversation on rethinking developing economies, particularly as it relates to women's human potential and the significance of traditional values in Kazakhstan. The study offers insightful information about the intricate relationships between Kazakh women's social standing, education, and cultural preservation.

Right-wing ideologues promote traditional values in which women's role was primarily to care for others [1]. Traditional values often emphasize prescribed gender roles, where women are expected to fulfill domestic and caregiving responsibilities. Performance for the preservation of traditional gender roles, which assign specific roles and responsibilities to men and women, is based on historical or cultural norms. In this context, women's primary role is often framed as caregivers, responsible for the well-being of family members. Rooted in conservatism, may emphasize the maintenance of social order and stability. Traditional gender roles are seen as a foundational element contributing to societal structure and continuity. The promotion of traditional values, including specific gender

roles, can be politically instrumentalized. Right-wing leaders may use these values to appeal to a conservative base, framing such values as essential to national identity and moral order. Advocacy for traditional gender roles has faced criticism, especially from advocates of gender equality and progressive movements. Critics argue that such values perpetuate gender inequalities and limit the opportunities and freedoms of women. The promotion of traditional values, particularly in relation to women's roles as caregivers, is a characteristic associated with some right-wing ideologies. These perspectives often reflect a desire to maintain social order, uphold family values, and resist perceived challenges to established gender norms. However, it's crucial to recognize the diversity of views within political ideologies and the ongoing societal debates around gender roles and equality.

Young people, according to T. Sadykova, R. Stamova, A. Abdina, S. Sapargaliyeva, Z. Kulzhanova, and M. Zhanarstanova [3], have a tendency to be doubtful about their nation's traditional ideals. Societies often undergo generational shifts, where younger generations adopt different perspectives, values, and lifestyles compared to their predecessors. This shift can lead to skepticism toward traditional values that may be perceived as outdated or incompatible with contemporary values. Young people today are often more globally connected and exposed to a diverse range of cultures and ideas through the internet, social media, and international travel. This exposure can lead to a broader worldview and increased skepticism toward values that may seem parochial or ethnocentric. Younger generations are often at the forefront of social change and progressive movements. They may question traditional values that are perceived as discriminatory, restrictive, or hindering social progress. Calls for inclusivity, equality, and justice may conflict with certain traditional norms. Societal polarization, both politically and culturally, can contribute to skepticism toward

traditional values. Young people may align themselves with progressive or countercultural movements that challenge established norms. It's essential to recognize that skepticism toward traditional values is not uniform across all young people or societies. Views can vary based on cultural, social, economic, and individual factors.

Systematizing the views of domestic scientists in the study of traditional values is crucial for several reasons. By organizing and categorizing the perspectives and insights of scholars, researchers can better understand, analyze, and build upon existing knowledge. Systematizing these views helps organize the diverse insights, making it easier to identify common themes, contradictions, and gaps in knowledge. Systematization contributes to conceptual clarity by providing a structured framework for defining and understanding traditional values. Different scholars may use varied terminology and conceptual frameworks, and systematization allows for the creation of a common language and set of definitions. Systematizing views enables the identification of patterns and trends within the research landscape. Researchers can discern commonalities or recurring themes across different studies, helping to build a more comprehensive understanding of the dynamics surrounding traditional values. Organizing the views of domestic scientists is beneficial for policymakers, practitioners, and educators.

Funding. *This research was funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Grant No. AP19577138. Cultural analysis of traditional and innovative value processes in the Southern regions of Kazakhstan).*

Bibliography

1. Isupova O. Learning, performance, fatigue and regret: Tales of motherhood on Russian social media in the 2010s–2020s // *Europe – Asia Studies*. – 2023. DOI: 10.1080/09668136.2023.2267808.
2. Naizabayeva G., Garifolla Y., Mukhanbet A. Changes in the traditional occupations and discourse of women: New element of human capital in redesigned Kazakh society // *Journal of Ethnic and Cultural Studies*. – 2022. – № 9(4). – P. 55–69. DOI: 10.29333/ejecs/1295.
3. Sadykova T., Stamova R., Abdina A., Sapargaliyeva S., Kulzhanova Z., Zhanarstanova M. Globalization of culture in Kazakhstan and Kyrgyzstan: Ways of its manifestation // *Croatian International Relations Review*. – 2023. – № 28(91). – P. 147–161. DOI: 10.2478/CIRR-2022-0069.
4. Toleubekova R. K., Zhumataeva E., Sarzhanova G. B. The role of ethnopedagogy in shaping positive attitudes towards traditional values of Kazakh people among future teachers in Kazakhstan // *Koers*. – 2022. – № 87(1). P. 1–12. DOI: 10.19108/KOERS.87.1.2430.

© Nassimov M. O., Sabitov A. G., 2024

УДК 811.161.1 EDN RBWGFT

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ГЕНДЕРНОГО КОНЦЕПТА «ЖЕНЩИНА» (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЯЗЫЧНОГО МЕДИАДИСКУРСА О ЖЕНЩИНАХ ИСЛАМСКОГО ВОСТОКА)

К. А. Афан

Ассистент, ORCID 0009-0007-6113-4378,
e-mail: afyan_ka@surgu.ru,
Сургутский государственный университет,
г. Сургут, Россия

LINGUISTIC MEANS OF REPRESENTATION OF THE GENDER CONCEPT "WOMAN" (BASED ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN MEDIA DISCOURSE ABOUT WOMEN OF THE ISLAMIC EAST)

К. А. Афан

Assistant,
Surgut State University,
Surgut, Russia

Abstract. This article is devoted to the study of the current problem of gender description of concepts in the Russian-language media discourse. The article defines the key concepts of "gender" and "concept". Special attention is paid to the consideration of the concept of "WOMAN" and its dominant frames. The analysis of various linguistic means of representing this concept of "WOMAN" in the Russian-language media discourse is carried out. The materials for the study were articles from the Russian media about women of the Islamic East.

Keywords: gender; gender linguistics; concept; media discourse; woman.

Растущий интерес к вопросу проявления гендера на разных языковых уровнях обуславливает актуальность данной работы. Цель статьи заключается в описании образа нынешней женщины Исламского Востока в русскоязычном медиадискурсе и анализе лингвистических средств.

В данной статье целесообразно рассмотреть следующие ключевые понятия: *гендер* и *концепт*. Необходимо отметить, что *гендер* является одним из базовых измерений социальной структуры общества. Использование данного понятия имеет междисциплинарный характер, поскольку данная категория может быть рассмотрена с точки зрения психологии, социологии, культурологии, языкознания и многих других наук. Рассматривая данное понятие в рамках языкознания необходимо

подчеркнуть, что в русский язык слово *гендер* пришло из английского языка (*gender*), в котором оно исходно обозначало грамматическую категорию рода. Спустя несколько лет понятие *gender* расширилось – его стали трактовать в том числе как социо-психологическую категорию. В новейшем философском словаре данное понятие имеет следующее определение: «понятие, используемое для отображения социокультурного аспекта половой принадлежности человека» [10, с. 155].

Является важным также представить понятие *концепт*, которое рассматривается в отечественной лингвистике такими учеными, как С. А. Аскольдовым, Е. С. Кубряковой, В. А. Масловой, В. И. Карасиком, Ю. С. Степановым и др. Изучим толкование некоторых из них.

Так, С. А. Аскольдов рассматривает *концепт* как «мыслительное образование, которое замещает в процессе мысли огромное количество предметов одного и того же рода» [2]. Как было отмечено В. А. Масловой, *концепты* – это обусловленные культурой основные элементы картины мира, которые обладают значимостью и для языковой личности, и для лингвокультурного сообщества [9, с. 51]. Е. С. Кубрякова предлагает понимать концепт как единицу мышления и памяти, которая несет информацию о предмете или явлении, а также отражает культуру народа [8, с. 316].

Стоит отметить, что на сегодняшний день лингвистика уделяет пристальное внимание гендерной концептосфере, включающей гендерные концепты. Гендерная концептосфера определяется как совокупность индивидуальных концептосфер мужчин и женщин [5]. Главными ее элементами считаются концепты «мужчина» и «женщина». Следует упомянуть, что концепт «ЖЕНЩИНА» является базовой составляющей концептосфер различных языков мира, поскольку данный концепт отражает культурные особенности и стереотипы, принятые в определенном культурном обществе. Более того, исследования языковых средств позволяет выявить специфические особенности восприятия женщин в определенной культуре.

Исследование гендерных концептов, а именно концепта «ЖЕНЩИНА», возможно на материале художественной литературы, фразеологизмов, пословиц и поговорок, а также на материале СМИ. В своем исследовании изучаются гендерный концепт «ЖЕНЩИНА» и его языковые средства репрезентации на материале русскоязычных статей о женщинах Исламского Востока.

Является целесообразным определить границы Исламского Востока. В данной работе рассматриваются следующие регионы: Средняя Азия, Ближний Восток, Северный Кавказ и Азербайджан.

Методом сплошной выборки было выявлено, что концепт «ЖЕНЩИНА» в русскоязычном медиадискурсе может быть представлен несколькими превалирующими фреймами: «внешность», «положение в обществе» и «семья». Рассмотрим их вербализацию на примерах статей из СМИ о женщинах Исламского Востока.

Для начала остановимся на фрейме «внешность». Особое внимание в статьях уделяется длинному развевающемуся одеянию женщин. Зачастую авторы статей прибегают к использованию **оценочной лексики** для описания внешнего облика женщин. Авторы статей из русскоязычных СМИ используют лексику с негативной коннотацией: «*Вот эти **запакованные** ходят*» [6]. Под *запакованной* мы понимаем женщин Исламского Востока, которые в силу своей конфессиональной принадлежности носят покрывающие тело одежды. Из контекста мы можем прочувствовать и понять авторскую позицию к данным женщинам, которая выражается недовольством и критическим отношением. Однако в СМИ существуют также нейтральные и положительные примеры, характеризующие образ женщины, который объективируется через **сравнения и метафоры**. В статьях о мусульманских женщинах зачастую авторы пишут о том, что религиозная одежда не ущемляет ее права, а наоборот позволяет предотвратить смуту и защищает женщин от сомнительного и порочного: «*Хиджаб – это **защита** её чести, **преграда**, отделяющая женщину о мужчин*» [1]. Использование метафоры в данном фрагменте текста из СМИ дает возможность читателю проникнуть в замысел автор и раскрывает глубинный смысл. Необходимо отметить, что покрывающая одежда символизирует зачастую порядочность и благочестие: «*Это занавес застенчивости, скромности и благопристойности*» [1]. Автор использует метафору в своем высказывании, при помощи которой сопоставляются два абсолютно разных понятия. Это позволяет

судить о том, что религиозная одежда несет свою философию и характеризует восточных женщин как воспитанных и сдержанных.

Далее обратимся к фрейму «положение в обществе», который ярко представлен в русскоязычном медиадискурсе. Данный фрейм реализуется на **лексическом уровне**. Так, например, авторы статей используют экспрессивную лексику, тем самым передавая свое отношение к предмету, в данном случае негативное: *«Она лицо семьи, нянька, кухарка, прачка, повариха, секс-кукла, инкубатор для вынашивания и рождения наследника, сиделка и многое другое»* [3]. Отрицательная коннотация, использованная в примере выше, характеризует женщин крайне грубо. Здесь автор добивается отрицательного значения посредством суффиксов эмоциональной оценки с оттенком пренебрежения и метафоры. Более того, в статьях о женщинах Исламского Востока фрейм «положение в обществе» вербализуется посредством таких стилистических приемов, как **парцелляция** и **риторические вопросы**. Продолжая анализ статуса женщины на Северном Кавказе и Азербайджане, отмечаем, что возможности женщин действительно кажутся ограниченными: *«Бегут от запретов, из-за того, что родители не разрешают учиться, разводиться, не выходить замуж, снять хиджаб или носить хиджаб. Ну и из-за страшных вещей. Из-за побоев и издевательств. Из-за угроз убийством. Из-за сексуализированного насилия»* [11]. Автор статьи из СМИ прибегает к использованию стилистического приема парцелляции с целью придать речи интонационную экспрессию путём её отрывистого произнесения. Автор умышленно выделяет части предложения в самостоятельные высказывания, что позволяет сделать их более весомыми в смысловом отношении. Парцеллированные конструкции подчеркивают все те ограничения и трудности, с которыми сталкиваются женщины на Северном Кавказе. Положение женщины в

обществе и ее права объективируются также риторическими вопросами: *«Дискриминация женщин в исламе: есть или нет?»* [7] и *«Может ли женщина остаться в исламе и быть свободной?»* [6]. Авторы статей обращают внимание читателей на вопрос ущемления прав женщин посредством вопроса, не требующего ответа, тем самым устанавливает контакт с читателем.

Обратимся к рассмотрению следующего фрейма «семья», функционирование которого осуществляется посредством **метафор**. С раннего детства детей достаточно строго воспитывают и жестко распределяют гендерные роли, где мальчика воспитывают как главу, защитника и опору семьи, а девочек готовят быть хозяйкой и послушной женой. В силу того, что воспитание на Кавказе крайне сдержанное и строгое, для многих женщин жизнь воспринимается как заточение: *«родной дом – тюрьма»* [11]. Автор сопоставляет дом и тюрьму, тем самым подчеркивает, что место, где живет человек, может быть местом лишения свободы и ограничения других прав. Существуют также пример с **фразеологизмом**, репрезентирующий фрейм «семья». Обращаясь к традициям кавказского народа, является необходимым подчеркнуть важность сватовства и свадьбы на Северном Кавказе и Азербайджане. Так, например, в статье о жизни женщин в Чечне об обряде сватовства говорится следующее: *«Жених берет невесту как kota в мешке»* [4]. Автор употребляет устойчивое выражение «брать как kota в мешке», которое имеет значение «приобретать неизвестно что», тем самым делает текст более ярким и выразительным.

Таким образом, в данной статье были рассмотрены ключевые понятия: *гендер* и *концепт*. В исследуемом концепте «ЖЕНЩИНА» выделено три доминирующих фрейма, которые подверглись анализу. В ходе анализа мы определили, что авторы российских статей прибегают к использованию таких стилистических

средств для детализации образа женщины Исламского Востока, как сравнения, метафоры, риторические вопросы и парцелляцию, а также лексику с отрицательной и положительной коннотациями. Стоит также отметить обилие фразеологизмов в русскоязычном медиадискурсе. Среди представленных фреймов наиболее ярко вербализуется фрейм «положение в обществе».

Библиографический список

1. Абдалла И. Внутренний и внешний хиджаб – URL: <https://www.islam.plus/ru/semya/musulmanka/vnutrennii-i-vnesnii-hidzab> (дата обращения: 12.12.2023)
2. Акетин О. С. Концептуальный анализ художественного текста и художественный концепт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnyy-analiz-hudozhestvennogo-teksta-i-hudozhestvennyy-kontsept> (дата обращения: 13.12.2023)
3. Акиева М. «Я не отношу себя к феминизму. Термин исчерпал себя»: кавказские женщины о борьбе за свои права, исламе и традициях – URL: <https://ambivert.club/caucasian-women/> (дата обращения: 01.12.2023)
4. Анашкевич С. Как живет девушкам в Чечне – URL: <https://medium.com/life-travel/как-живет-девушкам-в-чечне-6e3baa7c00d> (дата обращения: 29.11.2023)
5. Бычкова Т. А. Гендерный аспект русской концептосферы // Вестник КазГУКИ. 2013. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernyy-aspekt-russkoy-kontseptosfery> (дата обращения: 09.01.2024)
6. Ваганова Е. Носить хиджаб и быть второй женой – как выбор. Может ли женщина остаться в исламе и быть свободной – URL: <https://www.fontanka.ru/2021/03/29/69837050/> (дата обращения: 11.01.2024)
7. Дошукаева А. Мусульманский феминизм. Дискриминация женщин в исламе: есть или нет? – URL: <https://argumenti.ru/society/2019/08/627150> (дата обращения: 09.01.2024)
8. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 556 с.
9. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. – М., 2007. – 296 с.
10. Новейший философский словарь / Сост. А. А. Грицанов. — Мн.: Изд. В. М. Скакун, 1998. – 896 с.
11. Саадуева У. Кавказские пленницы. Почему четыре сестры из Дагестана сбежали в Грузию? – URL: https://dag.aif.ru/society/details/kavkazskie_plennicy_pochemu_chetyre_sestry_iz_dagestana_sbezhaliv_gruziyu (дата обращения: 16.01.2024)

© Афан К. А., 2024

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ, РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ,
СОДЕРЖАЩИХСЯ В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

И. А. Курочкин

*Магистрант, e-mail: Alankia@mail.ru,
Юридический институт
имени М. М. Спиранского
Владимирский государственный
университет имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых,
г. Владимир, Россия*

INDIVIDUAL ISSUES RELATED TO THE RE-SOCIALIZATION
OF CONVICTS HELD IN PENITENTIARY INSTITUTIONS

I. A. Kurochkin

*Undergraduate,
M. M. Spiransky Law Institute
of the Federal State Budgetary
Vladimir State University named after
Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich
Stoletov, Vladimir, Russia*

Abstract. The article examines certain issues of the re-socialization of convicts held in places of deprivation of liberty, their reintegration into society. The issues of the re-socialization of convicts and persons released from prison are of great theoretical and practical importance. The re-socialization of convicts released from correctional institutions is currently not fully implemented in the domestic penitentiary system. Therefore, the question is raised about the need to create a state program of post-penitentiary support for convicts after release. The concept of "resocialization" is analyzed.

Keywords: crime; correctional institution; recidivism; penitentiary institution; convict; places of deprivation of liberty; re-socialization; punishment; socialization; release; social; crime; citizen; special agent; freedom; correction.

Проблемы социальной реабилитации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, их реинтеграции в общество, напрямую зависят от эффективности ресоциализации и социальной адаптации в период отбывания наказания, а, следовательно, являются индикатором уровня рецидивной преступности, поэтому данная тема в нашей стране всегда находилась в поле зрения органов правопорядка.

Рецидивная преступность среди лиц, освободившихся из исправительных учреждений (далее ИУ) занимает особое место в деле борьбы с преступностью. Ее рост показывает, что осужденные оказа-

лись невосприимчивыми к применявшимся к ним мерам и средствам уголовно-процессуального, уголовно-правового и уголовно-исполнительного воздействия.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в 2022 г. было осуждено 578751 человек, в том числе 493892 мужчин и 84859 женщин. Удельный вес в общем числе осужденных составил соответственно в процентах 85,3 и 14,7. В том числе в 2022 г. было осуждено 214139 человек, ранее судимых и имеющих неснятую или не погашенную судимость, что составляет 37 % от общего числа привлеченных к уголов-

ной ответственности граждан в 2022 г. В 2020 г. осуждено 204790 человек, а в 2021 г. – 212633 человек. В сравнении 2020 г. и 2022 г. произошел рост на 4,67 % числа осужденных, ранее судимых, и имеющих неснятую или непогашенную судимость. Среди осужденных в 2022 г. за совершение преступления не отбыв наказание по предыдущему приговору было осуждено 103668 человек, что составляет 48,4 % от общего числа привлеченных к уголовной ответственности граждан в 2022 г. В 2020 г. было осуждено 91100 человек. В 2021 г. – этот показатель составил 99196 человек [1]. По сравнению с 2020 г. и 2022 г. показатель числа осужденных не отбывших наказание по предыдущему приговору вырос на 13,78 %.

Приведенные выше цифры говорят, что в настоящее время количество повторных правонарушений остается высоким, не смотря на введение новых законов и ужесточение наказания. Рецидивисты продолжают совершать правонарушения в большом количестве. На основе статистических данных об уровне преступности в России социологи вывели среднестатистический портрет потенциального преступника. В большинстве случаев это мужчина 30–50 лет, не имеющий высшего образования, без постоянного официального дохода, не имеющий официально зарегистрированного брака, злоупотребляющий алкоголем, скорее всего ранее уже судимый.

Такой прототип человека встречается практически в каждом подъезде многоэтажного дома, а значит, почти каждый житель России может столкнуться с преступными действиями в своем городе.

С психологической точки зрения, сложность социальной адаптации обуславливается и тем, что у освобожденных из ИУ значительно сужены рамки общения. У них утрачены многие социально полезные связи.

По действующему уголовно-исполнительному законодательству (ст. 1

УИК РФ), государство имеет своими целями исправление осужденных и предупреждение совершения ими новых преступлений [2], на основании этого в последнее время в стране наметилась тенденция на уделение внимания вопросам ресоциализации гражданам, освобождающимся из мест лишения свободы.

Тема ресоциализации осужденных сегодня является приоритетной задачей. Именно поэтому вопрос ресоциализации осужденных и лиц, освободившихся из мест лишения свободы, находится на контроле у главы государства. На администрацию ИУ, возлагается огромная ответственность на подготовку спецконтингента, содержащегося в ИУ к освобождению из заключения.

Процесс ресоциализации – это меры вовремя и после отбывания наказания, которые помогают осужденному, освободившись устроить свою жизнь так, чтобы больше не возникало желания и необходимости совершения новых преступлений.

Например, в УФСИН России по Ивановской области с гражданами, освободившимися из мест лишения свободы, ресоциализация начинается на этапе, когда им только предстоит освобождение. Для решения данной задачи осуществляется сотрудничество между комитетом Ивановской области по труду, содействию занятости населения, трудовой миграции и Управлением ФСИН России по Ивановской области в соответствии с заключенным соглашением. Ежеквартально сотрудники Центра занятости проводят занятия по социальной реабилитации лиц, подлежащих освобождению из мест лишения свободы. Кроме того, востребованной среди освобождающихся информация о курсах дополнительного образования [3].

В прошлом, термин «ресоциализация осужденных» редко употреблялся в пенитенциарной литературе. В настоящее время это понятие все чаще встречается в научных работах, посвященных вопросам исполнения наказания в виде лишения

свободы. Появились расхождения во мнениях ученых относительно содержания данного процесса. В каком смысле – широко или узко – автором понимается указанный термин.

Под ресоциализацией в широком смысле понимается процесс исправления судимых лиц. Под ресоциализацией в узком смысле подразумевается социальный процесс в постпенитенциарный период, когда происходят качественные изменения личности, перестройка взглядов, представлений, мотивационной сферы поведения, находящие свое внешнее выражение в правопослушном поведении.

Хорошее понятия и сущности, ресоциализации на мой взгляд, дает российский ученый Ю. В. Баранов. Переходя к сущности ресоциализации он предлагал понять, что из себя представляет «сущность социализации». Сущность социализации, по его мнению, это процесс, в ходе которого люди обучаются соблюдению социальных норм, процесс, делающий возможным существование общества и передачу его культуры от поколения к поколению.

По мнению Ю. В. Баранова процесс социализации может рассматриваться с нескольких позиций. С первой точки зрения, он понимается как интернализация социальных норм: социальные правила становятся внутренними для индивида в том смысле, что они более не навязываются посредством внешней регуляции. Они налагаются индивидом на себя, являются частью его «Я». У индивида вырабатывается чувство потребности соответствия социальным нормам. Но ресоциализация наоборот требует внешней регуляции.

С другой точки зрения, социализация в социологии может пониматься как существенный элемент социального взаимодействия. Это понимание основывается на предположении, что люди стремятся к возвышению в собственных глазах посредством достижения престижного статуса и одобрения со стороны других. Появляется необходимость исключения из общей массы тех граждан, которые ни к

чему социальному не стремятся, и не стремятся к возвышению в собственных глазах. Совершенно очевидно и то, что престижный статус и одобрение могут иметь место и в асоциальных группах и сообществах [4].

По утверждению Ю. В. Баранова прибавление приставки «ре» к тому или иному слову обозначает: возобновление или повторность действия; противоположное действие или противодействие. Он подмечает, что не может быть повторной социализации. Поэтому ресоциализация осужденного может быть определена как возобновление социализации лица с целью привития общественной роли, а может быть применен и термин вторичной социализации [5].

Из чего можно вывод, что ресоциализация – это система мер (воспитательного, психологического, нравственного, социально-экономического, правового характера), предусмотренных государством, которые сотрудники ИУ применяют к спецконтингенту, который подвергся уголовному наказанию с целью восстановления, укрепления утраченных, осужденным социальных связей за время содержания в ИУ.

Процесс исправления осужденных в ИУ это сложное понятие. По моему мнению его следует рассматривать с нескольких позиций. А именно: как задачу деятельности органов, исполняющих наказание. Как процесс перевоспитания личности осужденных. Изменение у спецконтингента антиобщественных взглядов, навыков и привычек. Привитие осужденным нравственных качеств гражданина России в период содержания в ИУ. Третья позиция, как результат деятельности органов, исполняющих наказание, при котором достигнуты требования ч. 1 ст. 9 УИК РФ [2].

Многочисленные примеры подтверждают, что те осужденные, которые прошли планомерную нравственную и психологическую подготовку перед освобождением, не потеряли полезных социальных связей с обществом. Оказались после

освобождения в нормальном окружении, смогли быстро вернуться к полезной деятельности. Им легче других было отказаться от соблазнов, которые вели на путь совершения новых противоправных деяний. Выбор, который делает осужденный перед освобождением, зависит от него самого, но большинство освобожденных нуждаются в квалифицированной поддержке при решении проблем трудового и бытового устройства.

Подводя итог можно сделать вывод, что ресоциализация рассматривается как процесс исправления осужденных в местах лишения свободы и полноценное включение в жизнь общества после отбытия наказания. Ресоциализация граждан, освобожденных из пенитенциарных учреждений, является комплексной и одной из самых первостепенных. Она направлена на профилактику преступности. Упущения по этому направлению деятельности влекут отрицательные последствия как для самих бывших преступников, так и для всего общества в целом. Для достижения этой цели необходимо дальнейшее развитие правомерных контактов с внешним миром в целях получения осужденными информации, необходимой для формирования адекватного

представления о реальной действительности. Немаловажным, является активизация общественного воздействия на осужденных со стороны общественных объединений, религиозных организаций, родственников, способных оказывать на них положительное влияние.

Библиографический список

1. Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации, URL: <http://cdep.ru/?id=79>
2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 N 1-ФЗ (ред. от 24.06.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/
3. Сайт общественной палаты Ивановской области URL: <http://opiv.ru/info/news/6589/>
4. Хван И. И. Понятие и сущность ресоциализации осужденных к лишению свободы и ее соотношение со смежными институтами // Бюллетень науки и практики. 2021. Т. 7. № 6. С. 382–387. URL: <https://doi.org/10.33619/2414-2948/67/43>
5. Баранов Ю. В. Сущность ресоциализации осужденных к лишению свободы и лиц, освобожденных из мест лишения свободы // Вестник Чувашского университета. 2006. № 4. С. 116–122.

© Курочкин И. А., 2024

УДК 376.3 EDN SJZVMZ

АБИЛИТАЦИОННАЯ ПОМОЩЬ ДЕТЯМ РАННЕГО ВОЗРАСТА С ЦЕРЕБРАЛЬНЫМ ПАРАЛИЧОМ

Н. С. Алпатова

*Кандидат социологических наук, доцент,
ORCID: 0000-0002-0784-2396,
e-mail: alpatova.ns@mail.ru,
Московский социально-педагогический
институт,
Московский университет им. С. Ю. Витте,
г. Москва, Россия*

Ю. Ю. Березина

*кандидат педагогических наук, доцент,
ORCID: 0009-0003-6438-8737,
e-mail: jul-31@mail.ru,
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет,
г. Волгоград, Россия*

И. Д. Костюков

*магистрант,
ORCID: 0009-0008-8948-3526,
e-mail: ilya.kostykov89@gmail.com,
Московский социально-педагогический
институт,
г. Москва, Россия*

HABILITATION ASSISTANCE FOR YOUNG CHILDREN WITH CEREBRAL PALSY

N. S. Alpatova

*Candidate of sociological sciences,
associate professor,
Moscow Socially-Pedagogical Institute;
Moscow University named after S. Yu. Witte,
Moscow, Russia*

Yu. Yu. Berezina

*candidate of pedagogical sciences,
associate professor,
Volgograd State Socially Pedagogical University,
Volgograd, Russia*

I. D. Kostyukov

*master's student,
Moscow socially-pedagogical institute,
Moscow, Russia*

Abstract. The article discusses the problem of habilitation assistance for children with cerebral palsy. Cerebral palsy is a pathology in which a disorder of muscle innervation develops in combination with numerous associated symptoms. A distinctive feature of cerebral palsy is the presence of complex disorders in the motor, speech, mental and social spheres, which are accompanied by associated symptoms. The purpose of the study was to theoretically substantiate, develop and implement a program of habilitation assistance for children with cerebral palsy. The experimental work was carried out in stages and involved consistent stimulation of the development of motor, mental and speech functions. At the diagnostic stage, the level of development of children in speech, motor, cognitive and social spheres was studied. The examination was aimed at identifying the current level of development of the child and his zone of proximal development. Disturbances in the motor, cognitive, speech and social development of young children with cerebral palsy represent a complex symptom complex, are

qualitatively heterogeneous and complicate the social adaptation of children. At the activity stage of the experimental work, a program of habilitation assistance for young children with cerebral palsy was developed and implemented based on a differentiated approach, aimed at compensating for existing disorders in children and their social adaptation. In order to test the effectiveness of the habilitation assistance program for children with cerebral palsy, we carried out a control and evaluation stage of experimental work, which made it possible to identify the positive dynamics of level indicators of development along the main lines of development of children in this category. The results of experimental work showed that the effectiveness of habilitation assistance for children with cerebral palsy is achieved if a number of conditions are met: purposefulness and prolongation of the habilitation process, the use of an individual approach, and the use of modern methods of habilitation assistance. The condition for compensation for violations along the main lines of development of children in this category is the development and implementation into practice of a system of habilitation assistance, which takes into account specific violations in the development of various functional systems, current and potential opportunities for the social and personal development of the child. The active participation of parents in the process of habilitation of children is an important condition for its effectiveness. It is possible to achieve positive dynamics in the development of children with cerebral palsy thanks to active psychological and pedagogical support and accompaniment of family members, the formation of a positive attitude towards the child and the provision of systematic habilitation assistance to him.

Keywords: habilitation assistance; children; early age; cerebral palsy; main lines of development.

На современном этапе развития общества наблюдается тенденция увеличения числа детей с церебральным параличом и с инвалидностью вследствие данного тяжёлого заболевания нервной системы.

Под детским церебральным параличом (ДЦП) понимают патологию, при которой развивается нарушение мышечной иннервации в комбинации с многочисленными сопутствующими симптомами (8D20.11. Спастический диплегический церебральный паралич; 8D20.1Z. Спастический двусторонний церебральный паралич, неуточненный) [5]. Отличительной особенностью ДЦП является наличие сложных комплексных нарушений в двигательной, речевой, психической и социальной сферах, которые сопровождаются сопутствующими симптомами (Л. О. Бадалян, Л. А. Данилова, Л. Т. Журба, М. В. Ипполитова, И. Ю. Левченко, И. И. Мамайчук, Е. М. Мастюкова, О. Г. Приходько, К. А. Семенова и др.) [7]. Сложность формирования у детей с ДЦП двигательных умений и навыков напрямую связана с особенностями их моторного развития.

Исследователями выявлены такие клинические формы речевых нарушений при детском церебральном параличе как алалия, дизартрия, задержка речевого развития и другие (Е. Ф. Архипова, О. Г. Приходько, К. А. Семенова и др.) [3].

Снижение уровня инвалидности детей с диагнозом ДЦП возможно благодаря внедрению в практику системы абилитационной помощи, направленной на своевременную систематическую лечебно-педагогическую работу с детьми данной категории (Л. И. Аксенова, И. Ю. Левченко, Е. М. Мастюкова, Н. М. Назарова, О. Г. Приходько и др.) [1, 6].

Особую актуальность в современных условиях приобретает проблема разработки и внедрения в практику системы абилитационной помощи детям с ДЦП, которая способствует компенсации нарушений развития и социальной адаптации таких детей, начиная с раннего возраста.

Цель исследования: теоретическое обоснование, разработка и реализация программы абилитационной помощи детям с церебральным параличом и психолого-педагогического сопровождения родителей.

Программа включала в себя 2 модуля: первый модуль программы был направлен на абилитационную помощь детям раннего возраста с церебральным параличом, второй — посвящен психолого-педагогическому сопровождению родителей данной категории детей.

Абилитационная помощь детям с ДЦП предполагала последовательную поэтапную стимуляцию развития двигательных,

психических и речевых функций. Абили-
тационная помощь заключалась в адапта-
ции окружающей среды для компенсации
отсутствующих или нарушенных функций
ребёнка и была направлена на то, чтобы
ребенок мог достичь определённого уров-
ня функционального развития альтерна-
тивными путями (Л. И. Аксенова,
Е. Ф. Архипова, И. Ю. Левченко,
Н. М. Назарова, О. Г. Приходько и др.).

Целью диагностического этапа экспе-
риментальной работы являлось изучение
уровня развития детей в различных сфе-
рах (двигательной, речевой, психической

и социальной). Обследование было
направлено на выявление актуального
уровня развития ребенка и зоны его бли-
жайшего развития.

В обследовании приняли участие 20
детей 2–3 лет с различными формами
ДЦП: со спастической диплегией» (90 %),
с гемипаретической формой (10 %).

По результатам диагностики дети были
разделены на четыре группы в соответствии
с уровнем их развития: низкий (7 детей –
35 %), средний (10 детей – 50 %), выше
среднего (3 детей – 15 %). Высокий уровень
среди детей не был выявлен (рис. 1).

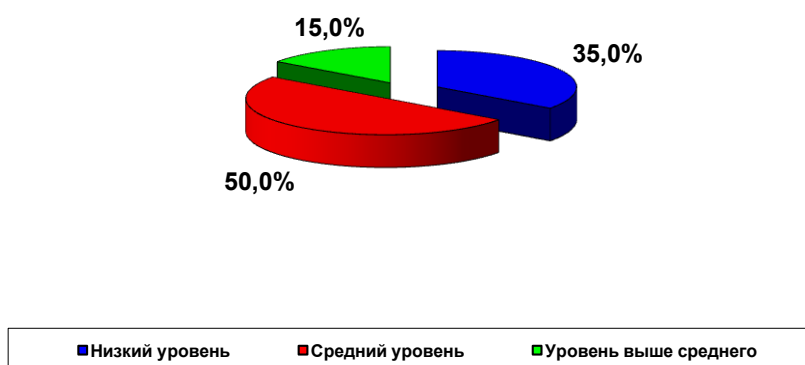

Рис. 1. Распределение детей с церебральным параличом по уровням развития на диагностическом этапе опытно-экспериментальной работы

В ходе диагностического исследова-
ния выявлены дети преимущественно со
средним и низким уровнями развития, у
которых формирование по основным ли-
ниям развития (двигательной, речевой,
психической и социальной) запаздывает
по качеству и по времени возникновения;
отношения с взрослыми и сверстниками
примитивны и соответствуют более ран-
нему этапу развития, отмечается фрагмен-
тарность, неполнота содержания и спосо-
бов взаимодействия с окружающими
людьми.

Данные диагностики послужили осно-
вой для разработки программы абилита-
ционной помощи детям с церебральным
параличом.

На деятельностном этапе опытно-
экспериментальной работы была разрабо-
тана и реализована программа абилита-
ционной помощи детям раннего возраста с
ДЦП на основе дифференцированного
подхода, направленная на компенсацию
имеющихся нарушений у детей и их соци-
альную адаптацию.

Абилитационная помощь детям с ДЦП
основана на следующих принципах: ран-
нее начало абилитационных мероприятий
с опорой на сохранные функции; учет ин-
дивидуального уровня развития ребенка,
без учета возраста; обязательный учёт
взаимовлияния двигательных, психиче-
ских и речевых нарушений в динамике
развития ребенка, а также учет его психо-

физического состояния; регулярное проведение лечебных мероприятий, направленных на развитие скоординированной системы межанализаторных связей, опора на все анализаторы с обязательным включением двигательного-кинестетического анализатора; абилитация организуется в рамках ведущей деятельности, предполагает сочетание различных видов и форм помощи, а также обязательное вовлечение родителей в абилитационный процесс.

Основные направления разработанной абилитационной программы для детей раннего возраста с ДЦП таковы: стимуляция двигательного и речевого развития, психическое и социальное развитие.

Наиболее распространенными авторскими методами абилитации и реабилитации детей с ДЦП являются: метод нейроразвивающей терапии (К. Бобат, Б. Бобат), метод рефлекс-локомоций (В. Войта), метод кондуктивной педагогики (А. Петё), метод динамической проприоцептивной коррекции (К. А. Семенова) и др. [8]. В работе с детьми раннего возраста с ДЦП широко применяются тренировки с использованием биологической обратной связи, мануальная терапия, массаж, электростимуляция, рефлекторная лазеротерапия, гидротерапия и др. [2].

Для изучения состояния здоровья каждого ребенка были проведены различные диагностические мероприятия в системе интенсивной нейрофизиологической абилитации и реабилитации: клинко-неврологическое обследование, нейро-ортопедическое обследование, соматическое обследование, клинко-психопатологическое обследование, психодиагностическое обследование, логопедическое обследование, электроэнцефалография с картированием мозга, видеокон-

троль больших моторных функций, инструментальный анализ ходьбы, анкетирование родителей.

Система абилитационной помощи детям с ДЦП предполагала специально организованное образовательное пространство, способствующее созданию наиболее благоприятных условий для компенсации полиморфных нарушений различных функциональных систем (моторики, психики, речи и др.), качественному изменению возрастных новообразований, социальной адаптации, изменения качества взаимоотношений между ребенком и взрослыми.

Для успешного процесса абилитации детей с ДЦП по всем направлениям разработанной Программы было необходимо создать благоприятные условия для развития (двигательного, речевого, психического, социального). Так, для двигательной стимуляции использовалось специальное оборудование, адаптированная мебель, приспособления для мобильности (поручни, вертикализаторы, ходунки, коляски), для двигательного развития применялись тренажеры, игровые столы с бортиками, мячи, обручи. Развивающая среда включала сенсорные материалы и предметы, стимулирующие двигательную, познавательную активность детей и способствующие их речевому развитию, которое является важным фактором для формирования коммуникативных навыков. Особое внимание уделялось развитию понимания эмоций и их проявлению у детей.

С целью проверки эффективности программы абилитационной помощи детям с ДЦП нами был проведен контрольно-оценочный этап опытно-экспериментальной работы (рис. 2).

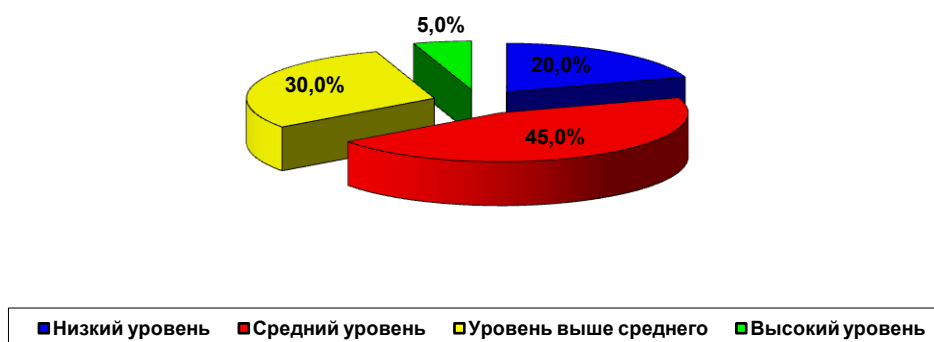

Рис. 2. Распределение детей с церебральным параличом по уровням развития на контрольно-оценочном этапе опытно-экспериментальной работы

Данные диагностического исследования позволяют констатировать следующее: низкий уровень развития наблюдается у 4 детей (20 %); средний уровень выявлен у 9 детей (45 %); уровень выше среднего зафиксирован у 6 детей (30 %); высокий уровень обнаружен у 1 ребенка (5 %).

Результаты контрольно-оценочного этапа экспериментальной работы продемонстрировали значительное улучшение уровней показателей развития детей раннего возраста с ДЦП. Дети стали демонстрировать познавательную активность, положительное эмоциональное отношение к взрослым и сверстникам, у них появилось желание делиться своими впечатлениями с окружающими. В общении дети стали чаще использовать мимическо-экспрессивную речь вместо ранее применяемых жестов. В развитии когнитивных процессов отмечается увеличение объема памяти и рост устойчивости внимания. Качественные изменения наметились в развитии ходьбы и мелкой моторики.

Сравнительный анализ данных, полученных на диагностическом и контрольно-

о-оценочном этапах экспериментальной работы, позволил выявить динамику и компенсацию нарушений развития у детей раннего возраста с ДЦП (рис. 3).

Исходя из данных рисунка 3, мы можем констатировать положительную динамику уровней показателей сформированности по основным линиям развития (двигательное, психическое, речевое и социальное) детей раннего возраста с ДЦП. Так, уменьшилось количество детей с низким уровнем развития, увеличилось число детей с уровнем выше среднего, зафиксирован высокий уровень развития, что доказывает эффективность проведенной опытно-экспериментальной работы.

Отметим, что наиболее интенсивно наблюдалось развитие в эмоциональной и социальной сферах. Формирование навыков самообслуживания и базовых моторных навыков проходило медленнее из-за сложностей развития движений при диагнозе ДЦП, низкой мотивации к овладению навыками и наличия гиперопеки со стороны родителей.

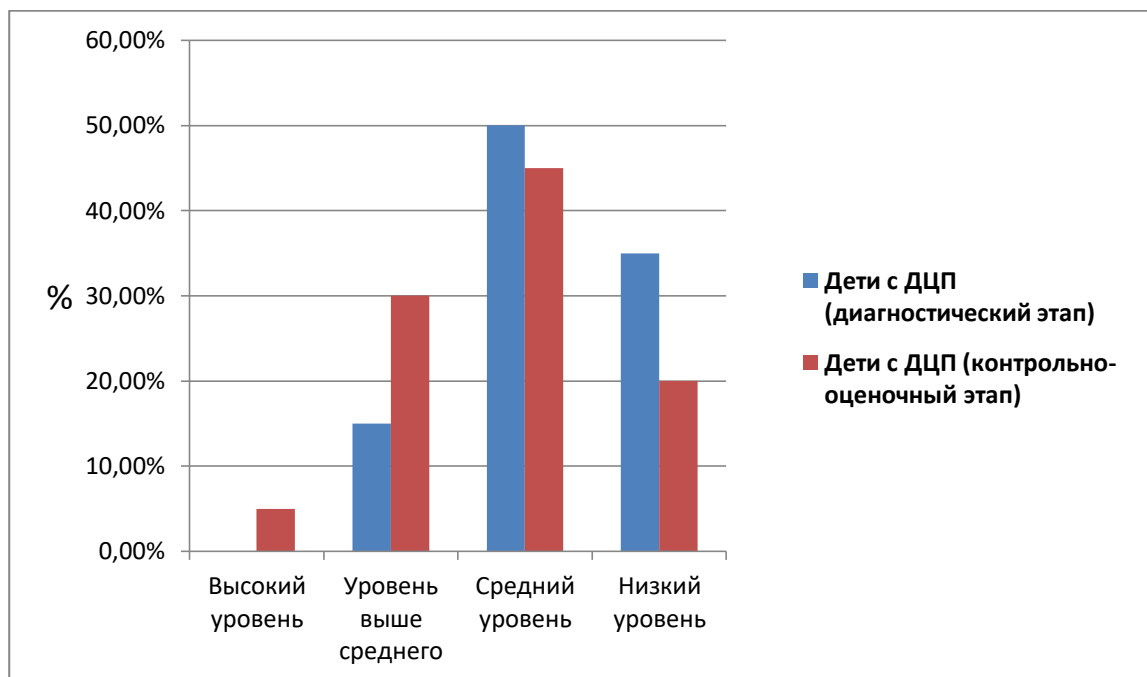

Рис. 3. Распределение детей с церебральным параличом по уровням развития на диагностическом и контрольно-оценочном этапах опытно-экспериментальной работы

Результаты опытно-экспериментальной работы показали, что эффективность реабилитационной помощи детям с ДЦП достигается при соблюдении ряда условий: целенаправленность и пролонгированность процесса реабилитации, применение индивидуального подхода, использование современных методов реабилитационной помощи, направленной на максимальную компенсацию нарушений и социальную адаптацию детей.

Особенности личности ребенка с ДЦП во многом обусловлены его положением в семье и условиями воспитания (И. Ю. Левченко, Е. М. Мастюкова, О. Г. Приходько и других). Помощь детям с ДЦП будет наиболее эффективной благодаря вовлечению родителей в реабилитационный процесс.

Психолого-педагогическое сопровождение родителей, воспитывающих детей раннего возраста с ДЦП, включает раз-

личные формы работы с семьей: беседы, лекции, индивидуальные консультации, родительские собрания, мастер-классы, семинары. Основной целью работы с родителями является формирование представлений об эффективных приемах коррекционной и логопедической работы с детьми данной категории; моделирование и разрешение педагогических ситуаций, связанных с познавательным, речевым и социальным развитием детей с ДЦП, консультативная помощь семье в выборе стратегии воспитания и способов взаимодействия с «особым» ребенком [4].

Активное участие родителей в процессе реабилитации детей является важным условием его эффективности. Достичь положительной динамики в развитии детей с ДЦП возможно, благодаря активной психолого-педагогической поддержке и сопровождению членов семьи, формированию у них положительной установки по

отношению к ребёнку и оказанию ему систематической абилитационной помощи.

Таким образом, результативность процесса абилитации напрямую связана с индивидуальными особенностями детей раннего возраста с ДЦП, применением дифференцированного подхода к каждому ребёнку на основании его ведущего нарушения и вторичных отклонений. Своевременная абилитационная помощь помогает предупредить возникновение вторичных отклонений в развитии детей данной категории, тем самым, облегчая их интеграцию в образовательную среду и социум.

Библиографический список

1. Аксенова Л. И. Абилитационная педагогика: учебное пособие для вузов / Л. И. Аксенова. – М.: Юрайт, 2021. – 337 с.
2. Алпатова Н. С. Ранняя помощь детям с ограниченными возможностями здоровья, группы риска и их семьям: учеб.-метод. пособие / Н. С. Алпатова, А. Н. Долецкий; под ред. Д. А. Мельникова. – М.: Планета, 2023. – 224 с.
3. Архипова Е. Ф. Ранняя диагностика и коррекция проблем развития. Первый год жизни ребенка: пособие для специалистов Службы ранней помощи и родителей / Е. Ф. Архипова. – М.: Мозаика-синтез, 2012. – 160 с.
4. Левченко И. Ю. Технологии обучения и воспитания детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата: учеб. пособие для студ. сред. пед. учеб. заведений / И. Ю. Левченко, О. Г. Приходько. – М.: Академия, 2001. – 192 с.
5. МКБ-11. Глава 06. Психические и поведенческие расстройства и нарушения нейропсихического развития. Статистическая классификация / под общ. ред. Г. П. Костюка. – М.: КДУ, Университетская книга, 2021. – 432 с.
6. Приходько О. Г. Система ранней помощи детям с ограниченными возможностями здоровья и их родителям / О. Г. Приходько, О. В. Югова. – М.: Деловые и юридические услуги «ЛексПраксис», 2015. – 145 с.
7. Приходько О. Г. Ранняя помощь детям с церебральным параличом в системе комплексной реабилитации: монография / О. Г. Приходько. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2008. – 208 с.
8. Реабилитация детей с ДЦП: обзор современных подходов в помощь реабилитационным центрам / Е. В. Семёнова, Е. В. Клочкова, А. Е. Коршикова-Морозова [и др.]. – М.: Лепта Книга, 2018. – 584 с.

© Алпатова Н. С., Березина Ю. Ю.,
Костюков И. Д., 2024

УДК 376.37 EDN SZQJMS

**РАЗВИТИЕ НАВЫКА СЛОВООБРАЗОВАНИЯ У СТАРШИХ
ДОШКОЛЬНИКОВ С ОБЩИМ НЕДОРАЗВИТИЕМ РЕЧИ
ПОСРЕДСТВОМ ДИДАКТИЧЕСКИХ ИГР****Н. С. Алпатова***Кандидат социологических наук, доцент,
ORCID: 0000-0002-0784-2396,**e-mail: alpatova.ns@mail.ru,**Московский социально-педагогический
институт,**Московский университет им. С. Ю. Витте,
г. Москва, Россия**студентка,**ORCID: 0009-0003-9800-9862,**e-mail: mameeva17@mail.ru,**Московский социально-педагогический
институт,**г. Москва, Россия***М. Н. Мамеева****DEVELOPMENT OF WORD FORMATION SKILLS IN OLDER PRESCHOOLERS
WITH GENERAL SPEECH UNDERDEVELOPMENT
THROUGH DIDACTIC GAMES****N. S. Alpatova***Candidate of sociological sciences,
associate professor,**Moscow socially-pedagogical institute;**Moscow University named after S. Yu. Witte,
Moscow, Russia**student,***M. N. Mameeva***Moscow socially-pedagogical institute,
Moscow, Russia*

Abstract. The article updates the problem of developing word formation skills in older preschoolers with general speech underdevelopment through didactic games. General speech underdevelopment (level III) is characterized by speech disorders in which children have impaired formation of all components of the speech system related to its sound and semantic side, with normal hearing and intelligence, which complicates the process of learning and adaptation of children to society. The purpose of the study was the theoretical justification and practical implementation of a speech therapy program for the development of word formation skills in children of senior preschool age with general speech underdevelopment (III level) through didactic games. This program was implemented in three stages: preparatory, main and final. At the preparatory stage of the program, work was carried out on the development of speech hearing, including intonation, phonetic and phonemic. During this stage, specially designed didactic games were actively used, aimed at stimulating the child's auditory perception and attention. At the main stage of the program, children were familiarized with the rules of word formation on the basis of orientation and research activities. One of the teaching methods was the use of paired comparisons of derived and producing words, accompanied by a comparative analysis of these words by designation. At the final stage of the program, older preschoolers practiced the skills of forming derivative words. Work was carried out to consolidate the skills of choosing derivative words, based on previously studied word-formation models, and to develop skills in applying the rules of word formation and inflection. This stage involved the use of exercises and didactic games to select words based on the studied structural models. Data from repeated diagnostics allow us to state a high level of effectiveness in implementing a speech therapy program to develop word formation skills in children with general speech underdevelopment (level III).

Key words: development; word formation skills; older preschoolers; general speech underdevelopment; didactic games.

Исследование возможности использования дидактических игр в процессе развития навыка словообразования у детей дошкольного возраста с общим недоразвитием речи (III уровень) представляет собой важное направление в области образования и специальной педагогики. Общее недоразвитие речи (III уровень) характеризуется речевыми расстройствами, при которых у детей нарушено формирование всех компонентов речевой системы, относящихся к ее звуковой и смысловой стороне, что усложняет процесс обучения и адаптации детей к социуму.

Многочисленные исследования, проведенные М. М. Алексеевой, С. И. Бойко, И. А. Галкиной, Е. А. Ефимовой, А. В. Захаровой, И. В. Зотовой, Ф. А. Сохиным, Б. И. Яшиной и другими, отражают современные тенденции в словообразовании с использованием дидактического материала у дошкольников. Научные работы, посвященные развитию навыка словообразования у детей с общим недоразвитием речи, отражены в трудах А. Н. Гвоздева, М. Кольцовой, Т. В. Тумановой, Т. Б. Филичевой, Т. Н. Ушаковой, Г. В. Чиркиной и других вносят существенный вклад в понимание словообразовательных процессов у детей дошкольного возраста [5].

В современной педагогике игра считается важной частью образовательного процесса для дошкольников (Т. Н. Доронова, Е. А. Земской, О. С. Павлова, Е. А. Харитоновна, Д. Б. Эльконин и другие). Игры предоставляют детям возможность активно участвовать в словообразовании, повторяя необходимые словоформы и развивая соответствующий навык. Усвоение грамматической структуры речи оказывает положительное влияние на общее развитие детей и способствует успешному переходу к изучению языка в школе [1].

Цель исследования: теоретическое обоснование и практическая реализация программы логопедической работы по развитию навыка словообразования у де-

тей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи (III уровень) посредством дидактических игр.

Исследование проводилось на базе Государственного бюджетного общеобразовательного учреждения города Москвы «Школа № 2115» дошкольный корпус № 8, г. Москва.

Используемая в настоящем исследовании методика анализа сформированности словообразования опирается на основные принципы и рекомендации выдающихся исследователей в данной области, таких как Г. А. Волкова, Р. И. Лалаева, Л. В. Лопатина, Т. В. Туманова, Г. В. Чиркина, Т. Б. Филичева и другие [6].

Представленная методика охватывает последовательные серии заданий с целью изучения способности детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи к ориентировке в звуковом составе различных частей речи, в частности, в умении аудиально выделять и распознавать словообразовательные аффиксы, такие как приставки и суффиксы. Для этого детям предлагалось анализировать цепочки слов и пары слов с приставками, суффиксами, выбирать правильный вариант прилагательных на основе предложенного нормативного и ненормативного контекста, а также самостоятельно образовывать производные слова от заданных производящих основ. Задания включали в себя описания картинного материала с последующим формированием производных слов, таких как имена существительные, прилагательные и глаголы [2].

Диагностическое исследование проводилось индивидуально в спокойной обстановке, с особой внимательностью к эмоциональному состоянию ребенка. Результаты исследования заносились в протоколы для последующего детального изучения и обобщения полученных данных. При выявлении возбужденного или подавленного состояния ребенка рекомендовалось перенести проведение исследования на более подходящий момент.

По завершении процесса диагностики каждый ребенок, включенный в экспериментальную группу, достиг определенного балльного показателя, что дало нам возможность выявить и оценить уровень развития навыка словообразования.

Проведенный анализ лингвистических операций в сфере словообразования у детей дошкольного возраста с общим недоразвитием речевых (III уровень) позволил выявить определенные закономерности и результаты (табл. 1).

Таблица 1

Результаты исследования навыка словообразования у старших дошкольников с общим недоразвитием речи (III уровень) в баллах

№	Серия А			Серия Б			Серия В			Общий результат
	1	2	3	1	2	3	1	2	3	
1	5	7	2	6	1	5	1	2	1	30
2	6	7	5	2	3	4	1	3	4	35
3	2	3	4	5	1	4	2	4	3	28
4	5	4	5	3	4	5	3	6	1	36
5	7	6	6	2	5	4	7	8	1	46
6	5	1	2	6	5	3	4	2	2	30
7	10	2	6	3	7	5	4	1	2	40
8	5	3	4	5	1	4	2	4	1	29
9	4	5	1	2	3	4	5	6	1	31
10	3	6	5	4	6	3	4	2	2	35

Сформированные уровни развития навыка словообразования у испытуемых классифицированы на основе полученных баллов следующим образом. Уровень «высокий» соответствует баллам от 50 до 57, отражая высокую степень сформированности данного навыка. Уровень «средний» охватывает интервал от 40 до 50 баллов, указывая на умеренное развитие словообразовательных навыков. Уровень «низкий» представлен результатами до 40 баллов, что свидетельствует о недостаточном развитии навыка словообразования. Эта классификация позволяет выделить градации в уровнях развития словообразовательных навыков среди детей с общим недоразвитием речи (III уровень).

Обобщив результаты первичной диагностики, мы разделили детей по трем уровням: высокий (0 %), средний (20 %), низкий (80 %). Данные представили в виде диаграммы (рис. 1).

Опытно-экспериментальная работа по развитию навыка словообразования у старших дошкольников с общим недоразвитием речи опиралась на исследования Г. А. Волковой, О. Е. Грибовой, Н. С. Жуковой, Н. В. Ницовой, Т. А. Ткаченко, Т. В. Тумановой, Т. Б. Филичевой, Г. В. Чиркиной, С. Н. Шаховской и других [3, 4].

Программа логопедической работы по развитию навыка словообразования у детей с общим недоразвитием речи (III уровень) реализовывалась в три этапа: подготовительный, основной и заключительный.

На подготовительном этапе программы осуществлялась работа по развитию речевого слуха, включая интонационный, фонетический и фонематический. В рамках этого этапа активно применялись специально разработанные дидактические игры, направленные на стимуляцию слухового восприятия и внимания ребенка. Проводились занятия, целью которых бы-

ло развитие навыков использования уменьшительно-ласкательных суффиксов, распознавание и соотнесение названий взрослых животных с их детенышами, а

также образование различных форм имен существительных.

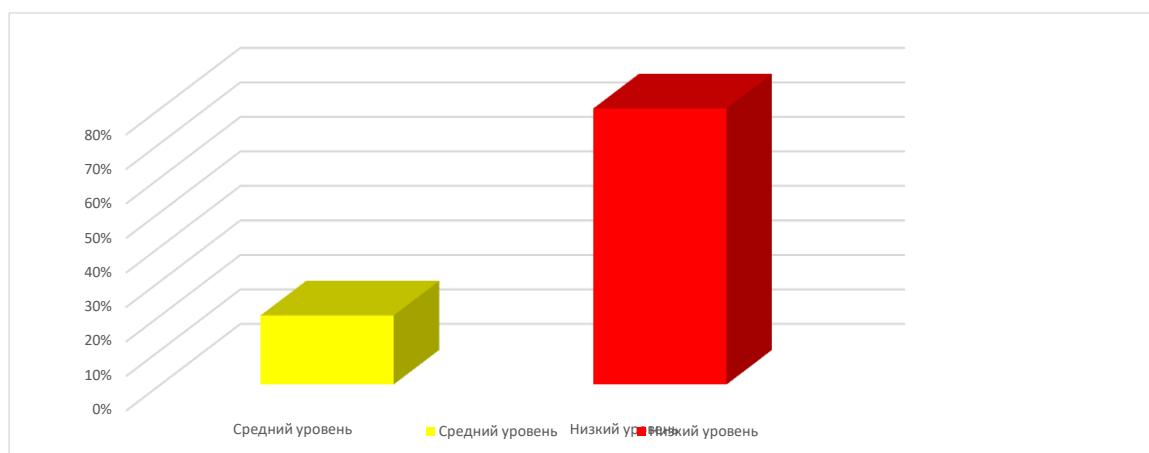

Рис. 1. Уровни развития навыка словообразования у детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи (III уровень)

На втором, основном этапе программы, происходило ознакомление детей с основными правилами словообразования на основе ориентировочно-исследовательской деятельности. На данном этапе акцент делался на обучении детей ориентироваться в структуре слов с использованием критериев, таких как длина слогового контура и звуковое сходство пар родственных слов. Одним из методов обучения было использование парного сопоставления производного и производящего слов, сопровождаемого сравнительным анализом данных слов по обозначению.

На третьем, заключительном этапе программы, старшие дошкольники отрабатывали навыки образования производных слов. Осуществлялась работа по закреплению умений выбора производных слов, на основе заранее изученных словообразовательных моделей, и отработке навыков применения правил словообразования и словоизменения. Данный этап предполагал использование упражнений и дидактические игры по подбору слов на основе изученных структурных моделей, а

также заданий, направленных на формирование навыка словообразования. Работа с детьми проводилась как индивидуально, так и в небольших группах.

Задачи программы:

1. Создание позитивной мотивации.
 - привлечение внимания детей к процессу обучения через интересные и разнообразные дидактические игры;
 - поддержка положительной обратной связи и поощрение усилий каждого ребенка.
2. Развитие навыка словообразования:
 - применение игр, направленных на формирование умения образовывать уменьшительно-ласкательные формы существительных и прилагательных;
 - использование упражнений, акцентирующих внимание детей на процессах словообразования, таких как добавление суффиксов и префиксов.
3. Формирование словарного запаса:
 - использование игр, целью которых является знакомство с новыми словами, их значениями и контекстами использования;

– работа с картинками, иллюстрирующими слова, для лучшего запоминания и понимания.

4. Оценка и коррекция прогресса:

– систематическое наблюдение за прогрессом каждого ребенка;

– корректировка программы в соответствии с индивидуальными потребностями и темпом усвоения материала.

В ходе логопедических занятий основной акцент был сделан на развитие умения обобщать информацию, выделять существенные признаки грамматических форм и конструкций. Это способствовало пониманию разнообразных языковых структур и их интеграции в общую ком-

муникативную практику. Применение разнообразных дидактических игр в данном контексте не только обеспечивало эффективное обучение, но и стимулировало интерес у старших дошкольников к учебному процессу, активизируя процесс усвоения грамматических правил для свободного высказывания. Регулярное использование игровых форм способствовало закреплению усвоенного материала по развитию навыка словообразования у детей с общим недоразвитием речи (III уровень).

Повторная диагностика проводилась с целью сопоставления результатов исследования до и после опытно-экспериментальной работы (рис. 2).

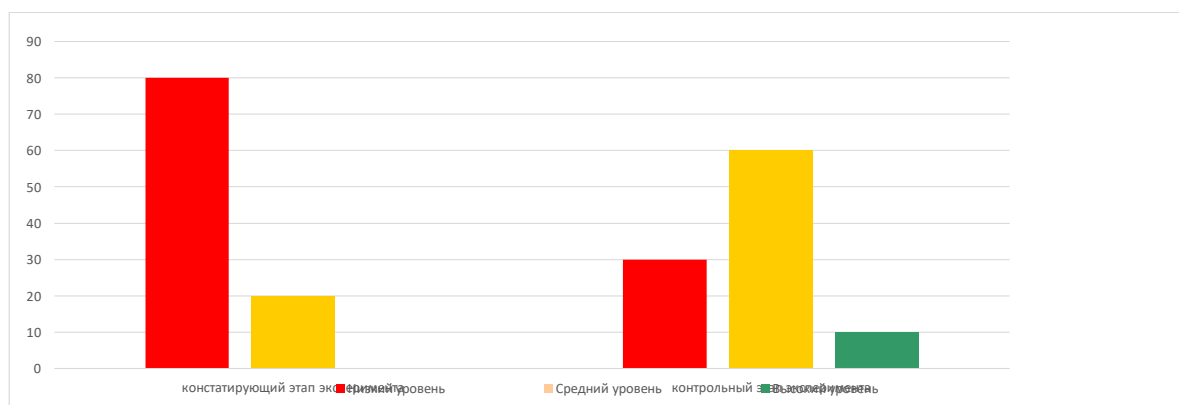

Рис. 2. Исследование уровня словообразования у детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи (III уровень) до и после опытно-экспериментальной работы

Как видно из рисунка 2, количество детей с низким уровнем развития навыка словообразования уменьшилось и составило 30 %, возросло число дошкольников со средним уровнем до 60 %, зафиксирован высокий уровень у 1 ребенка (10 %). Отмечается повышение мотивации детей к выполнению заданий на логопедических занятиях, улучшение качественных показателей усвоения словообразовательных операций у старших дошкольников с общим недоразвитием речи (III уровень).

Контроль диагностики по итогам проведенного экспериментального исследова-

ния позволяет констатировать высокий уровень результативности реализации программы логопедической работы по развитию навыка словообразования у детей с общим недоразвитием речи (III уровень).

По итогам проведенного исследования мы пришли к заключению об успешности опытно-экспериментальной работы по развитию навыка словообразования у старших дошкольников с общим недоразвитием речи (III уровень). Применение дидактических игр оказалось эффективным средством развития навыка словообразования у данной категории детей.

Библиографический список

1. Алексеева М. М., Яшина Б. И. Методика развития речи и обучения родному языку дошкольников: учеб. пособие для студ. высш. и сред. пед. учеб. заведений. 3-е изд. – М. : Академия, 2000. – 400 с.
2. Алпатова Н. С., Фуреева Е. П., Ульянова И. А. Формирование речевых навыков у детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи в игровой деятельности // Современные наукоемкие технологии. – 2022. – № 3. – С. 92–96.
3. Лалаева Р. И., Серебрякова Н. В. Коррекция общего недоразвития речи у дошкольников (формирование лексики и грамматического строя). – СПб.: СОЮЗ, 1999. – 160 с.
4. Туманова Т. В. Формирование словообразовательной компетенции детей дошкольного и младшего школьного возраста с общим недоразвитием речи: автореф. дис. ... д. пед. наук: 13.00.03. – Москва, 2005. – 45 с.
5. Филичева Т. Б., Туманова Т. В., Гущина Ю. Р. Особенности словообразовательной и коммуникативной активности детей дошкольного возраста с нарушениями речи // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6.; URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=15751> (дата обращения: 26.12.2023).
6. Хорошавина Е. В. Формирование средств речевого общения у детей дошкольного возраста с недоразвитием речи: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.03. – Москва, 2014. – 25 с.

© Алпатова Н. С., Мамеева М. Н.,
2024

УДК 378.14 EDN IFCJNB

**ПОДГОТОВКА БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ-ДЕФЕКТОЛОГОВ К РАБОТЕ
ПО СТИМУЛИРОВАНИЮ РАЗВИТИЯ РЕЧИ У ДЕТЕЙ С СИНДРОМОМ ДАУНА****Н. С. Алпатова***Кандидат социологических наук, доцент**ORCID: 0000-0002-0784-2396,**e-mail: alpatova.ns@mail.ru,**Московский социально-педагогический**институт;**Московский университет им. С. Ю. Витте,**г. Москва, Россия**воспитатель,**ORCID: 0009-0006-8545-4563,**e-mail: Ohotnikova.ev@yandex.ru,**Школа № 2103,**г. Москва, Россия***Е. С. Охотникова****TRAINING OF FUTURE TEACHERS-DEFECTOLOGISTS TO WORK
ON STIMULATING SPEECH DEVELOPMENT IN CHILDREN
WITH DOWN SYNDROME****N. S. Alpatova***Candidate of sociological sciences,**associate professor,**Moscow socially-pedagogical institute;**Moscow University named after S. Yu. Witte,**Moscow, Russia***E. S. Ohotnikova***educator,**School No. 2103,**Moscow, Russia*

Abstract. The article is devoted to the problem of preparing future teachers-defectologists to work on stimulating the development of speech in children with Down syndrome. The social order for the training of defectologists defines the task of training a multifunctional specialist capable of diagnosing and carrying out correctional pedagogical work with children with Down syndrome and their families on the basis of educational, social protection and healthcare institutions as one of the priorities for the higher education system. The modern approach to stimulating the speech activity of children with Down syndrome is based on taking into account the specific psychological and physical development, individual characteristics and inclinations of children in this category. Correctional pedagogical work includes several stages of stimulating speech development: the pre-speech stage and the stage of speech development. At the pre-speech stage, stimulation of speech development in children with Down syndrome is carried out using such expressive non-speech means of communication as gaze, facial expressions, gestures, intonation, timbre, and voice volume. At the stage of speech development, children develop the following skills: pronunciation and understanding of words, phrases and sentences; verbally expressing your feelings, emotions, and physical needs; expressing thoughts about the actions and actions of people, animals, fairy-tale characters in verbal form; grammatically correct speaking. Since children with Down syndrome require considerable time to master various skills, the correction process continues only after the results of each stage have been qualitatively consolidated. The formation of competencies in future teachers-defectologists is carried out through the acquisition of practical experience through direct «immersion» in the activities of specialists working with children with Down syndrome. As a result of gaining practical experience, the future specialist masters the skills of planning, designing, developing and implementing programs for individual psychological and pedagogical support for children with Down syndrome, taking into account the structure of the defect, the current state and potential capabilities of the children. The variability of forms and methods of training during the internship allows future teachers-defectologists to solve professional problems, improve analysis and self-analysis skills, develop the ability to plan and organize individual and frontal correctional work, and interact with people with disabilities and their parents. Practical work experience allows the personal qualities of future

specialists to manifest themselves, helps them understand and realize their achievements in acquiring a future specialty, and contributes to the formation of professionally significant competencies.

Keywords: training, teachers-defectologists, stimulation, speech development, children with Down syndrome.

В настоящее время в ряде учреждений образования отмечается дефицит подготовленных квалифицированных кадров для работы с детьми с синдромом Дауна. Педагоги-дефектологи, работая с «солнечными» детьми, опираются, как правило, на зарубежный опыт ввиду отсутствия фундаментальных отечественных исследований. В этой связи остро стоит вопрос о качественной подготовке полифункциональных специалистов – будущих педагогов-дефектологов, способных осуществлять определенные виды профессиональной деятельности, в том числе диагностическую, коррекционно-педагогическую, социально-психологическую помощь детям с синдромом Дауна и их родителям.

Теоретическое освоение содержания учебных дисциплин определяется необходимостью сформировать у будущих педагогов-дефектологов понимание основ междисциплинарного подхода при организации коррекционно-педагогической работы с детьми с синдромом Дауна.

Лекционные занятия предполагают актуализацию проблемы психолого-педагогического сопровождения детей с синдромом Дауна, рассмотрение вопроса по организации диагностической деятельности и коррекционно-педагогической работы, в том числе по формированию у них речи и т.д. Ранний возраст считается сензитивным для развития речи, влияет на ее становление и развитие в последующие возрастные периоды и благоприятен для начала коррекционного воздействия у детей с ограниченными возможностями здоровья и рисками ограничений жизнедеятельности (Л. С. Выготский, О. П. Гаврилушкина, А. В. Запорожец, В. И. Лубовский, Е. А. Стребелева, Д. Б. Эльконин и др.). Это обусловлено спецификой развития мозговых структур, восприимчивостью детской психики к любым воздействиям и высокой компенсаторной спо-

собностью к восстановлению нарушенных функций [3, 6].

Поскольку у детей с синдромом Дауна часто наблюдается недоразвитие смыслового компонента речи, осложняющееся проблемами со слухом, важна ранняя диагностика сенсорных нарушений и коррекционно-педагогическая работа по развитию слухового восприятия, формированию устной речи (восприятие и воспроизведение) посредством включения ребенка в игровые ситуации, что способствует слухоречевой абилитации и реабилитации таких детей [1, 8].

Специфика речевого развития у детей с синдромом Дауна проявляется в его несоответствии средним нормам: значительно позже появляется гуление, лепетная речь, простые предложения из слов и жестов, отмечается скудный словарный запас [5].

У детей с синдромом Дауна так же, как и у нормально развивающихся детей, встречаются все виды нарушений речи: дислалия, ринолалия, дизартрия, дисграфия, заикание. Ведущими в структуре системного речевого нарушения выступают, во-первых, семантический дефект, во-вторых, существенное отставание экспрессивной речи при относительно развитой импрессивной речи. У многих детей фразовая речь характеризуется как монотонная, маловыразительная, что свидетельствует об особенностях просодических компонентов речи. Инертность нервных процессов, слабая переключаемость процессов возбуждения и торможения нарушаются у «солнечных» детей при постановке и, особенно, при автоматизации звуков. В целом речевые расстройства у детей с синдромом Дауна отличаются стойкостью и преодолеваются посредством систематических логопедических занятий на протяжении длительного времени [4].

В основе современного подхода к стимулированию речевой активности детей с синдромом Дауна является учет специфики психологического и физического развития, индивидуальных особенностей и склонностей детей данной категории. Коррекционно-педагогическая работа включает несколько этапов. Поскольку для освоения различных навыков детям с синдромом Дауна требуется значительное время, процесс коррекции продолжается только после качественного закрепления результата каждого этапа.

Согласно многочисленным исследованиям, коррекционно-педагогическая работа в раннем возрасте способствует успешной реализации компенсаторных процессов и предупреждению вторичных отклонений в развитии. Это обусловлено значительной пластичностью мозга и особой восприимчивостью к воздействиям внешней среды в раннем возрасте.

Выделяют два этапа коррекционно-развивающей работы по стимулированию развития речи: доречевой этап и этап речевого развития [2, 7].

Первый этап – доречевой – охватывает период от рождения до одного года. На данном этапе стимулирование развития речи у детей с синдромом Дауна осуществляется с помощью таких выразительных неречевых средств коммуникации, как взгляд, мимика, жесты, интонация, тембр, громкость голоса. Важно научиться понимать и принимать от ребенка в качестве ответа подобные сигналы. Если у ребенка не получается выполнить то или иное действие самостоятельно, то формировать это действие нужно первоначально как пассивное, взяв руки ребенка в свои и совместно выполнив необходимый акт. В дальнейшем следует снижать поддержку взрослого, предоставляя возможность ребенку самостоятельно выполнять то или иное действие.

Основными направлениями работы по стимулированию развития речи у детей с

синдромом Дауна в доречевой период являются следующие:

- развитие умения концентрировать внимание, внимательно слушать;
- развитие способности соблюдать очередность;
- формирование навыка подражания;
- развитие способности использовать навыки общения в повседневной жизнедеятельности;
- развитие координации движений, общей и мелкой моторики.

Кроме того, в доречевой период происходит активное формирование речевого слуха, речевого дыхания, речевого подражания, а также развивается произносительная сторона речи.

Второй этап речевого развития приходится на ранний и дошкольный возраст. В этот период у детей формируются следующие навыки:

- произношение и понимание слов, словосочетаний и предложений;
- вербальное выражение своих чувств, эмоций и физических потребностей;
- выражение мыслей о поступках и действиях людей, животных, сказочных персонажей в словесной форме;
- грамматически правильное говорение и т.д.

Содержание коррекционно-педагогической работы по стимулированию развития речи у детей с синдромом Дауна в раннем возрасте включает:

- развитие самостоятельности в общении и различных видах деятельности;
- мотивирование через положительную оценку действий и поступков;
- формирование отзывчивости, сочувствия и сопереживания;
- обогащение активного словаря и увеличения количества понимаемых слов;
- развитие эмоциональной выразительности речи через рассказывание небольших стихотворений и словотворчество;
- формирование умения определять свое эмоциональное состояние и эмоцио-

- нальное состояние окружающих;
- формирование представлений о своих личностных качествах через осознание собственных способностей и личностных качествах других людей;
- развитие произносительной стороны речи, правильного произношения звуков;
- создание условий для вербального общения со взрослыми и сверстниками.

В качестве вспомогательных средств стимулирования развития речи рекомендуется: артикуляционная гимнастика, массаж органов артикуляции, упражнения на развитие общей и мелкой моторики. В ранний период следует уделять пристальное внимание организации кормления детей раннего возраста, поскольку существует связь между правильным, здоровым глотанием, жеванием и развитием речи детей.

Основные задачи по коррекции тяжелых речевых нарушений у дошкольников:

- формирование умения преодолевать чувства неуверенности в себе; коммуникативных способностей (происходит в процессе взаимодействия с окружающими сверстниками и взрослыми с применением речевых и невербальных средств общения);
- формирование когнитивных предпосылок полноценной речевой деятельности детей, обогащение активного словарного запаса, основанного на эмоциональном и игровом опыте детей с дальнейшим включением слов в простейшие фразы;
- побуждение детей выражать словами выполняемые действия в ходе разыгрывания ситуаций с помощью имитаций неречевых звуков; звукоподражания и использования различной интонации в речи;
- развитие диалогической формы речи, поддержка речевой инициативы (то есть способности к самостоятельному высказыванию) детей;
- формирование умения передавать последовательность событий в речи, лексически правильно и грамматически

верно оформлять связные высказывания, составлять графические схемы слогов и слов и т.д.

На практических занятиях происходит знакомство студентов с основными методами диагностики и техниками коррекции на основе изучения отечественного и зарубежного опыта, осуществляется изучение психофизических, возрастных особенностей и индивидуальных образовательных потребностей детей с синдромом Дауна, анализируются причины возникновения заболевания и прогноз развития.

Занятия с будущими педагогами-дефектологами направлены на формирование таких компетенций, как способность участвовать в разработке основных и дополнительных образовательных программ, разрабатывать отдельные их компоненты, в том числе умение составлять и реализовывать адаптированные образовательные программы для детей с ограниченными возможностями здоровья, реализовывать коррекционно-развивающие образовательные технологии. Практические занятия предполагают разбор, моделирование и анализ проблемных ситуаций (кейсов), которые могут возникнуть в профессиональной деятельности будущего педагога-дефектолога.

Следует отметить, что формирование компетенций у будущих педагогов-дефектологов осуществляется посредством приобретения практического опыта через непосредственное «погружение» в деятельность специалистов, работающих с детьми с синдромом Дауна. Как правило, такое «погружение» осуществляется в рамках прохождения учебной и производственной практик. В результате получения опыта практической деятельности будущий дефектолог овладевает навыками планирования, проектирования, разработки и реализации программ индивидуального сопровождения детей с синдромом Дауна с учетом структуры дефекта, актуального состояния и потенциальных возможностей детей.

Практики проводятся в профильных организациях: дошкольных образовательных организациях, школах-интернатах, речевых центрах, центрах реабилитации и других учреждениях, где могут находиться лица с ограниченными возможностями здоровья, которым требуется коррекционная помощь специалиста. Так, в Государственном бюджетном общеобразовательном учреждении города Москвы «Школа № 2103» (дошкольное отделение – 3) существуют и функционируют группы комбинированной направленности, которые посещают дети с синдромом Дауна, с задержкой психического развития, с тяжелыми нарушениями речи, с расстройствами аутистического спектра вместе с нормативно развивающимися детьми.

Детский сад осуществляет основную образовательную программу «Мир открытий» Л. Г. Петерсон с соавторами. Однако для групп комбинированной направленности в учреждении созданы специальные образовательные условия и реализуется адаптированная основная образовательная программа. Например, при составлении программы для ребенка с синдромом Дауна, педагоги берут за основу рабочую образовательную программу дошкольного образования (РОП ДО) государственного бюджетного образовательного учреждения Школа № 2103 для детей с ограниченными возможностями здоровья, обучающихся в условиях инклюзии, разработанную на основе федеральных образовательных стандартов дошкольного образования (ФГОС ДО) с учетом особенностей психофизического развития детей, индивидуальных возможностей и обеспечивающую коррекцию нарушений развития речи и их социальную адаптацию. Содержание программы определено с учетом дидактических принципов, которые для детей с ограниченными возможностями здоровья приобретают особую значимость: от простого к сложному, систематичность, доступность и повторяемость материала и т.д.

Основываясь на опыте практической деятельности, заметим, что более ранний по срокам старт коррекционно-педагогической работы по преодолению речевых нарушений и стимулированию речи позволяет достичь более высоких результатов.

Для стимулирования развития речи проводятся уроки логоритмики и творчества. Занятия в микрогруппах позволяют детям адаптироваться к социуму и стимулируют процесс коммуникации. Вместе с тем, индивидуальные занятия по развитию речи позволяют «особенному» ребенку заниматься в подходящем для него темпе, а педагогу – учитывать его индивидуальные способности и возможности.

Результаты мониторинга находят отражение в речевых картах детей. Мониторинговая деятельность предполагает отслеживание: динамики развития детей, эффективности программы индивидуальной логопедической работы, эффективности перспективного планирования коррекционно-педагогической работы.

Особое внимание в Государственном бюджетном общеобразовательном учреждении города Москвы «Школа № 2103» (дошкольное отделение – 3) уделяется работе с родителями воспитанников. Совместную деятельность педагогов и родителей предполагает вовлечение членов семьи в различные мероприятия детского сада, посещение ими просветительских семинаров-практикумов и открытых занятий, знакомство родителей с достижениями дошкольного образовательного учреждения и с результатами деятельности родительского сообщества.

Таким образом, в современных условиях сформирован перспективный запрос на будущего педагога-дефектолога, способного к работе с детьми с синдромом Дауна в условиях инклюзивной образовательной среды. Вариативность форм и методов обучения в процессе прохождения практики позволяет будущим дефектологам решать профессиональные задачи, со-

вершенствовать навыки анализа и самоанализа, развивать умение планировать и организовывать индивидуальную и фронтальную коррекционную работу, взаимодействовать с лицами с ограниченными возможностями здоровья и их родителями. Практический опыт работы позволяет проявиться личностным качествам обучающихся, помогает им понять и осознать свои достижения в приобретении будущей специальности, способствует формированию профессионально значимых компетенций.

Библиографический список

1. Алпатова Н. С., Долецкий А. Н. Ранняя помощь детям с ограниченными возможностями здоровья, группы риска и их семьям: учеб.-метод. пособие. – М.: Планета, 2023. – 224 с.
2. Архипова Е. Ф. Логопедическая работа с детьми раннего возраста: учеб. пособие для студ. пед. вузов. – М.: АСТ: Астрель, 2007. – 224 с.
3. Екжанова Е. А., Стребелева Е. А. Коррекционно-развивающее обучение и воспитание. Программа дошкольных образовательных учреждений компенсирующего вида для детей с нарушением интеллекта. – М., 2005. – 272 с.
4. Жиянова П. Л. Формирование навыков общения и речи у детей с синдромом Дауна: пособие для родителей. – М.: Даунсайд Ап, 2010. – 140 с.
5. Кумин Л. Формирование навыков общения у детей с синдромом Дауна: руководство для родителей. – 2-е изд., доп. – М.: Даунсайд Ап, 2012. – 280 с.
6. Методическое пособие по ранней помощи для родителей и специалистов: в 2 ч. Ч. 2. Дети с синдромом Дауна / Т. Г. Ярошук. – Иркутск: ЦПММиСП, 2020. – 113 с.
7. Примерная адаптированная основная образовательная программа для дошкольников с тяжёлыми нарушениями речи / под ред. Л. В. Лопатиной. – СПб., 2014. – 386 с.
8. Распоряжение Правительства РФ №3711-р от 18 декабря 2021 г. «Об утверждении Концепции развития в Российской Федерации системы комплексной реабилитации и абилитации инвалидов, в том числе детей-инвалидов, на период до 2025 года» – URL: <https://docs.cntd.ru/document/727686316> (дата обращения 29.02.2024).

© Алпатова Н. С., Охотникова Е. С., 2024

УДК 378.172(075.8) EDN SZTGKF

**СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АРМРЕСТЛИНГА
В ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ В ОБЛАСТИ НАУКИ,
ПЕДАГОГИКИ И СПОРТА****Ю. В. Драгнев***Кандидат педагогических наук, доцент,
Луганский государственный
педагогический университет,
г. Луганск, Луганская Народная Республика,
Россия***PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF ARM WRESTLING
IN THE LUHANSK PEOPLE'S REPUBLIC IN THE FIELD
OF SCIENCE, PEDAGOGY AND SPORTS****Y. V. Dragnev***Candidate of Pedagogical Sciences,
Lugansk State Pedagogical University,
Lugansk, The Lugansk People's Republic, Russia*

Abstract. The article presents the prospects for the development of arm wrestling in science, such as writing PhD and doctoral dissertations in accordance with the passports of scientific specialties presented at the Department of Theory and Methodology of Physical Education of LGPU: 5.8.4. Physical culture and professional physical training; 5.8.5. Theory and methodology of sports (pedagogical sciences); 5.8.6. Wellness and adaptive physical culture (pedagogical sciences); prospects for the development of armwrestling in pedagogy: the development of various techniques aimed at the formation and development of motor skills, education of physical qualities, injury prevention, formation of spiritual and moral qualities, etc.; prospects for the development of armwrestling in sports: the opening of departments or sections on armwrestling in youth schools; opening in general educational institutions arm wrestling sections; opening of arm wrestling sections at the Higher School of Physical Culture; performance of LPR athletes at All-Russian competitions

Keywords: Armwrestling Federation of the Luhansk People's Republic; Yu. V. Dragnev scientific school "Theory and Practice of Armwrestling".

В конце 2022 года **Филимонов Александр Анатольевич**, президент Федерация армрестлинга России, предложил Ю.В. Драгневу, кандидату педагогических наук, доцент ФГБОУ ВО «ЛГПУ», возглавить Федерацию армрестлинга Луганской Народной Республики. Данное предложение носило сложный характер, однако «веление времени» помогли дать свое согласие Ю. В. Драгневу на руководство Федерацией армрестлинга Луганской Народной Республики (ФАЛНР). Перед организацией работы ФАЛНР Ю.В. Драгневым было принято решение предложить двум спортсменам из ЛНР (Шепитько Сергей (Новопсков), Подопротора Данил (Луганск) оформить паспорт

спортсмена Федерации армрестлинга России, и принять участие в Чемпионате России по армрестлингу в 2023 году. В соревнованиях смог принять участие Шепитько Сергей, где занял по системе двоеборья 14 место из 20 участников в категории 70 кг, согласно протоколу соревнований Чемпионата России.

В 2023 году перед открытием Федерации армрестлинга Луганской Народной Республики **Доброрезов Иван Александрович**, генеральный секретарь Федерации армрестлинга Ростовской области «РОСТАРМ», оказал большую консультативную помощь для проведения первого собрания будущей Федерации армрестлинга Луганской Народной Республики.

После проведения первого собрания А. А. Филимоновым было подписано и выслано три документа:

1. СОГЛАСОВАНИЕ общероссийской спортивной федерации на государственную аккредитацию региональной общественной организации или структурному подразделению (региональному отделению) общероссийской спортивной федерации (далее – общественная организация) (27 июня 2023 г., № 67/а).

2. УВЕДОМЛЕНИЕ постоянно действующего руководящего органа общероссийской спортивной федерации о том, что региональное отделение является членом общероссийской спортивной федерации (27 июня 2023 г., № 68/а).

3. УВЕДОМЛЕНИЕ постоянно действующего руководящего органа общероссийской спортивной федерации о том, что региональное отделение является структурным подразделением общероссийской спортивной федерации (27 июня 2023 г., № 69/а).

Данные документы вместе с первым протоколом собрания членов регионального отделения Общероссийской общественной организации «Федерация армрестлинга России» – «Федерация

армрестлинга Луганской Народной Республики» (от 25 июня 2023 г.), а так же сведениями о персональном составе руководящих органов и месте нахождения регионального отделения Общероссийской общественной организации «Федерация армрестлинга России» – «Федерация армрестлинга Луганской Народной Республики», были переданы в Министерство спорта ЛНР для аккредитации ФАЛНР. Далее 25 августа 2023 года Министерством спорта России и Министерством спорта Луганской Народной Республики было аккредитовано региональное отделение общероссийской общественной организации «Федерация армрестлинга России» – «Федерация армрестлинга Луганской Народной Республики» (приказ от 25.08.2023, № 43).

Первым соревнованиями, куда выехала сборная ЛНР, был Кубок России по армрестлингу в городе Севастополь. Сборная ЛНР достойно выступила на соревнованиях: Никита Косенкин в категории 100 кг занял 3 место; Артем Кокошко в категории 80 кг занял 2 место; Прохор Рындин в категории 70 кг занял 2 место; Илья Павлов в категории 70 кг занял 3 место (см. фото 1).

Фото 1. Сборная ЛНР на Кубке России по армрестлингу в городе Севастополь (21.09.2023 – 25.09.2023)

6 октября 2023 года в городе Санкт-Петербург состоялись III Всероссийские студенческие игры национальных и неолимпийских видов спорта, в рамках которых проводились соревнования по армрестлингу. В весовой категории до 60 кг успешно выступила от ЛГПУ Анастасия Куркина, студентка 2 курса, направ-

ления подготовки «Спорт. Спортивная подготовка в избранном виде спорта, тренерско-преподавательская деятельность» и заняла 4 место. Так же рефери на данных соревнованиях был доцент кафедры теории и методики физического воспитания, кандидат педагогических наук Юрий Драгнев (см. фото 2).

Куркина Анастасия

Драгнев Юрий

Фото 2. Сборная ЛНР на III Всероссийских студенческих играх национальных и неолимпийских видов спорта по армрестлингу (Санкт-Петербург, 6 октября 2023 года)

5–9 октября 2023 в городе Санкт-Петербург состоялись Всероссийские соревнования по армрестлингу «Кубок Балтики». От Луганской Народной Республики принимало участие два спортсмена: Юрий Драгнев и Анастасия Куркина. В соревнованиях приняли участие 115 спортсменов из 26 субъектов Российской Федерации. Соревнования по армрестлингу проводились по системе двоеборья, согласно которой итоговые места участни-

ков в каждой весовой категории определялись по сумме очков, полученных в борьбе как левой, так и правой рукой. В весовой категории до 55 кг Анастасия Куркина заняла 4 место. В весовой категории до 90 кг Юрий Драгнев занял 12 место.

Отдельная благодарность Рочвак Виталию за большую поддержку в городе Санкт-Петербург (см. фото 3, 4).

Фото 3. Куркина Анастасия

Фото 4. Драгнев Юрий

Сборная ЛНР на Всероссийских соревнованиях по армрестлингу
«Кубок Балтики» (Санкт-Петербург, 5–9 октября 2023 года)

12 октября 2023 года состоялся Чемпионат Института физического воспита-

ния и спорта ЛГПУ по армрестлингу с целью привлечения внимания молодежи к

занятиям армрестлингом, а так же прохождения судейской практики отделения «Армрестлинг». Соревнования проводились в тренажерном зале спортивного корпуса ЛГПУ. Общее руководство осуществляется кафедрой теории и методики физического воспитания. Непосредственная организация и проведение соревнований возлагалась на судейскую коллегию, утвержденную кафедрой теории и методики физического воспитания. Соревнования проводились по правилам WAF и Федерации Армрестлинга России в весовых категориях: до 80 кг и свыше 80 кг. Судейскую коллегию на соревнованиях представляли: главный судья – канд. пед. наук, доцент кафедры теории и методики физического воспитания Юрий Драгнев; рефери – Павлов Илья; секретарь – Куркина Анастасия. Все студенты являются

членами сборной команды города Луганск и выступали в футболках Федерации армрестлинга Луганской Народной Республики. По результатам проведенных соревнований места распределились следующим образом (см. фото 5):

до 80 кг на левую руку:

I место – Столяров Леонид; II место – Бутко Марк; III место – Бараников Вячеслав.

до 80 кг на правую руку: I место – Бараников Вячеслав; II место – Иваняк Денис; III место – Столяров Леонид.

свыше 80 кг на левую руку: I место – Иванов Виктор; II место – Петров Матвей; III место – Герасименко Андрей.

свыше 80 кг на правую руку: I место – Иванов Виктор; II место – Чепурной Владимир; III место – Герасименко Андрей.

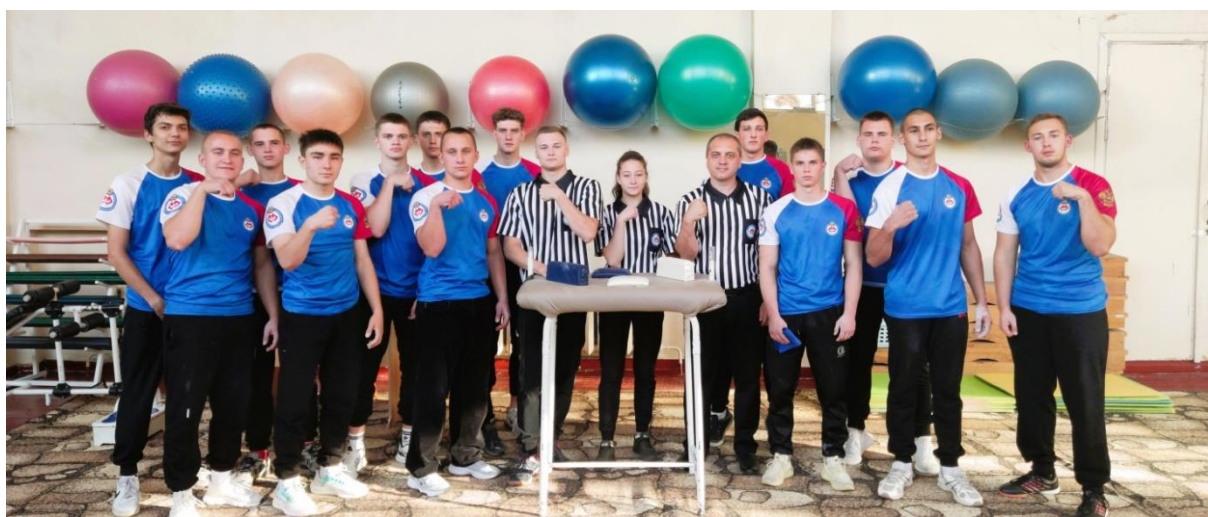

Фото 5. Чемпионат Института физического воспитания и спорта ЛГПУ по армрестлингу (12 октября 2023 года)

15 октября 2023 года состоялся Первый Кубок Луганской Народной Республики по армрестлингу. В данных соревнованиях приняли участие студенты Института физического воспитания и спорта. В соревнованиях приняли участие 53

спортсмена из 5 городов Луганской Народной Республики: Алчевск, Луганск, Краснодон, Ровеньки, Новопсков. Соревнования состоялись в Далевском университете (см. фото 6).

*Фото 6. Первый Кубок Луганской Народной Республики по армрестлингу
(15 октября 2023 года)*

С 9 октября по 21 октября 2023 года в Федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» прошли краткосрочные курсы повышения квалификации по программе «Современные технологии организации и судейства соревнований в армрестлинге». Руководителем программы выступил декан факультета физической культуры Белгородского государственного национального исследовательского университета, президент БРОСО «Федерация армрестлинга Белгородской области» Игорь Никулин.

По рекомендации Юрия Драгнева в данных курсах участвовали: один преподаватель и три студента Института физического воспитания и спорта: Морозов Сергей Юрьевич, 2 курс направления подготовки 49.04.01 Физическая культура, магистерская программа «Теория физиче-

ской культуры и технологии физического воспитания», преподаватель кафедры теории и методики физического воспитания (Ровеньковский факультет); Шаманский Богдан Сергеевич, 4 курс, направления подготовки 49.03.01 Физическая культура, профиль подготовки: «Физкультурное образование»; Павлов Илья Александрович, 4 курс, направления подготовки 49.03.04 Спорт, профиль подготовки: «Спортивная подготовка в избранном виде спорта, тренерско-преподавательская деятельность»; Куркина Анастасия Ивановна, 2 курс, направления подготовки 49.03.04 Спорт, профиль подготовки: «Спортивная подготовка в избранном виде спорта, тренерско-преподавательская деятельность». Все слушатели успешно прошли краткосрочные курсы. Студенты: Шаманский Богдан, Павлов Илья, Куркина Анастасия получили свидетельства; магистрант, преподаватель кафедры теории и методики физического воспитания (Ровеньковский факуль-

тет) Морозов Сергей получил удостоверение. Председателем Федерации Армрестлинга Луганской Народной Республики Юрием Драгневым слушателям курсов

были вручены судейские майки и ремни для судейства поединков на соревнованиях по армрестлингу (см. фото 7).

Фото 7. Вручение удостоверений и свидетельств в ИФВС прохождения дистанционных краткосрочных курсов повышения квалификации по программе «Современные технологии организации и судейства соревнований в армрестлинге» в Белгороде с 9 октября по 21 октября 2023 года

С 3 апреля по 15 ноября 2023 года в Федеральном государственном бюджетном учреждении «Федеральный научный центр физической культуры и спорта» (ФГБУ ФНЦ ВНИИФК) проходил Всероссийский с международным участием конкурс молодых ученых в области физической культуры и спорта «СПОРТ БУДУЩЕГО – НАУКА МОЛОДЫХ» в рамках юбилейных мероприятий, посвященных 100-летию государственного органа управления в области физической культуры и спорта и 90-летию ФГБУ ФНЦ ВНИИФК в целях выявления молодых талантливых магистрантов и аспирантов для привлечения к профессиональной научной деятельности в спорте, поощрения молодых ученых, проводящих исследования в области спорта. Конкурс проводился в два

этапа: на предварительном этапе Конкурсная комиссия отбирала 10 лучших конкурсных работ на финальный этап. В десятку финалистов вошел Морозов Сергей Юрьевич, заместитель председателя ФАЛНР, председатель судейской коллегии ФАЛНР, магистрант второго курса заочного отделения Института физического воспитания и спорта направления подготовки 49.04.01 Физическая культура. Научный руководитель канд. пед. наук, доцент кафедры теории и методики физического воспитания Института физического воспитания и спорта Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Луганский государственный педагогический университет» Ю. В. Драгнев. Морозов Сергей представил конкурсную

работу на тему «Физическая культура, спорт и здоровье» в номинации «Спортивная подготовка детей и подростков», и на финальном этапе онлайн-конференции, на которой Экспертные комиссии по номинациям определяли победителей и лауреатов

Конкурса по результатам публичных выступлений конкурсантов из числа отобранных 10-ти работ в каждой номинации, выступил с презентацией своей работы (см. фото 8).

Фото 8. Морозов Сергей, финалист Всероссийский с международным участием конкурс молодых ученых в области физической культуры и спорта «СПОРТ БУДУЩЕГО – НАУКА МОЛОДЫХ» в рамках юбилейных мероприятий, посвященных 100-летию государственного органа управления в области физической культуры и спорта и 90-летию ФГБУ ФНЦ ВНИИФК

В конце 2023 года Научная школа «Теория и практика армрестлинга» под руководством Юрия Драгнева (ФГБОУ ВО «ЛГПУ») вошла в список ведущих научных школ в образовательных органи-

зациях высшего образования, подведомственных Министерству Просвещения России (Москва) в составе 37 вузов (см. фото 9, 10, 11).

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА АРМРЕСТЛИНГА

ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет»

Предметная область: педагогика

Год основания научной школы: 23.04.2021 г.

Основатели научной школы: Ю.В. Драгнев, кандидат педагогических наук, доцент

Руководитель научной школы – Драгнев Юрий Владимирович
кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики физического воспитания Института физического воспитания и спорта ФГБОУ ВО «ЛГПУ»

Награды
Благодарность Министерства науки образования Луганской Народной Республики (2022)

Достижения
Автор более 230 научных, методических, научно-методических публикаций в области педагогики, армрестлинга, информатизации высшего образования, духовно-нравственного воспитания студенческой молодежи.

Контактные данные
Тел. +7 (959) 170-91-38
E-mail: dragnev@bk.ru

Публикации

- Драгнев Ю.В. Методика физической подготовки ученической молодежи. Ч. 1. «Армспорт»: учеб. пособие для студ. высш. учеб. завед. физич. воспитания и спорта / пер. с укр.; Юрий Владимирович Драгнев; Гос. учр. «Луган. нац. ун-т имени Тараса Шевченко». Луганск: Изд-во ДЗ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», Элтон-2, 2011. 428 с.
- Драгнев Ю.В. Армрестлинг в школе: методические рекомендации / Ю.В. Драгнев; ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко». Луганск: Пресс-экспресс, 2019. 97 с.
- Драгнев Ю.В. Достижения научной школы Ю.В. Драгнева «Теория и практика армрестлинга» в 2021–2022 гг. // Ю.В. Драгнев // Вестник Луганского государственного педагогического университета: сб. науч. тр. / т. ред. Т.Т. Реперс; вып. ред. Г.Г. Калинина; ред. сер. Н.А. Павлова. Луганск: Книга, 2022. № 1. (Серия 2: Физическое воспитание и спорт). С. 10–19.

370

Фото 9.

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**ВЕДУЩИЕ НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
ОРГАНИЗАЦИЯХ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ,
ПОДВЕДОМСТВЕННЫХ
МИНПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИИ**

Москва • 2023

Фото 10.

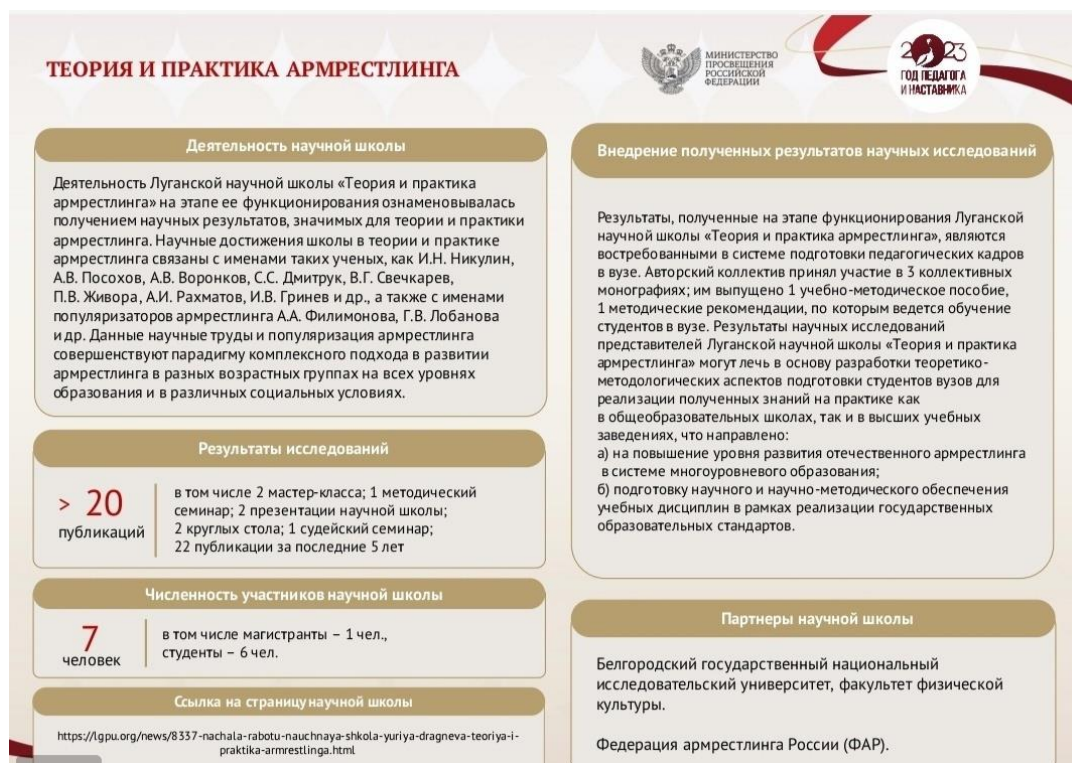

Фото 11.

Сборная команда Федерации Армрестлинга ЛНР выступила на Всероссийские соревнования по армрестлингу среди юниоров в городе Орёл (4–8 декабря 2023 года). В состав сборной команды ФАЛНР вошли: Драгнев Юрий (председатель ФАЛНР), Герасименко Андрей (студент 1 курса ИФВС, ФК_НВП), Столяров Леонид (студент 1 курса ИФВС, ФК_НВП). Соревнования проходили по адресу: Орловская область, г. Орёл, Кромское шоссе, д. 4, ТМК «ГРИНН» (Конгресс-холл, 4 этаж). В соревнованиях принимал участие 21 субъект Российской Федерации и 129 спортсменов.

В первый день борьбы спортсмены на левую руку заняли такие места: Герасименко Андрей (студент 1 курса ИФВС, ФК_НВП) занял 6 место в категории 80+ кг. Столяров Леонид (студент 1 курса ИФВС, ФК_НВП) занял 5 место в категории 75 кг. Во второй день борьбы на правую руку спортсмены заняли такие же места, как и на левую руку. Правая рука: Герасименко Андрей (студент 1 курса ИФВС, ФК_НВП) занял 6 место в категории 80+ кг. Столяров Леонид (студент 1 курса ИФВС, ФК_НВП) занял 5 место в категории 75 кг (см. фото 12, 13).

Фото 12. Сборная команда Федерации Армрестлинга ЛНР на Всероссийских соревнованиях по армрестлингу среди юниоров в городе Орёл (4–8 декабря 2023 года)

Фото 13. Сборная команда Федерации Армрестлинга ЛНР на Всероссийских соревнованиях по армрестлингу среди юниоров в городе Орёл (4–8 декабря 2023 года)

23 декабря сборная команда Федерации Армрестлинга ЛНР в составе Юрия Драгнева, Никиты Косенкин и Максима Абалова ВПЕРВЫЕ выступила на международном турнире AMC ARMWRESTLING 6 в Москве. В турнире приняли участие ТОПы мирового армрестлинга из России, Казахстана, Киргизии, Болгарии, Белоруссии и Турции

(место проведения: г. Москва, Инновационный центр «Сколково», Большой бульвар, 42, корп. 1, зал «КАЗАН»). Участие в данном турнире стало хорошим стимулом в развитии армрестлинга в ЛНР на официальном и профессиональном уровне. Атмосфера и опыт, которые были переняты, были на запредельном уровне! (см. фото 14, 15, 16).

Фото 14. Никита Косенкин, Юрий Драгнев, Максим Абалов
Сборная команда Федерации Армрестлинга ЛНР перед выездом в Москву на международный турнир AMC ARMWRESTLING 6.

Фото 15. Никита Косенкин, Юрий Драгнев, Максим Абалов
Сборная команда Федерации Армрестлинга ЛНР в Москве на международном турнире AMC ARMWRESTLING 6.
(23 декабря 2024 года)

а

б

а

б

в

Фото 16.

**Сборная команда Федерации Армрестлинга ЛНР в Москве на международном турнире AMC ARMWRESTLING 6.
(23 декабря 2024 года)**

Перспективами развития армрестлинга в науке является написание кандидатских и докторских диссертаций согласно с паспортами научных специальностей, представленных на кафедре теории и методики физического воспитания ЛГПУ:

– 5.8.4. Физическая культура и профессиональная физическая подготовка – 26 направлений научных исследований;

– 5.8.5. Теория и методика спорта (педагогические науки) – 31 направления научных исследований;

– 5.8.6. Оздоровительная и адаптивная физическая культура (педагогические, науки) – 27 направлений научных исследований.

Перспективами развития армрестлинга в педагогике является: разработка различных методик, направленных на формирование и развитие двигательных умений и навыков, воспитания физических качеств, профилактику травматизма, формирования духовно-нравственных качеств и т.д.

Перспективами развития армрестлинга в спорте является:

1. Открытие отделений или секций по армрестлингу в ДЮСШ в ЛНР.

2. Открытие в общеобразовательных учебных заведениях ЛНР секций по армрестлингу.

3. Открытие в высшем училище физической культуры ЛНР секций по армрестлингу.

4. Выступление спортсменов ЛНР на Всероссийских соревнованиях по армрестлингу.

5. Выступление спортсменов ЛНР на соревнованиях по армрестлингу в рамках работы международного спортивного комитета БРИКС.

Следует указать, что решением различных проблем профессиональной подготовки студентов к будущей профессиональной деятельности будущих в области физической культуры, спорта и армрестлинга занимались такие ученые как: Ю. Драгнев [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10], А. Черноштан [16; 17] и др. Большое внимание развитию армрестлинга в России в

своих научных исследованиях уделяли внимание такие ученые: А. Антонов, А. Воронков, М. Васильев, Ю. Гладких, И. Матюшенко, И. Никулин, А. Посохов и др. [11; 12; 13; 14; 15].

Представленная информация о региональном отделении Общероссийской общественной организации «Федерация армрестлинга России» – «Федерация армрестлинга Луганской Народной Республики» предназначена для информированности заинтересованных в этом лиц в ЛНР и России, а так же в БРИКС, ШОС и других дружественных государствах. Работа научной школы Ю. В. Драгнева «Теория и практика армрестлинга» позволит расширить научных опыт в подготовке спортсменов различной квалификации в армрестлинге.

Библиографический список

1. Драгнев Ю. В. Достижения научной школы Ю. В. Драгнева «Теория и практика армрестлинга» в 2021–2022 гг. / Ю. В. Драгнев // Вестник Луганского государственного педагогического университета : сб. науч. тр. / гл. ред. Т. Т. Ротерс; вып. ред. Г. Г. Калинина; ред. сер. Н. А. Павлова. – Луганск : Книта, 2022. – № 1: Серия 2, Физическое воспитание и спорт. – С. 10–19.
2. Драгнев Ю. В. Использование принципа цикличности процесса подготовки армспортсменов в армрестлинге при организации работы спортивной секции «Армрестлинг» в общеобразовательной школе во внеклассной работе со старшеклассниками / Ю. В. Драгнев // Вестник Луганского национального университета имени Владимира Даля. – № 8 (62). – Луганск, 2022. – С. 27–30.
3. Драгнев Ю. В. Тактическая подготовка в армрестлинге / Ю. В. Драгнев // Вестник Луганского государственного педагогического университета : сб. науч. тр. / гл. ред. Т. Т. Ротерс; вып. ред. Г. Г. Калинина; ред. сер. Н. А. Павлова. – Луганск : Книта, 2021. – № 4(73) : Серия 2, Физическое воспитание и спорт. – С. 62–70.
4. Драгнев Ю. В. Методика физической подготовки ученической молодежи. Часть 1. «Армспорт» : учеб. пособ. для студ. высш. учеб. завед. физич. воспитания и спорта / пер. с укр. / Юрий Владимирович Драгнев ; Гос. учр. «Луган. нац. ун-т имени Тараса Шевчен-ко». – Луганск : Изд-во ДЗ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», Элтон-2, 2011. – 428 с.
5. Драгнев Ю. В. Дидактические принципы спортивной тренировки в армспорте / Ю. В. Драгнев // Вестник Луганского государственного педагогического университета : сб. науч. тр. / гл. ред. Т. Т. Ротерс; вып. ред. Г. Г. Калинина; ред. сер. Н. А. Павлова. – Луганск : Книта, 2021. – № 1(60) : Серия 2, Физическое воспитание и спорт. – С. 13–18.
6. Драгнев Ю. В. Научная школа Ю. В. Драгнева «Теория и практика армрестлинга»: концептуальные основы / Ю. В. Драгнев // Рец. научно-метод. и теор. журнал «Социосфера», ООО Науч.-изд. центр «Социосфера», 2021. – № 4. – С. 70–74.
7. Драгнев Ю. В. Организация учебно-тренировочного процесса в секции «Армрестлинг» в Луганском национальном университете имени Владимира Даля / Ю. В. Драгнев // Aktuální pedagogika. – № 3. – 2019. – С. 40–44.
8. Драгнев Ю. В. Психологическая готовность армспортсменов к поединкам: развитие концентрации внимания / Ю. В. Драгнев // Вестник Луганского национального университета имени Тараса Шевченко : сб. науч. тр. / гл. ред. Е. Н. Трегубенко; вып. ред. Е. Н. Дятлова; ред. сер. О. Г. Сущенко. – № 1(3) : Серия 1, пед. науки. Образование. – Луганск : Книта, 2020. – С. 22–26.
9. Драгнев Ю. В. Средства восстановления армспортсменов после соревновательного поединка и соревнований / Ю. В. Драгнев // Социосфера. – 2022. – № 1. – С. 89–94.
10. Драгнев Ю. В. Повышение уровня спортивных достижений студенческой молодежи в армспорте: рациональное питание / Ю. В. Драгнев // Инновации и современные педагогические технологии в системе образования: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (20–21 февр.). – Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2022. – С. 15–17.
11. Матюшенко И. А. Модельные характеристики силовых показателей отдельных мышечных групп армрестлеров различной квалификации / И. А. Матюшенко, И. Н. Никулин, А. В. Антонов, Э. И. Никулин // Теория и практика физической культуры. – 2020. – № 8. – С. 19–21.
12. Матюшенко И. А. Особенности проявления специальной пиковой силы у начинающих армрестлеров различной массы тела / И. А. Матюшенко, И. Н. Никулин, А. В. Посохов, Ю. П. Гладких // Теория и практика физической культуры. – 2022. – № 3. – С. 17–19.
13. Никулин И. Н. Сравнительная характеристика показателей специальной силовой подготовленности армрестлеров различных весовых категорий и уровня спортивного мастерства /

- И. Н. Никулин, И. А. Матюшенко, А. В. Антонов, А. В. Посохов // Теория и практика физической культуры. – 2021. – № 5. – С. 9–11.
14. Никулин И. Н. Успешность выступления национальных команд на чемпионатах Европы по армрестлингу / И. Н. Никулин, А. В. Посохов, А. В. Воронков, М. Д. Васильев // Теория и практика физической культуры. – 2020. – № 7. – С. 78–81.
15. Силовые способности в армрестлинге: основные тенденции, оценка, особенности проявления: монография / И. Н. Никулин, И. А. Матюшенко, А. В. Посохов, А. В. Воронков. – Москва : Советский спорт, 2022. – 121 с.
16. Черноштан А. Г. Исследование критериев сформированности готовности к профессиональной деятельности будущих специалистов по физической культуре / А. Г. Черноштан, М. С. Щербак // Вестник Луганского национального университета имени Тараса Шевченко – Луганск : «Книга», 2016. – № 1 (2) : Серия 2, Физическое воспитание и спорт. – С. 17–24.
17. Черноштан А. Г. Теоретические основы рейтингового оценивания спортивно-педагогической подготовки будущих специалистов по физическому воспитанию в условиях кредитно-модульной системы обучения / А. Г. Черноштан // Вестник Луганского национального университета имени Тараса Шевченко : сб. науч. тр. / гл. ред. Е. Н. Трегубенко; вып. ред. Н. В. Вострякова; ред. сер. Н. А. Павлова. – Луганск : Книга, 2018. – № 1 (18) : Серия 2, Физическое воспитание и спорт. – С. 34–40.

© Драгнев Ю. В., 2024

УДК 159.923:316.6 EDN TFGFT

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ ПСИХОЛОГИИ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е. В. Звонова

*Кандидат педагогических наук, доцент,
ORCID 0000-0001-9271-8367,
e-mail: zevmgpi@rambler.ru,
Российский государственный
социальный университет,
г. Москва, Россия
преподаватель,
e-mail: lomako.marina2015@yandex.ru,
Воскресенский колледж,
г. Воскресенск, Московская область, Россия*

Л. Л. Ломако

CURRENT PROBLEMS IN TRAINING SPECIALISTS IN THE FIELD OF MILITARY PSYCHOLOGY

E. V. Zvonova

*Candidate of pedagogical sciences,
associate professor,
Russian State Social University,
Moscow, Russia
lecturer,
Voskresensky College,
Voskresensk, Moscow region, Russia*

L. L. Lomako

Abstract. Analysis of publications available to the general public helps to highlight traditional issues raised by academic researchers, as well as to note new trends and directions. Based on the material studied, the authors draw a conclusion about current issues in training specialists in the field of professional psychology. In domestic sources, it is desirable to focus on the process of learning and assessing professional and personal readiness to perform professional activities. Foreign sources reveal issues of professional development and the negative consequences of participation in complex operations, as well as issues of psychological support and assistance.

Keywords: professional training; military psychology; psychological support; professional development.

История становления психологии служебной деятельности насчитывает уже более 100 лет. Начавшись как ответ на запрос в реализации быстрого и качественного набора и увеличения личного состава армии США в период Первой мировой войны [11], психология служебной деятельности активно развивается в связи с привлечением психологов для участия в решении актуальных задач, к которым привлекается армия и другие силовые структуры.

Учитывая динамичный и поступательный характер развития современного мира, роль специалистов в области психологии служебной деятельности стремительно

расширяется, что ставит перед системой образования новые актуальные задачи.

Анализ публикаций, доступных для широких масс специалистов, помогает выделить традиционные вопросы, которые поднимаются учеными – исследователями, а также отметить новые тенденции и направления. Количественный и качественный анализ содержания публикаций позволяет выделить темы, привлекающие наиболее внимание. Это отражается не только в количестве статей, в географическом распространении исследований, а также в количестве ссылок, фиксирующих внимание специалистов к полученным результатам.

Если проанализировать публикации в русскоязычном научном пространстве, то необходимо отметить, что первое место занимают вопросы подготовки и обучения специалистов в области психологии служебной деятельности.

Активное внимание привлекают проблемы мотивации выбора профессии психолога, работающего в силовых структурах [4]. При этом, содержательный анализ мотивов выбора профессии отмечает большую долю романтизма обоснований выбора [5], в также связь представлений о будущей профессиональной деятельности с положительными, возвышенными и героическими образами, созданными в основном киноиндустрией.

Большая часть исследований посвящена развитию личности курсантов в рамках становления профессиональной идентичности [2], что, несомненно, является крайне важным аспектом успешности будущей профессиональной деятельности.

Подчеркивая сложность и многоаспектность педагогического процесса, реализуемого во время подготовки психолога, обеспечивающего психологическое сопровождение и поддержку служебной деятельности, современные ученые обращаются к вопросам профессиональной компетентности младшего командного звена учебных подразделений организаций высшего образования, осуществляющих подготовку специалистов-психологов [3]. Справедливо указываются актуальные проблемы в реализации межведомственного взаимодействия специалистов [6]. И хотя авторы подчеркивают роль социальной психологии в решении поставленных задач, необходимо отметить дистанцирование исследователей от проблем развития современной молодежи [9], специфики восприятия мира современными молодыми людьми, их познавательных стратегий и идеалов [1].

Анализ англоязычных публикаций, находящихся в свободном доступе, позво-

ляет сфокусировать внимание на приоритетах исследований.

Конечно, наиболее сложной и важной темой психологических изысканий, проведенных в рамках психологии служебной деятельности, выступают проблемы антиобщественного расстройства личности, источником которого выступило участие в боевых действиях, спровоцировавшего развитие посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) [10]. Результаты исследования позволили сделать заключение о том, что антиобщественное поведение в подростковом и взрослом возрасте и полученные травмы во время боевых действий имеют статистически значимое присутствие в развитии симптоматики посттравматического стрессового расстройства. Авторы указывают, что развитие посттравматического стрессового расстройства в большей мере детерминруется военной травмой. Вместе с тем, влияние антиобщественного поведения взрослых на становление психологической уязвимости молодых людей как фактора подверженности негативной симптоматике требует специального исследования [10].

Остается актуальной темой подбора и набора личного состава армии, однако, необходимо отметить, что наряду с поиском и созданием действенной процедуры проверки и рекрутмента, особое внимание фокусируется на подготовке компетентных офицеров. Психологи рассматривают вопрос отбора офицеров с точки зрения дальнейшей успешности их карьеры. При этом, вопрос профессионального развития рассматривается с двух сторон. Во-первых, учитывается динамика развития военной практики, актуальные реалии, наращивание сложности решения задач, неизбежные травмы и внутриличностные конфликты. Во-вторых, ставится вопрос о сохранении психического здоровья для полноценного продолжения жизни, возможно, выполнения определенных обще-

ственных функций после окончания службы в армии [11].

Привлекает внимание тенденция рассматривать проблемы, решаемые психологами, работающими с представителями силовых структур и их ветеранами с точки зрения социальной психологии, что позволяет не только выделять специфические социально-психологические характеристики изучаемой социальной группы, но и моделировать паттерны, потенциально оказывающие влияние на формирование устойчивых форм поведения.

Исследования, проведенные в период пандемии коронавирусной болезни 2019 года (COVID-19), показали, что ветераны военных действий воспринимают место своего проживания (например, в домах для ветеранов) не только как физическое убежище, но и как источник чувства причастности и принадлежности к социуму, к своему сословию, связь с которым не ослабевает с годами. Поэтому перед развитыми обществами встает вопрос о достойном признании прошлого этих людей, а также неформального, действенного проявления различных форм психологической помощи и заботы, которые защищают ветеранов и способствуют их выживанию [8].

Вопросы морально-нравственного становления специалистов силовых структур ставят перед психологами актуальные проблемы исследования психологического содержания чувства патриотизма, что занимает достойное место среди исследований русскоязычных и англоязычных ученых. Авторы отмечают как высшую форму проявления патриотизма поступательное движение представителей определенных социальных страт за право сражаться и выполнять трудные обязанности, связанные с использованием современной техники [7].

Как мы видим, в фокусе внимания исследований остаются как традиционные, исконные вопросы психологии служебной деятельности (вопросы обеспечения силовых структур квалифицированными кад-

рами, особое внимание к подготовке командного состава, работа с травмирующим воздействием военного опыта), так и появляются новые направления, которые требуют специальной подготовки молодых специалистов. В частности, малоизученным остается поле успешности и неуспешности карьерного развития, проблемы межведомственного взаимодействия специалистов, профессиональная, психологическая и культурологическая подготовка в области межкультурного взаимодействия, а также проблемы изучения сотрудников силовых структур как части общества, проблемы самоизоляции и стигматизации, последствия которых наблюдаются уже сейчас и имеют тенденцию роста.

Библиографический список

1. Березина А.В. Чтение современных российских подростков в условиях цифровой реальности / А.В. Березина, Е.А. Колосова // Наука. Культура. Общество. – 2021. – Т. 27. – № 4. – С. 122–131.
2. Казакова Л. П. Взаимосвязь аспектов идентичности и самооценки курсантов военного вуза, обучающихся по специальности «Психология служебной деятельности» / Л. П. Казакова, Т. Ю. Маклакова // Психология и педагогика служебной деятельности. 2020. № 4. С. 53–56.
3. Мигунова Ю. С., Назаров В. И. Служебная деятельность младшего командного звена учебных подразделений образовательных организаций высшего образования МЧС России как объект исследования социальной психологии / Ю. С. Мигунова, В. И. Назаров // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. – 2018. – № 4 (5). – С. 64–68.
4. Миронова О. И. Психологические особенности мотива выбора профессии у студентов специальности «Психология служебной деятельности» / О. И. Миронова, М. Д. Рябцева // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2019. – Т. 18. – № 1 (150). – С. 25–32.
5. Проходимова Е. М. Профессиональное самоопределение как возрастной этап в процессе формирования профессионально-направленной личности обучающихся в системе образовательных организаций МЧС России / Е. М. Проходимцева // Научно-

- аналитический журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России». – 2014. – № 3. – С. 101–108.
6. Шлыков М. В. Перспективы межведомственного взаимодействия специалистов образовательных организаций, осуществляющих подготовку по специальности «Психология служебной деятельности» / М. В. Шлыков, Д. Н. Церфус, М. В. Карагачева // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. – 2019. – № 2 (43). – С. 43–46.
 7. Craddock T. B. Patriotism: The Price Paid by the African American Soldier / T. B. Craddock // Journal of Veterans Studies. – 2021 – № 7(3), – PP. 23–37. DOI: <https://doi.org/10.21061/jvs.v7i3.260>
 8. Kalofonos I. Purity, Danger, and Patriotism: The Struggle for a Veteran Home during the COVID-19 Pandemic. / I. Kalofonos, M. McCoy // Pathogens. – 2023. – № 12. – P. 482. <https://doi.org/10.3390/pathogens12030482>
 9. Podgornyy A. S. The youth socio-political request in Russia. Ideals and orienting points / A. S. Podgornyy, A. A. Vlasov, E. V. Zvonova // International Research Journal. – 2021. – № 11-4 (113). – С. 99–105. DOI: [10.23670/IRJ.2021.113.11.138](https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.113.11.138)
 10. Resnick H. S. Antisocial behavior and post-traumatic stress disorder in Vietnam veterans / H. S. Resnick, D. W. Foy, C. P. Donahoe, E. N. Miller // Clinical Psychology. – 1989 – № 45(6): – P. 860-6. doi: [10.1002/1097-4679\(198911\)45:6<860::aid-jclp2270450605>3.0.co;2-5](https://doi.org/10.1002/1097-4679(198911)45:6<860::aid-jclp2270450605>3.0.co;2-5). PMID: 2613894.
 11. Sharma M. Military Psychology-Need, Scope and Challenges / M. Sharma // International Journal of Indian Psychology. – 2021. – № 9(2). – PP. 1365–1375. DIP:18.01.141.20210902, DOI:10.25215/0902.141

© Звонова Е. В., Ломако Л. Л., 2024

УДК 323.3 EDN TTUGFI

СИСТЕМА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПРОЦЕССЫ ЭЛИТНОГО РЕКРУТИРОВАНИЯ

Е. С. Слива

*Аспирант, e-mail: slivaeugeny@yandex.ru,
Южно-российский институт управления –
филиал РАНХиГС,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

THE HIGHER EDUCATION SYSTEM: ELITE RECRUITMENT PROCESSES

E. S. Sliva

*Graduate student,
South Russian University – Branch of RANEPa,
Rostov-on-Don, Russia*

Abstract. In modern conditions, the higher education system is gaining special importance among the channels of recruitment of political elites. As a result of the generalization of the scientific discussion, the organizational, social, and institutional aspects of the functioning of the recruiting channel of political elites are highlighted. The evolutionary stability of the recruitment channel of political elites from the higher education system has been revealed. The features of elite foreign and elite domestic higher educational institutions are determined. The instruments of state influence on the recruitment of political elites from Russian higher educational institutions are systematized. The organizational, social and institutional mechanism of recruiting political elites from the higher education system in Russia has been determined.

Keywords: political elites; elite and elite higher education; recruitment systems and mechanisms; socio-political mobility.

В широкой научной дискуссии, посвященной исследованию каналов рекрутинга политических элит, можно выделить организационное, социальное, институциональное направления. С позиций организационного подхода предлагается рассматривать рекрутинг как форму комплектования государственного аппарата управления, способ создания его резерва и выдвижения на руководящие управленческие посты [6, с. 197]. Организационный механизм рекрутирования рассматривается как процесс выдвижения на руководящие политические посты, реализации политической карьеры [1, с. 103]. Есть исследования, в которых мероприятия по покрытию потребности в руководящих кадрах, представляют рекрутирование в виде программы. Обоснованно утверждается, что отбор – фильтр, используемый для проникновения в политическую элиту [11, с. 14]. Способ формирования и управления структурой, качеством и количеством политических элит применяется как

к описанию рекрутинга, так и разработки индикаторов эффективности процесса элитообразования.

В развитии концепции каналов рекрутинга заметное место занимает социальный подход. По распространенному мнению, аспект вертикальной социальной мобильности – отражение внутреннего социального содержания рекрутинга [4, с. 147]. Уточнением можно считать разнообразие ракурсов: способ изменения социального положения человека в обществе, изменения характера его труда [7, с. 207], циркуляция по социальной лестнице, преодоление социальной стратификации и групповых барьеров [10, с. 274]. Отдельные исследователи понимают под рекрутингом мерило принятых в обществе ценностей, используемых в качестве критериев отбора и продвижения политических элит [2, с. 232].

Каналы рекрутинга имеют институциональную определенность. В научных исследованиях обращается внимание на ин-

ституциональные характеристики рекрутинга как средства коммуникации, модели элитообразования, формы организации власти [5, с. 12, 18, 44]. Рекрутинг исследуется как реакция на политические процессы, события, характер решаемых политических задач. Канал рекрутинга действует по принципу политического института, оказывающего значительное влияние на структуру политических элит.

Система образования решает важную задачу – обеспечивает коммуникацию, вхождение в состав политических элит. Образование традиционно выделялось учеными и практиками как важный канал рекрутинга политических элит, позволяющий получить пополнение не только из своей собственной среды, но и за счет высокообразованной молодежи. М. Вебер отмечает устойчивую во времени и масштабную по распространению национальную практику: немецкие политические чиновники должны иметь университетское образование [3, с. 661]. Р. Миллс выделил тенденцию: «Крупнейшие богачи всегда имели более высокое образование, чем общая масса населения» [8, с. 146].

В большинстве стран Западной Европы, США система образования имеет элитарный характер, исторически является поставщиком политических элит. В Англии эта функция закрепились за Оксфордским, Кембриджским университетами; в США лидерами являются Гарвардский, Йельский, Принстонский, Дартмутский, Чикагский, Стэнфордский, Калифорнийский, Брандейский, Весминский университеты; во Франции и Германии система образования – единственный канал комплектования высших государственных чинов-

ников. Многочисленные исследования, посвященные социальной структуре советского общества, показали приоритетность канала образования в формировании партийной, советской, хозяйственной элит, советской интеллигенции. Современная российская элита также во многом генерируется системой образования.

Признание образования в качестве приоритетного канала рекрутинга, тем не менее сопровождается замечаниями, отражающими дискуссионность вопроса. Так, А. Б. Шатилов заключает, что образование не формирует особых преимуществ для карьерного роста, но является его необходимым условием [11, с. 13]. Г. К. Ашин также подтверждает, что образование не дает гарантий эффективного рекрутинга, оно является его важным элементом [1, с. 137]. На комплементарность указывает и В. С. Семенов – система образования не является самостоятельным и устойчивым средством массового перехода в высший класс [9, с. 278].

В концепции высшего образования как канала рекрутинга политических элит оформились два направления исследований: элитарное и элитное образования, базирующиеся на платформе антрепренерской и гильдийской социологических систем рекрутирования, а также концепта открытого и закрытого механизмов рекрутации. Обобщение материалов научных публикаций, результатов эмпирических наблюдений позволило выделить особенности элитарного и элитного высшего образования, определить характер их влияния на канал рекрутинга политических элит из системы высшего образования, которые систематизированы в таблице 1.

Таблица 1

Сравнительная характеристика элитарного и элитного высшего образования

Критерий сравнения	Элитарное высшее учебное заведение	Элитное высшее учебное заведение
Вид готовящейся элиты	Элита крови и богатства	Элита способностей
Характер образовательного учреждения	Закрытый	Открытый
Способ отбора студентов	Социальное происхождение	Конкурсный отбор
Критерии отбора	Принадлежность к элитократии	Интеллектуальные способности и таланты
Философия образования	Избранность	Демократизм
Заказчик образования	Аристократия	Меритократия
Доступность образования	Ограничение	Поддержка
Социальная база студентов	Ограниченная	Неограниченная
Репрезентативность социальных слоев студенчества	Узкая	Широкая
Характер конкуренции в студенческой среде	Отсутствует	Свободная
Социально-общественный статус выпускников	Привилегированность	Профессиональная значимость
Управленческий статус выпускников	Влиятельные должности	Управленческие должности
Направление последующей социальной мобильности	Сохранение внутри высшей страты	Восходящая социальная мобильность
Ценностные ориентации	Сословные, классовые, стратовые	Эклектические
Источник финансирования высшего учебного заведения	Преимущественно частные пожертвования и инвестиции	Преимущественно государственное
Субъект контроля деятельности высшего учебного заведения	Политические и корпоративные попечители	Государство

Составлено автором.

Таким образом, система образования как канал рекрутинга представляет собой коммуникацию системы образования – среды политических систем и непосредственно самих политических элит, организационный механизм которого упорядочивает процесс их воспроизводства, социальный механизм способствует расширению их социальной базы, институцио-

нальный механизм обеспечивает устойчивость политических элит как политического института.

Система подготовки и отбора политических элит из элитарных и элитных вузов сопряжена с реализацией интересов властвующих элит в первом случае, и интересов общества – во втором, средствами организационного, социального, институ-

ционального, экономического, финансового, управленческого влияния на канал рекрутинга. Элитарное высшее образование имеет следующие организационные особенности: перманентность элитарного образования; доступность привилегированной части общества; незначительная доля в общем количестве вузов; контроль вузов и процесса отбора выпускников; устойчивость функционирования канала рекрутирования.

Сторонники теории элитного высшего образования исходят из высокого качества как элитарного, так и элитного образования. Образование высокого уровня, как отмечает Г. К. Ашин, обеспечивает эволюционный переход элитарного высшего образования в элитное. Общеизвестным фактом является высокий уровень качества высшего образования Российской империи, СССР, РФ. В процессе эволюции системы образования в России в ее организационной структуре присутство-

вало высшее образование в различных институциональных формах. Сложились следующие особенности:

- атрибутивность высшего образования для политических элит;
- приоритетность рекрутирования политических элит из системы высшего образования;
- способность подготовки необходимого количества высокообразованных специалистов и политических элит.

Ведущие российские университеты, имеют длительную историю, что косвенно свидетельствует о высоком уровне доверия к качеству получаемого образования, открытости самих университетов, доступности высшего образования, устойчивости канала рекрутинга политических элит из системы высшего образования. Динамические характеристики системы высшего образования в России представлены в таблице 2.

Таблица 2

Количество студентов, обучающихся в ведущих российских университетах, чел.

Университет	1836 г.	1850 г.	1880 г.	1885 г.	1890 г.	1903 г.	1907 г.	1960 г.	2023 г.
Московский	441	821	1881	3179	3492	4843	9033	2293	38150
Дерптский (Юрьевский)	536	554	1071	1485	1694	1635	1718	-	-
Казанский	191	309	794	969	755	1024	2821	5999	37166
Харьковский	332	394	655	1372	1042	1444	3450	8317	-
Петербургский	299	387	1675	2340	1815	3855	8090	13689	38000
Одесский (Новороссийский)	-	-	352	610	440	1392	2831	8177	-
Варшавский	-	-	803	1395	1274	1561	1400	-	-
Томский	-	-	-	-	-	616	740	5069	-

Рассчитано по:

Высшее образование в России: Очерки истории до 1917 года / под ред. В. Г. Кинелева. М.: НИИ ВО. 1995. С. 117.;

Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Т. 54. СПб. 1899. С. 387, 398.;

Высшее образование в СССР. Статистический сборник. М.: Госстатиздат ЦСУ СССР. 1961. С. 178–180.

Официальный сайт Московского государственного университета. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.msu.ru/>;

Официальный сайт Санкт-Петербургского государственного университета. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.spbu.ru/>;

Официальный сайт Казанского (Приволжского) федерального университета. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kpfu.ru/>.

Задача непрерывного пополнения политических элит в России была всегда актуальна для государства и решалась следующими мерами:

- транзит выпускников высших учебных заведений в элиту (присвоение выпускникам университетов дворянского достоинства, чина обер-офицера, класса государственной службы; переход в советскую, партийную, хозяйственную номенклатуру; принадлежность к группе интеллигенции);
- обеспечение доступа к высшему образованию всех сословий в Российской Империи, социальных групп в СССР; бесплатность образования;
- применение разнообразных механизмов привлечения и удержания студентов: монетарные меры – стипендии;

немонетарные – льготы при поступлении особых групп абитуриентов;

- конкурсный отбор абитуриентов, способствующий повышению качества выпускников и политических элит в будущем;
- государственное финансирование высших учебных заведений.

Современный вектор развития высшего образования задан стратегическими приоритетами развития РФ. В системном аспекте процесс подготовки высококвалифицированных специалистов и их рекрутирования находится в русле федеральной программы «Подготовка и переподготовка резервов управленческих кадров».

Результаты исследования механизма функционирования каналов рекрутинга из элитарных и элитных вузов обобщены в таблице 3.

Таблица 3

Интегрированный механизм функционирования высшего образования как канала рекрутинга

Характеристики механизма функционирования канала рекрутинга	Канал рекрутинга	
	Элитарное высшее образование	Элитное высшее образование
Организационно-политический механизм		
Чувствительность к государственному влиянию	Низкая	Высокая
Механизм воспроизводства политических элит	Социальное воспроизводство	Элитная социализация
Социально-политический механизм		
Социально-политические процессы	Стабильность политических элит	Развитие политических элит
Обновление политических элит	Консервация	Ротация
Сопряженность с типом политических элит	Классово-дифференцированная элита	Плюралистическая элита

Институционально-политический механизм		
Источники отбора политических элит	Преимущественно внутренний	Преимущественно внешний
Доступ к власти	Формирует барьеры	Устраняет барьеры

Составлено автором.

Таким образом, в процессе эволюции российская система высшего образования приобрела характеристики, в большей степени соответствующие элитному типу. В качестве преобладающей сложилась антрепренерская система рекрутирования, функционирующая на принципах открытого механизма рекрутации, испытывающая значительное влияние со стороны государства. Функционирование российской элитной системы высшего образования как канала рекрутинга обеспечивается взаимодействием образовательных организаций, политических элит и государства, выражающееся в действии организационно-политического, социально-политического, институционально-политического механизмов.

Организационно-политический механизм обеспечивает расширенное воспроизводство политических элит средствами элитной социализации. Социально-политический механизм способствует развитию политических элит через их непрерывную ротацию и представительский плюрализм. Институционально-политический механизм снимает барьеры и препятствия доступа к власти, содействует обновлению политических элит из внешней социальной среды.

Библиографический список

1. Ашин Г. К. Мировое элитное образование. М.: Анкил. 2008. – 360 с.
2. Ашин Г. К. Элитология. М.: МГИМО-Университет МИД России. 2005. – 544 с.
3. Вебер М. Избранные произведения. Политика как призвание и профессия. М.: Прогресс. 1990. – 808 с.
4. Волков С. В. Элитные группы в массовом обществе. М.: Русский фонд содействия образованию и науке. 2021. – 312 с.
5. Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН. 2006. – 448 с.
6. Елютин В. П. Высшая школа общества развитого социализма. М.: Высшая школа. 1980. – 260 с.
7. Классы, социальные слои и группы в СССР. М.: Наука. 1968. – 218 с.
8. Миллс Р. Властвующая элита. М.: Изд-во иностранной литературы. 1959. – 543 с.
9. Семенов В.С. Капитализм и классы. М.: Наука. 1969. – 399 с.
10. Социальная стратификация российского общества / Под ред. З.Т. Голенковой. М.: Летний сад. 2003. – 316 с.
11. Шатилов А. Б., Юдельсон А. В., Дойченко С. В. Кадровые резервы России. Состав и особенности элитобразования. М.: ЦПИ. 2007. – 232 с.

© Слива Е. С., 2024

УДК 94(575.1)“1991/2016”:342.5 EDN OYYGNP

ПРОБЛЕМА КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ С ВЫСШИМ ОБРАЗОВАНИЕМ В УЧРЕЖДЕНИЯХ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

Д. А. Чориева

ORCID: 0009-0003-0732-709X,

e-mail: choriyeva.dilya@mail.ru,

Начальник отдела,

Координационно-методический центр

по вопросам новейшей истории Узбекистана

при Академии наук Республики Узбекистан,

г. Ташкент, Узбекистан

PROBLEM OF STAFFING OF SPECIALISTS WITH HIGHER EDUCATION IN CULTURAL INSTITUTIONS OF UZBEKISTAN

D. A. Choriyeva

Head,

Department of the Coordinating and Methodological

Center for the Modern History of Uzbekistan

under the Academy of Sciences

of the Republic of Uzbekistan,

Tashkent, Uzbekistan

Abstract. This article is devoted to the problem and solution of the problem of highly educated personnel in the sphere of culture in the years of independence of Uzbekistan. On the basis of archive sources, the main reasons for the lack of highly educated personnel and slowness in the activities of cultural institutions are described in detail. Several solutions to the staffing problem are also indicated.

Keywords: culture; ministry; art; institution; institute; specialist; librarian; personnel; salary; higher education; music4 competition.

ВВЕДЕНИЕ

При развитии каждой отрасли важно готовить конкурентоспособных, качественных кадров, соответствующих требованиям времени. Этот вопрос является одним из наиболее актуальных не только в Узбекистане, но и на мировом уровне. Потому что развитие общества определяется подготовкой, функционированием кадров со зрелым потенциалом. Поэтому с первых дней независимости в Узбекистане вопросу кадров уделялось особое внимание.

В независимом Узбекистане, на основе богатого интеллектуального наследия народа и общечеловеческих ценностей, на основе достижений современной культуры, экономики, науки, техники и оснащения, формирование совершенной системы подготовки кадров было одним из важных условий развития. Государственная поли-

тика в области подготовки кадров была направлена на формирование нового поколения кадров с современным мышлением, с умением самостоятельно правильно воспринимать цель в общественно-политической жизни, способных продвигаться вперед и решать перспективные задачи [1]. В соответствии с задачами, определенных в Законе «Об образовании», особое значение придавалось вопросам развития сферы культуры, создания современных учреждений культуры, укрепления их материально-технической базы, подготовки и поддержки творческих кадров.

МЕРЫ, ПРЕДПРИНЯТЫЕ СО СТОРОНЫ МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ

Это также приобрело актуальность в деятельности Министерства культуры. Для осуществления контроля за учебными заведениями, подведомственными аппарату Министерства культуры, был создан "Департамент подготовки и переподготовки научных, образовательных учреждений и кадров". Этим отделом осуществлялись такие работы, как организация подготовки специалистов культурно-просветительских, художественных и креативных профессий в образовательных учреждениях системы, обеспечение обучения детей и подростков в музыкальных и художественных школах, создание благоприятных условий для подготовки высококвалифицированных научно-педагогических кадров, разработка учебных планов и воспитательных программ.

В исследуемом периоде важное внимание уделялось подготовке специалистов с высшим образованием для сферы культуры. Они готовились в основном в высших учебных заведениях Министерства культуры. В 1992 году при Министерстве культуры Узбекистана действовали такие высшие учебные заведения, как Ташкентский государственный институт культуры имени Абдуллы Кадири, Институт искусств имени Маннона Уйгура, Ташкентская государственная консерватория имени Мухтара Ашрафи [2] и 24 средне-специальных учебных заведения [3]. Исходя из квот, установленной государством, в 1991–1992 годах в Ташкентский государственный институт культуры поступили 631 человек, в Уйгурский институт искусств имени Маннона – 143. В Ташкентскую государственную консерваторию имени Ашрафи были приняты 131 студент, в общем 905 [4].

Министерством культуры также были приняты ряд мер для решения существующих проблем при подготовке кадров с высшим образованием. В частности, выс-

шим и средне-специальным учебным заведениям культуры были выделены специальные квоты для работников среднего образования [5], работающих в регионах республики, а список кандидатов был сформирован региональными управлениями культуры. В частности, в 1991 году в высшие и средне-специальные учебные заведения Хорезмской области поступили 53 человека, из них 22 поступили в Ташкентский государственный институт культуры, 17 поступили в Ташкентский культурно-агартувский техникум, 10 поступили в Бухарский культурно-Агартувский техникум, 4 поступили в Каршинский культурно-агартувское техническое училище [6].

В 1997 году 45 молодых специалистов из Сурхандарьинской области окончили высшие и средние специальные учебные заведения в области культуры и искусства и были трудоустроены. Кроме того, 28 руководителей и специалистов, работающих в региональных учреждениях культуры, прошли обучение в Ташкентском государственном институте культуры имени Абдуллы Кадири, Ташкентском государственном институте искусств имени Маннона Уйгура, Ташкентской государственной консерватории имени Мухтара Ашрафи. К 1999 году численность квалифицированных кадров составляла 70 человек [7].

В целях определения численности кадров специалистов в области культуры, формулирования кадровой политики, теоретического осмысления вопроса о специалистах, принимаемых в высшие и средне-специальные учебные заведения, в 1993 году Приказом Министерства культуры Республики Узбекистан при министерстве был создан "Республиканский центр определения перспектив, методологии и информации". Среди основных задач центра были такие работы, как планирование строительства образовательных учреждений, определение их финансовой поддержки, выделение необходимых средств [8].

ПРОБЛЕМА КАДРОВ В КУЛЬТУРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Хотя в рассматриваемые периоды проводилась определенная работа по развитию сферы культуры и искусства, несмотря на это возникали проблемы с созданием учреждений, кадровым обеспечением. В частности, такая ситуация хорошо видна на примере учреждений культуры, действующих в отдаленных районах республики. В частности, в 1992 году в учреждениях культуры и образования Ферганской области работало в общей сложности 2227 работников, из которых 506 имели высшее, 859 – средне-специальное, 862 – среднее образование. Если рассматривать это в процентном соотношении, то численность персонала с высшим образованием составила всего 23 % [9]. Такая ситуация наблюдается и в других регионах республики. В некоторых провинциях этот показатель сформировался на очень низком уровне. Например, в Сурхандарье, одном из южных регионов республики, в региональных учреждениях культуры и образования работало 2505 сотрудников. Из них 305 были работниками со специальным высшим образованием, 67 – с высшим образованием, 519 – со средним специальным образованием и 189 – со средним образованием [10]. От этого видно, что только 15 % кадров с высшим образованием работали в провинции.

Клубы являлись одним из основных культурно-досуговых учреждений в сельской местности, при этом этим учреждениям [11] также уделялось особое внимание в вопросах подбора персонала, расстановки кадров. В частности, 10 сотрудников клуба в Хорезмской области окончили специальные учебные заведения, и 5 из них считались специалистами с высшим образованием. В 1991–1995 годах в регионе насчитывалось в общей сложности 414 работников клуба, из которых 116 были сотрудниками с высшим специальным образованием, 230 – со средне-специальным образованием, 128 – со средним образованием. Кадры с высшим обра-

зованием составляли 28 % [12]. Это можно объяснить нехваткой квот, выделяемых высшим учебным заведениям. Тем не менее, также была проделана определенная работа по обучению персонала клуба и повышению их квалификации. В частности, в учреждении художественных знаний, расположенной в Гулистане Сырдарьинской области, каждый год готовились кадры культуры и образования, которые направлялись по путевкам в разные районы области [13]. В 1998 году 15 сотрудников клуба были направлены в Ташкент из Сырдарьи для целевого обучения [14].

В 1993–1994 годах 28 % сотрудников, работавших в библиотеках республиканского масштаба, имели высшее образование, 22 % – средне-специальное [15]. В 1998 году в Сырдарьинской области в общей сложности работали 389 библиотекарей, из которых 46 (12 %) имели высшее образование, 70 – средне-специальное, а остальные имели среднее образование (70 %). По сравнению с другими провинциями, в библиотеках Сырдарьинской области специалистов с высшим образованием было меньшинство. Поэтому библиотеки здесь не смогли осуществлять свою деятельность на полноценном уровне. В частности, только 2 из 32 библиотекарей, которые работали в разные годы в Мирзаабадском районе, 1 из 9 библиотекарей Центральной библиотечной сети (ЦБС) Мехнатабадского района [16], что 1 из 21 библиотекаря в МКТ Рашидовского района, 4 из 18 библиотекарей в МКТ Околтинского района, 9 из 42 библиотекарей в МКТ Ховосского района были специалистами с высшим образованием [17].

Анализ вышеуказанных архивных материалов, который был проведен в ЦБС таких районах как Ховос, Мехнатабад, Ш. Рашидов (подготовка библиографических указателей, ведение каталогов, составление аналитического списка имеющихся книг в.б.) свидетельствуют о том, что разбирательство велось без соблюдения правил. Это можно объяснить нехваткой спе-

специализированных кадров и непоследовательностью большинства методистов. В целях устранения этих недостатков, согласно решению Совета Управления культуры Сырдарьинской области, 15 сотрудников были направлены на учебу, а 6 сотрудников – на повышение квалификации (в том числе 2 из района Ок Олтин, 2 из Мирзаабадского района, 2 из Мехнатабадского района) [18].

Нехватка специалистов с высшим образованием в области культуры относительно очевидна в направлении клубов, домов культуры, библиотек. Одной из наиболее серьезных проблем в совершенствовании работы библиотеки, особенно в 2000–2001 годах, был кадровый вопрос. В частности, можно привести тот факт, что в эти периоды увеличивалась нехватка специалистов в библиотеках, и по этой причине, что для сотрудников не создавались благоприятные условия, и они не стимулировались материально [19].

Вышеуказанные случаи также характерны для деятельности библиотек Кашкадарьинской области. Сравнивая это с числом читателей, которые принадлежат библиотекам, в районе Бахористан они насчитывали 4233 человека, в районе Усмана Юсупова – 5001 человек, и их обслуживали всего 1–2 специалиста с высшим образованием. В районе Мубарак работал только 1 библиотекарь с высшим образованием. В сельских библиотеках района не было ни одного библиотекаря с высшим образованием [20].

В республиканском масштабе нехватка специалистов-библиотекарей обусловлена, как отмечалось выше, тем фактом, что больше персонала не поступает на работу, а специалисты работают в других областях. Согласно анализу, 60 % специалистов покинули провинциальные библиотеки в 1998 году. Это можно объяснить миграцией населения в дополнение к экономическим проблемам [21].

Также клубы, дома культуры, библиотеки, детские музыкальные школы и шко-

лы искусств не обеспечены надлежащим образом зданиями, системой отопления [22]. Эти случаи также повлияли на появление недопуска специалистов в учреждения культуры.

В направлении профильного высшего образования следует отметить, что в работе по подготовке кадров для учреждений культуры допускаются серьезные недостатки. В частности, в 1991 году на факультеты методистов-организаторов библиотечного дела и клубной работы было принято в общей сложности 855 студентов, по сравнению с 226 к 1998 году [23]. Например, в соответствии с постановлением Кабинета Министров Республики Узбекистан от 8 июня 2000 года № 222 "О приеме в высшие учебные заведения Республики Узбекистан в 2000–2001 учебном году" на основании государственного гранта было выделено только 20 мест на направление библиотечное дело Ташкентского государственного института культуры им. Абдуллы Кадыри. Однако в республике насчитывалось около 6000 библиотек, подчиненных Министерству культуры. Ситуация была еще более плачевной примерно в 14 000 библиотеках, которые не подчинялись министерству [24]. Это также можно увидеть, проанализировав количество заказов, полученных службой маркетинга института из провинций. В частности, за 2000–2001 учебный год количество заказов, размещенных по направлению библиотечного дела, составило 150 [25].

Представленные выше недостатки негативно сказались на деятельности культурных учреждений. В результате, обеспечение отрасли потенциальными кадрами стало одной из главных проблем. При изучении состояния управления центрами культуры и отдыха населения наблюдается кадровый дисбаланс даже среди руководителей. По состоянию на 2016 год в республике насчитывалось 894 действующих центра культуры и досуга населения, в общей сложности 7264 госу-

дарственных учреждения. Из них 4856 были творческими работниками и 2408 – техническим персоналом. Из числа сотрудников 1186 имели высшее образование, 3313 – средне-специальное и 357 – среднее специальное [26]. Только 24 % руководителей, руководивших культурными центрами, имели высшее образование. Большинство руководителей, руководивших этими центрами, имели среднее специальное образование и включали в себя таких специалистов, как бухгалтер, учитель физкультуры, библиотекарь. Стоит отметить, что активность персонала с неспециализированным и средним образованием в управлении учреждениями культуры повлияла на его замедление, препятствуя развитию отрасли.

МЕРЫ, ПРЕДПРИНИМАЕМЫЕ СО СТОРОНЫ ГОСУДАРСТВА

В целях обеспечения кадрами учреждений культуры в 1997 году в Ташкентскую государственную консерваторию имени Мухтара Ашрафи было принято 120 студентов, в Ташкентский государственный институт культуры имени Абдуллы Кадири – 160, в Ташкентский государственный институт искусств имени Маннона Уйгура – 90, в Национальный институт танца и хореографии – 30. хореография, всего: 400 учеников [27].

Но, по сравнению с первыми годами независимости, эти данные показывают, что количество студентов в высших учебных заведениях сократилось на 500 человек.

В целях создания системы художественного образования в соответствии с требованиями времени, подготовки высококвалифицированных специалистов, дальнейшего совершенствования академических исследований, в 1997 году указом Президента Республики Узбекистан была создана Академия изобразительных искусств Узбекистана, художественный факультет Ташкентского государственного художественного университета. Институт имени Маннона Уйгура и Национальный институт [28]. Указ показал совер-

шенствование системы подготовки высококвалифицированных специалистов в области изобразительного и прикладного искусства, дизайна, народных промыслов.

При организации учебного процесса в учебных заведениях, подведомственных Министерству культуры, также уделяется внимание созданию учебников и учебно-методических пособий. В авторстве профессоров и преподавателей таких кафедр, как лидерство, народное искусство, режиссура, искусствоведение и теория Ташкентского государственного института культуры имени Абдуллы Кадири, были изданы и опубликованы учебно-методические пособия "Звучание слов", "Народное творчество", "К вопросу об истории узбекского певческого искусства". В Ташкентском государственном институте театра и живописи имени Маннона Уйгура также издано несколько учебников и учебно-методических пособий. Среди них такие учебники, как "Основы документального кино", "Речевые навыки в актерском мастерстве музыкального театра", "Основы кинематографа" и учебная литература, такая как "Мастерство актеров кукольного театра", "История узбекского традиционного театра" [29].

В рассматриваемые периоды также были проведены масштабные реформы с уделением особого внимания музыкальному образованию. В частности, были внедрены в практику Указы президента Республики Узбекистан [30], льготы, предоставляемые учебным заведениям культуры и искусств, которые были представлены в постановлениях Кабинета министров [31]. Кроме того, в качестве дополнительного способа были введены привилегии также для преподавателей детских музыкальных школ и солистов хорового сообщества [32].

Согласно шестому пункту Указа Президента Республики Узбекистан "О развитии национального искусства танца и хореографии", в 1997 году Узбекское хореографическое училище было реорганизовано под названием Ташкентское государ-

ственное национальное училище танца и хореографии и преобразовано в высшее учебное заведение, который считается единственным в Азии [33]. В этом учебном заведении по направлениям бакалавриата и магистратуры готовятся научно-педагогические, творческие кадры в области национального танца и балета, балетмейстеры-постановщики, исполнители танцев, национального танца и хореографического искусства. В то же время ведется подготовка и переподготовка специалистов в области искусства национального танца и хореографии [34].

В 2002 году, согласно Указу президента Республики Узбекистан, Ташкентской государственной консерватории [35] имени Мухтара Ашрафи был присвоен статус "Государственная консерватория Узбекистана" и созданы факультет эстрадного искусства, академический музыкальный лицей одаренных детей, издательство "Дворец музыки", издательский дом "Музыка" и другие подразделения [36].

21 июля 2005 года, в целях коренного улучшения деятельности Ташкентского государственного института искусств имени Маннона Уйгура, подготовки квалифицированных специалистов в области театрального искусства, кино, телевидения, искусствоведения и других областях деятельности, создания материально-технической базы, были приняты решения Указы Президента Республики Узбекистан "О совершенствовании деятельности Ташкентского государственного художественного института имени Маннона Уйгура" [37].

В Институте искусств на повестку дня был поставлен вопрос о подготовке кадров специалистов по всем направлениям театрального искусства, связанным с кинематографом, эстрадными жанрами. Поэтому что в эпоху бывшего Союза кинорежиссеры, постановщики фильмов, операторы кино и телевидения учились в Москве и готовились во Всероссийском государственном институте кинематогра-

фии (ВГИК) имени Герасимова [38]. Теперь эта задача была возложена на Ташкентский государственный художественный институт имени Маннона Уйгура. Кроме того, в 1993 году в институте были созданы кафедры "Художественной журналистики" и "Звукорежиссуры", в 1997–1998 годах – новые "Художественной журналистики" и "Искусства синемаатеки", а также драматургии [39]. В течение десяти лет (1998, 2000, 2003) студенты бакалавриата заканчивали факультет "Художественная журналистика". Начиная с 2000 года, было открыто отделение магистратуры, и к 2003 году 40 студентов были зачислены по государственному гранту и более 80 – по платному контракту [40]. В отделение драматургии в 2003 году впервые выпустились 4 студента по данному направлению [41].

В 2007 году с целью повышения престижа Ташкентского государственного художественного института имени Маннона Уйгура как главного учебного заведения Республики, готовящего квалифицированных специалистов в области театрального искусства, кино, телевидения и других областях искусства, он был переименован в Узбекский государственный художественный институт [42].

В целях подготовки высококвалифицированных специалистов, отвечающих современным требованиям в области культуры, театрального искусства, кино и телевидения, способных сохранять и развивать традиции народного творчества, овладевших современными методами художественного творчества, инновационными приемами и технологиями, 28 апреля 2008 года президент Республики Правительство Узбекистана принял постановление "О мерах по созданию Нукусского филиала Министерства". В соответствии с этим решением в Республике Каракалпакстан был создан Нукусский филиал Государственного института искусств и культуры Узбекистана [43]. Первоначально в филиале обучалось 25 студентов по спе-

циальностям "Драматургия исполнительского искусства и экранного искусства" и "Драматический театр и актерское искусство кино", в то время как в последующие годы более 700 студентов прошли обучение по 9 специальностям.

Позже, в 2012 году, на базе Ташкентского государственного института культуры имени Абдуллы Кадири и Ташкентского государственного института искусств имени Маннона Уйгура был создан Узбекский государственный институт искусств и культуры [44]. В 2012 году в институте обучалось в общей сложности 934 студента, из которых 872 были на стадии бакалавриата и 62 – в магистратуре [45], в то время как по состоянию на 2016 год их число составляло 1600 [46].

С 2012 года в этом институте налажена подготовка кадров по направлениям "Организация и управление учреждениями культуры и искусства", "Менеджмент в сфере культуры и искусства", "Директор общественных мероприятий" и "Информатизация и библиотечное дело". Впоследствии, с 2012–2013 годов, специалисты по направлению "Информатизация и библиотечное дело" также готовились в Ташкентском университете информационных технологий имени Мухаммада аль-Хорезми [47]. Это, в свою очередь, сыграло важную роль в решении кадровой проблемы в области библиотечного дела.

К 2016 году в Государственном институте искусств и культуры Узбекистана насчитывалось 4 факультета: кино, телевидения и радио, Библиотечно-информационной деятельности, театрального искусства, народного творчества. В них по 15 специальностям, актерскому мастерству и режиссуре, искусствоведение и театроведение, звукорежиссёрство и операторское мастерство, народное творчество, управление учреждениями культуры и искусства, театроведение, сценическая и экранная драматургия, художественная журналистика, драматический театр и кино актерского искусства, кукол, эстрада, актёрское искусство музы-

кального театра, режиссура драматического театра, режиссура телевидения и радио, режиссура эстрадных и массовых представлений, кинотелеоператорство, кино, телевидение, радио и театральные представления. Также при институте функционировал отдельный Центр переподготовки и повышения квалификации педагогических кадров средних специальных и высших учебных заведений в области искусства и культуры.

Изученные годы показали целесообразно организовывать различные мероприятия, направленные на повышение потенциала и стимулирование труда специалистов в области культуры. Так, в сфере библиотечного дела ежегодно проводятся республиканские конкурсы «Юный библиотекарь», встречи между библиотеками, голосовые чтения, тематические вечера, конференции [48].

С целью поиска талантливой молодежи, поощрения их, повышения их творческого потенциала и создания условий для выхода их на большую сцену проводится премия "Нихол", Международный фестиваль искусств "Весеннее дыхание", неделя молодежной культуры "Приглашаем вас на музыку", IV Республиканский фестиваль современных театров, фестиваль "Колыбельная матери" Республиканский фестиваль молодых оперных исполнителей "Весна".

Согласно указу Президента Республики Узбекистан "О совершенствовании музыкального образования в Республике, деятельности учебных заведений культуры и искусства" [49], в апреле 1997 года был проведен XIV Республиканский конкурс молодых исполнителей музыки. В нем участвовали более 40 молодых талантов, а 15 студентов, занявших 1-е место, были приняты в высшие учебные заведения на льготных условиях [50].

Труд кадров сферы культуры учитывался государством и периодически поощрялся. В 1998 году 56 творческих работников, работающих в системе Министерства, были удостоены государствен-

ных наград. Из них 5 были народными артистами, 21 – заслуженными артистами, 1 – заслуженным деятелем науки, 6 – заслуженным работником культуры, 1 – заслуженным тренером молодежи. 21 человек награжден различными орденами и медалями. Среди них был руководитель Республиканского научно-методического центра по культурно-просветительским вопросам Дехконбой Хусанов [51]. Он руководил проведением на высоком уровне конкурсов, состязаний фольклорно-этнографических коллективов "Композиторы Узбекистана", "Мелодии равные векам" и других конкурсов республиканского значения.

А в 2014 году 58 творческих сотрудников, работающих в системе Министерства, были удостоены государственных наград. Из них 2 были удостоены звания народного артиста, 1 был удостоен звания "Народного артиста Республики Узбекистан", 1 был удостоен звания "Народного мастера Республики Узбекистан", 1 был удостоен звания "Народного артиста Республики Узбекистан", 1 был удостоен звания "Народного артиста Республики Узбекистан", 4 удостоены звания заслуженного тренера молодежи, 8 удостоены звания заслуженного деятеля искусств, 4 были награждены орденами, 30 были награждены различными орденами и медалями [52].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение можно сказать, что с первых лет независимости в Узбекистане большое внимание уделялось подготовке потенциальных кадров в соответствии с требованиями времени. Указы и постановления по этому вопросу сыграли огромную роль в подготовке квалифицированных специалистов в области культуры. Экономические трудности в первые годы независимости также негативно сказались на подготовке специалистов с высшим образованием. Учреждения культуры, находящиеся в ведении Министер-

ства культуры, не были должным образом обеспечены кадрами с высшим образованием. Эти недостатки были в некоторой степени преодолены за счет увеличения из года в год квот для поступающих в высшие учебные заведения системы Министерства культуры в будущем.

Создание отдельного центра с целью переподготовки и повышения квалификации педагогических кадров средне-специальных и высших учебных заведений в области искусства и культуры послужило улучшению применения, квалификации современных методов работы сотрудников, работающих в данной сфере.

Создание новых высших учебных заведений положительно сказалось на подготовке специалистов с высшим образованием. Использование контрактных методов в системе образования в определенной степени послужило экономическим фактором в преодолении проблем подготовки кадров.

Примечания

1. Закон Республики Узбекистан "Об образовании". № 636-XII от 02.07.1992 // Вестник Верховного Совета Республики Узбекистан. 1992, № 9, с. 342; 1993., № 6, с. 268. <http://lex.uz/docs/56418.20.11.2018>; закон Республики Узбекистан "Об образовании". 464 I. 29.08.1997. См. <https://nrm.uz/contentf?doc=5989>; Национальная учебная программа. 29.08.1997. 463 I. См. <https://lex.uz/docs/48401>. Закон "Об образовании" и национальная программа подготовки кадров вступили потеряли свою силу в соответствии с законом Республики Узбекистан "Об образовании" № 637 от 23 сентября 2020 года.
2. С 2002 года она функционирует под названием Консерватория Узбекистана.
3. Эта информация относится к 1992-м годам, о которых идет речь. НАРУз. Фонд М-7. Список 1, работа 58, лист 155.
4. НАРУ. Фонд 2487. Список 3, 6950-работа, лист 21. Здесь не включено количество студентов, принятых на факультеты, относящиеся к сфере культуры, при высших учебных заведениях педагогической деятельности республики, в средне-специальные учебные заведения. Потому что исследование ограничено де-

- тельностью учреждений, входящих в состав Министерства культуры.
5. В некоторых учреждениях культуры также работали сотрудники со средним образованием, которые не обладали специальными знаниями в данной сфере, например в библиотеках.
 6. НАРУз. Фонд М-7. Список 1, работа 648, лист 6 (следует отметить, что эта информация относится к 1998 году).
 7. НАРУз. Фонд М-7. Список 1, работа 653, лист 42.
 8. Центр был создан в соответствии с решением Министерства культуры от 10 февраля 1993 года. Смотреть: НАРУз. Фонд М-7. Список 1, работа 50, лист 76.
 9. НАРУз. Фонд 2487. Список 3, 6980-работа, лист 8.
 10. НАРУз. Фонд М-7. Список 1, работа 653, лист 42.
 11. Клуб (англ. club) – это культурно-образовательное учреждение, общественная организация, которая служит для объединения людей для занятий спортом, волонтерского отдыха, которые объединены общей целью. Первый клуб в Узбекистане – это русские состоятельные люди, военные, чиновники и т.д. Основан в 1869 году. Для членов клуба и их семей устраивались балы, маскарады и танцы, вокальные и литературные вечера, драматические представления. Рабочие клубы первоначально были созданы в Ташкенте (1924). С 30-х годов рабочие и молодежные клубы стали строиться по одним и тем же проектам при фабриках и заводчиках, в колхозах и совхозных центрах. В нем есть смотровой зал (со сценой), комнаты для кружковых занятий, библиотека и дворцы культуры и дома быта. Решением 2013 года клубы и дома культуры были преобразованы в центры культуры и досуга населения.
 12. НАРУз. Фонд 2487. Список 3, работа 6983, лист 19.
 13. Архивные документы содержат информацию о том, что Гулистанское учреждение художественных знаний подготовила и направила специалистов в регионы Сырдарьинской области. В то же время следует отметить, что в этой стране знаний учились студенты не только из районов Сырдарьинской области, но и из других регионов. Смотреть: НАРУз фонд М-7. Список 1, работа 655, лист 34.
 14. НАРУз. Фонд М-7. Список 1, работа 654, лист 13.
 15. Основные показатели деятельности учреждений культуры и образования в 1993–1994 гг. – Ташкент, 1995. – С. 7–22.
 16. Отныне ЦБС.
 17. НАРУз. Фонд М-7. Список 1, работа 655, лист 36.
 18. НАРУз. Фонд М-7. Список 1, работа 655, лист 9.
 19. Каримбеков К., Караев Ш. Чувство духовности. – Ташкент: Укитувчи, 2000. – С. 22–91.
 20. НАРУз. Фонд М-7. Список 1, работа 394, лист 5.
 21. Анализ материалов рассматриваемого периода показывает, что в учреждениях культуры работало больше русских и других специалистов разных национальностей. Известно, что в первые годы независимости наблюдается эмиграция жителей определенных национальностей.
 22. ЎзМА. Фонд М-7. 1-руйхат, 614-иш, 13-варақ.
 23. НАРУз. Фонд М-7. Список 1, работа 176, листы 368.
 24. Эти библиотеки находились в ведении системы образования.
 25. НАРУз. Фонд М-7. Список 1, работа 890, лист 43.
 26. Текущий архив Министерства культуры Республики Узбекистан. Отчеты Министерства культуры за 2016 год.
 27. НАРУз. Фонд М-7. Список 1, работа 890, лист 43.
 28. Указ Президента Республики Узбекистан от 23 января 1997 года "О создании Академии изобразительных искусств Узбекистана" № ПФ-1701. 23.01.1997. [ср. https://lex.uz/uz/docs/283197](https://lex.uz/uz/docs/283197); Постановление Кабинета министров № 131 от 11 марта 1997 года. В настоящее время этот институт находится в ведении Академии художеств Узбекистана.
 29. Красочные учебные пособия // Вечерний Ташкент. 20 января 2003. № 13, с. 3.
 30. Указ Президента Республики Узбекистан "О мерах по поддержке и стимулированию дальнейшего развития театрального и музыкального искусства в Узбекистане" № 1280 ПФ-20.10.1995. [ср. https://lex.uz/docs/534682](https://lex.uz/docs/534682); Указ Президента Республики Узбекистан № 1692 "О совершенствовании музыкального образования в Республике, деятельности образовательных учреждений культуры и искусства". 31.12.1996. [СМ. https://lex.uz/docs/178763](https://lex.uz/docs/178763).
 31. Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан № 415 "О мерах по дальнейшему развитию театрального и музыкального искусства в Узбекистане". 28.10.1995. [СР. https://lex.uz/uz/docs/534682?ONDATE=09.01.2021](https://lex.uz/uz/docs/534682?ONDATE=09.01.2021).
 32. НАРУз. Фонд М-7. Список 1, работа 614, лист 8.
 33. Указ Президента Республики Узбекистан "О развитии искусства национального танца и хореографии в Узбекистане" ПФ-1695. 08.01.1997. [ср. http://lex.uz/docs/1598417](http://lex.uz/docs/1598417).
 34. Ташкентская национальная Высшая школа танца и хореографии. См.: <https://qomus.info/encyclopedia/cat-t/toshkent-milliy-raqs-va-xoreografiya-oliy-maktabi-uz/>.
 35. Консерватория была основана 2 апреля 1936 года на базе Высшей музыкальной школы, Ташкентской государственной консерватории было присвоено имя Мухтара Ашрафи 5 января 1976 года.
 36. Указ Президента Республики Узбекистан "О преобразовании Ташкентской государственной консерватории в Государственную кон-

- серваторию Узбекистана" № ПФ-3052. 16.04.2002. // Народное слово. 17 апреля 2002.
37. Нынешний Узбекский государственный институт искусств и культуры начал свою деятельность в 1945 году под названием Ташкентский государственный художественный институт. С 1954 года его именем назван Ташкентский государственный театрально-художественный институт, с 1991 года – Ташкентский государственный институт искусств имени Маннона Уйгура. Указ Президента Республики Узбекистан "О совершенствовании деятельности Ташкентского государственного художественного института имени Маннона Уйгура" УП-128. 21.07.2005 // Собрание законодательства Республики Узбекистан, 2005., № 28–29, с. 208. ср. <https://lex.uz/docs/659647?ONDATE2=04.06.2012&action=compare>; Указ Президента Республики Узбекистан "О создании Государственного института искусств и культуры Узбекистана" УП-1771. 04.06.2012. СР. <http://www.lex.uz/docs/2018209>. 03.12.2018.
 38. Турсунов Т. Годы и дороги // Театр. – 2003. – №6. – С. 5–6.
 39. Убайдуллаев А. Искусство кинотелерадио // Театр. – 2003. – № 6. – С. 16–17.
 40. Икромов Х. Наше намерение – подготовить конкурентоспособного специалиста // Театр. – 2003. – № 6. – С. 12.
 41. Икромов Х. Ниятимиз конкурентоспособный специалист по подготовке // Театр. – 2003. – № 6. – С. 11.
 42. Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан "О переименовании Ташкентского государственного художественного института имени Маннона Уйгура" № 157. 26.07.2007. ср. <http://www.lex.uz/docs/1549593>.
 43. Указ Президента Республики Узбекистан "О мерах по созданию Нукусского филиала Государственного института искусств Узбекистана" УП-845. 28.04.2008. СР. <https://lex.uz/docs/1348649>.
 44. Указ Президента Республики Узбекистан "О создании Государственного института искусств и культуры Узбекистана" УП-1771. 04.06.2012. СР. <http://www.lex.uz/docs/2018209>. 03.12.2018.
 45. Шодиев Х.Х., Холикулова Г.Е. Работа, проводимая в Узбекском государственном художественном институте по повышению качества подготовки кадров и развитию отрасли // Сборник материалов Республиканской научно-практической конференции "Проблемы и решения по созданию образа современного героя в культуре и искусстве Узбекистана". – Ташкент: УГХИ, 2012. – С. 6.
 46. Об институте. Смотрите: <http://dsmi.uz/institut-haqida>.
 47. Постановление Президента Республики Узбекистан «О создании Государственного института искусств и культуры Узбекистана» ПП - 1771 количество. 04.06.2012. Смотрите: <http://www.lex.uz/docs/2018209>. 03.12.2018.
 48. НАРУз. Фонд М-7. Список 1, дело 648, лист 6.
 49. Указ Президента Республики Узбекистан "О совершенствовании деятельности учебных заведений музыкального образования, культуры и искусства в Республике" № УП-1692. 31.12.1996. ср. <https://lex.uz/uz/docs/178763>.
 50. НАРУз. Фонд М-7. Список 1, работа 614, лист 27.
 51. НАРУз. Фонд М-7. Список 1, работа 2, лист 149.
 52. Указ Президента Республики Узбекистан о двадцать третьей годовщине независимости Республики Узбекистан о награждении группы работников науки, образования, здравоохранения, литературы, культуры, искусства, духовности и просвещения, средств массовой информации и социальной сферы. УП-4647 от 22.08.2014 <https://lex.uz/uz/docs/2467205?> (12.05.2019.)

© Чориева Д. А., 2024

УДК 355:37(78.21.15) EDN BHFGCU

ПРОЯВЛЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

М. Л. Саипова

*Доцент, доктор философии психологических наук
(PhD)*

Н. А. Ахмаджонова

*соискатель,
Университет Общественной безопасности,
г. Ташкент, Узбекистан*

MANIFESTATION OF PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF MILITARY PERSONNEL

M. L. Saipova

*Doctor of Philosophy of Psychological Sciences
(PhD)*

N. A. Akhmadzhonova

*applicant,
University of Public Security,
Tashkent, Uzbekistan*

Abstract. In this article, 100 cadets from the military Institute of Communication Technologies were studied according to the method of M. V. Chumakov the study of volitional personality traits, and mathematical and statistical analysis was used to calculate the results obtained (Student's t-criterion).

Keywords: volitional features; cadets; emotional-volitional stability; extreme and difficult situations.

Введение

Современный военный конфликт представляет собой чрезвычайно сложную и многогранную социально-политическую ситуацию, связанную с изменением отношений между странами, переходом к применению вооруженного насилия для достижения политических, экономических и иных целей. Вместе с тем военный конфликт является всесторонним испытанием не только материально-технических возможностей страны, но и духовной мощи народа и особенно личного состава. Ход военного конфликта и его окончание во многом будут зависеть от морально-психологического фактора военнослужащих [1].

Методы и материалы

Методы исследования. Методика М. В. Чумакова «Изучение волевых особенностей личности», математико-статистический анализ для расчета полученных результатов (t-критерий Стьюдента) [2].

Цель исследование проблемы психологических аспектов динамики эмоционально-волевых особенностей личного состава вооруженных сил в экстремальных и сложных ситуациях. Задачи исследования, определение факторов и специфики волевых особенностей военнослужащих в экстремальных и сложных ситуациях.

Объектом исследования являются 100 курсантов Военного Института коммуникационных технологий.

Предметом исследования являются динамики волевых особенностей будущих

офицеров в экстремальных и сложных ситуациях. Анализ степени изученности волевых особенностей в отечественной и зарубежной психологии.

Результаты и обсуждение

Курсанты военных институтов представляют собой особый совокупный субъект социальных отношений. В таблице 1

представлен сравнительный анализ волевых качеств, проведённый по методике Чумакова. Исследования проводились с определенным усложнением, в частности, замеры производились после стрельбы и спуска с высоты, а также прохождения «Психологической полосы» [3].

Таблица 1

Сравнительный анализ волевых качеств курсантов по методике В. М. Чумакова (N =100)

Примечание: ** со статистически значимыми изменениями.

№	Показатели	Военнослужащие	t-критерий
1	Ответственность	4 %	0,01047**
2	Инициативность	2 %	0,02187**
3	Решительность	0 %	0,04814**
4	Самостоятельность	2 %	0,02726**
5	Выдержка	8 %	0,01627**
6	Настойчивость	52 %	0,00875**
7	Энергичность	30 %	0,00598**
8	Внимательность	0 %	0,08590**
9	Целеустремленность	2 %	0,00662**

Проблема эмоционально-волевой устойчивости является одной из наиболее сложных и актуальных в современной науке. Психологи большое внимание уделяют вопросу влияния эмоционально-волевых факторов на успешность деятельности человека в различных условиях, особенно экстремальных. Умение человека регулировать психическое состояние в ситуациях сильного эмоционального напряжения, проявляя свои лучшие волевые качества, имеет огромную педагогическую и психологическую значимость для регулирования всей его деятельности и поведения [4].

Заключение

В системе психологической подготовки подразделений коррекция волевых особенностей может осуществляться посредством психологической подготовки и с помощью мероприятий психофизиологической реабилитации.

Таким образом, при формировании и дальнейшем развитии волевой устойчивости курсантов одной из основных задач профессорско-преподавательского состава высших военных учебных заведений и командиров будет являться развитие умений курсантов в поддержании и восстановлении своих положительных психических состояний в экстремальных ситуациях, а также формирование способностей курсантов переводить непроизвольные

эмоциональные реакции в экстремальных ситуациях в сознательные и контролируемые, используя приемы самоуправления

Практическая значимость результатов исследования позволяют правильно ориентировать эмоционально-волевые особенности при диагностике военнослужащих, достижениях ими успешного выполнения служебных обязанностей в боевых, экстремальных, сложных ситуациях. Командирам, помогать своим подчиненным, распределять задачи в соответствии с их возможностями и способностями. На основе этих исследований у военных психологов появляется возможность проводить адекватно психокоррекцию.

Научная значимость результатов исследования заключается в том, что оно обогащает военную и социальную психологию новыми научными данными. Обнаруженные закономерности, психологические механизмы, вносящие свой вклад в военную и социальную психологию, служат для создания новых научных исследований в этой области.

Ограничения и будущие исследования. Эмпирическое исследование по методике В. М. Чумакова проведено в усложненных условиях, приближенных к боевым, рекомендуется дополнительно

проводить метод наблюдения и опрос по реальному самочувствию.

Поэтому во второй части исследования (будет опубликовано в дальнейшем) выполнено сопоставление полученных результатов по определению влияния на эмоциональные особенности военнослужащих, с использованием методики Басса-Дарки изучение агрессивности.

Благодарность и финансирование. Исследование выполнено в рамках психологического анализа волевых особенностей военнослужащих.

Библиографический список

1. Смирнов Б. А., Долгополова Е. В. Психология деятельности в экстремальных ситуациях. Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2007. – с. 292.
2. Ильин Е. П. Психология воли. – СПб.: Питер, 2009. – 233 с.
3. Чумаков М. В. Эмоционально-волевая регуляция деятельности. Курган. Изд-во Курганский гос. ун-та. 2007. – С. 54–55.
4. Чумаков М. В. Развитие эмоционально-волевой сферы личности. Курган: Изд-во Курганский гос. ун-та, 2012. – 189 с.

© Саипова М. Л., Ахмаджонова Н. А.,
2024

УДК 331.1 EDN VMLFKK

ОЦЕНКА СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ПЕРСОНАЛА ПРЕДПРИЯТИЯ

Е. В. Терелецкова
А. Г. Лапина

*Кандидат социологических наук, доцент,
студентка,
Уфимский университет науки и технологий,
г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия*

ASSESSMENT OF SOCIAL DEVELOPMENT OF ENTERPRISE PERSONNEL

E. V. Tereletska

A. G. Lapina

*Candidate of sociological sciences,
assistant professor,
student,
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia*

Abstract. This article discusses the need for an organization to assess the level of social development of staff. The approaches to the assessment of the social development of the personnel of a construction company are analyzed. As part of the analysis, a system of indicators is proposed for four groups: labor activity, ergonomics of the workplace, remuneration, and working atmosphere.

Keywords: personnel; social development; assessment of social development of personnel; labor activity; remuneration; staff turnover.

Оценка эффективности системы управления персоналом является одной из ключевых задач высшего руководящего звена компании. Именно от системы управления персоналом зависит то, насколько слаженную и продуктивную работу ведут сотрудники [2, с. 190]. В состав комплексной оценки системы управления персоналом входит и оценка социального развития персонала организации. «Данному аспекту уделяется все большее внимание. Работодатели, специалисты по работе с персоналом начинают понимать взаимосвязь между социально благополучным персоналом и их трудовой эффективностью» [1, с. 344].

Выполним оценку социального развития персонала ООО «Строймонтаж» при помощи метода экспертных оценок по пя-

тибалльной шкале (где 1 балл – самая минимальная оценка фактора, 5 баллов – наилучшее значение фактора). Экспертами выступили руководители данного предприятия: заместитель директора по коммерции (№ 1), заместитель директора по строительству (№ 2), главный бухгалтер (№ 3), главный инженер (№ 4), инспектор по кадрам (№ 5). Оценка выполнена по четырем группам:

- первая группа – трудовая активность;
- вторая группа – эргономика рабочего пространства;
- третья группа – оплата труда;
- четвертая группа – рабочая атмосфера [1].

Полученные данные оценки по первой группе – «трудовая активность», представлены в таблице 1.

Таблица 1
Оценка социального развития персонала по группе «трудовая активность», баллы

Наименование показателя	Номер эксперта					Средняя оценка
	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4	№ 5	
Квалифицированность кадров	3	4	3	2	4	3,2
Образовательный уровень	3	3	3	3	3	3,0
Частота обучений	2	1	1	1	2	1,4
Стабильность кадров	3	2	2	2	2	2,2
Итого	11	10	9	7	11	9,8

Оценка социального развития персонала по группе «трудовая активность» составила 9,8 баллов из 20 максимально возможных. Наибольшую оценку получил показатель квалификации кадров – 3,2 балла, это говорит о том, что уровень квалификации персонала не ниже требований к выполняемым работам, оказываемым услугам.

Оценка уровня образования составила 3,0 балла из 5 максимально возможных, так как в целом уровень образования руководителей соответствует требованиям – руководители имеют высшее образование, у специалистов – среднее специальное, а

рабочие имеют как среднее специальное, так и среднее образование.

Оценка стабильности кадров составила 2,2 балла, так как за 2020–2022 гг. произошло увеличение текучести кадров и коэффициент постоянства персонала снизился и составил 45 %.

Наименьшую оценку получил показатель частота обучения, то есть программа обучения и развития персонала предприятия не планируется, в основном обучение проводится руководителей и специалистов.

Оценка социального развития по второй группе – «эргономика рабочего пространства» представлена в таблице 2.

Таблица 2
Оценка социального развития персонала по группе «эргономика рабочего пространства», баллы

Наименование показателя	Номер эксперта					Средняя оценка
	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4	№ 5	
Соответствие рабочих мест нормативным требованиям	4	5	4	5	5	4,6
Обеспеченность сотрудников санитарно-бытовыми условиями	4	4	3	4	5	4,0
Итого	8	9	7	9	10	8,6

По группе «эргономика рабочего пространства» было получено 8,6 баллов из 10 максимально возможных. Наибольшую

оценку получил показатель соответствие рабочих мест нормативным требованиям, значение составило 4,6 балла, то есть

практически все рабочие места соответствуют предъявляемым требованиям. Оценка обеспеченности сотрудников санитарно-бытовыми условиями составила 4 балла, то есть обеспеченность санитарно-гигиеническими условиями соблюдается

на 80 %, в основном это у рабочих, которые оказывают строительные услуги.

В таблице 3 представлена оценка социального развития персонала по третьей группе – «оплата труда».

Таблица 3

Оценка социального развития персонала по группе «оплата труда», баллы

Наименование показателя	Номер эксперта					Средняя оценка
	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4	№ 5	
«Соотношение среднемесячной заработной платы в организации и в регионе» [1]	5	5	4	5	4	4,6
«Соотношение средней заработной платы руководителя к низкооплачиваемой категории работников» [4]	4	4	4	3	4	3,8
Итого	9	9	8	8	8	8,4

Социальное развитие персонала предприятия по группе «оплата труда» было оценено в 8,4 балла из 10 максимально возможных. Наибольшую оценку получил показатель соотношение среднемесячной заработной платы в организации и в регионе 4,6 баллов, так как в целом по г. Уфе в 2022 г. средняя заработная плата составляет 52 700 руб., тогда как в ООО «Строймонтаж» средняя заработная плата составляла 53 750 руб. Важно отметить,

что соотношение средней заработной платы руководителя к низкооплачиваемой категории работников получило оценку 3,8 баллов, то есть существует разрыв между заработной платой руководителей и низкооплачиваемой категории работников предприятия.

Представим оценку социального развития персонала ООО «Строймонтаж» по группе «рабочая атмосфера» (таблица 4).

Таблица 4

Оценка социального развития персонала по группе «рабочая атмосфера», баллы

Наименование показателя	Номер эксперта					Средняя оценка
	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4	№ 5	
Уровень трудовой дисциплины	5	4	5	4	5	4,6
Уровень вовлеченности	4	3	3	4	3	3,4
Итого	9	7	8	8	8	8,0

Группа «рабочая атмосфера» предприятия была оценена в 8 баллов из 10 максимально возможных. Уровень трудовой дисциплины получил оценку 4,6 баллов, то есть нарушения на предприятии сведены к минимуму (в основном, несколько опозданий на рабочее место). Уровень вовлеченности получил оценку 3,4 балла, то есть персонал предприятия на 68 % удовлетворен рабочей атмосферой.

Общая оценка социального развития персонала ООО «Строймонтаж» представлена в таблице 4. Таким образом, общая оценка социального развития персонала ООО «Строймонтаж» составила 34,8 баллов из 50 максимально возможных баллов, то есть система социального развития предприятия соответствует идеальной на 69,6 %.

Таблица 4

Общая оценка социального развития ООО «Строймонтаж», баллы

Наименование показателя	Номер эксперта					Средняя оценка
	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4	№ 5	
Группа 1. Трудовая активность	11	10	9	7	11	9,8
Группа 2. Эргономика рабочего пространства	8	9	7	9	10	8,6
Группа 3. Оплата труда	9	9	8	8	8	8,4
Группа 4. Рабочая атмосфера	9	7	8	8	8	8,0
Итого	37	35	32	32	37	34,8

Графически общая оценка социального развития ООО «Строймонтаж» по группам представлена на рисунке 1.

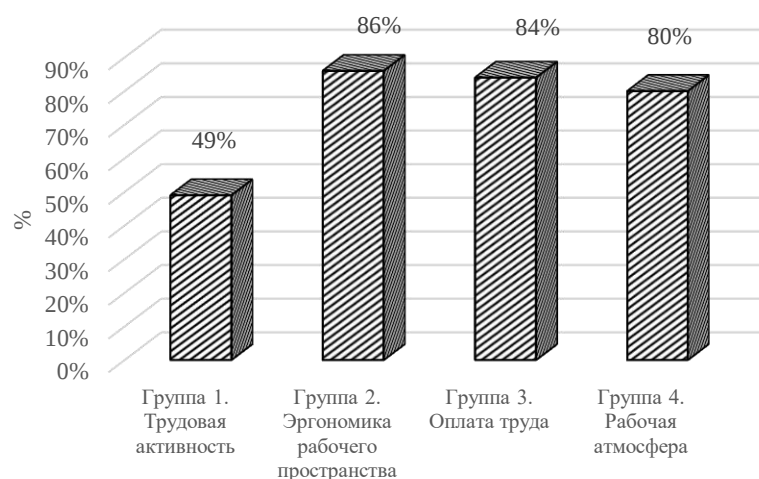

Рис. 1. Общая оценка социального развития ООО «Строймонтаж»

Как видно из рисунка 1 наиболее соответствуют уровню социального развития группы – «эргономика рабочего пространства», «оплата труда» и «рабочая атмосфера» [1]. Наименьшую оценку получила группа «трудовая активность». Таким образом, необходимо проводить мероприятия по повышению уровня квалификации сотрудников, формирования программы обучения сотрудников, снижение текучести кадров и повышение постоянства персонала.

Библиографический список

1. Зарипова Н. Ш., Шестакова О. А., Хабарова Ю. А. Оценка социального развития персонала организации // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2019. – Том 9. – № 4А. – С. 343–349.
2. Терелецкова Е. В. Оценка эффективности системы управления персоналом в организации / Е. В. Терелецкова, Э. Т. Яхина // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2021. – № 4-2(74). – С. 190–193. – DOI 10.24412/2411-0450-2021-4-2-190-193.
3. Терелецкова Е. В. Теория управления: учебное пособие / Е. В. Терелецкова, О. Н. Юлдашева. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2012. – 262 с.

© Терелецкова Е. В., Латина А. Г., 2024

УДК 316 EDN VSBSQV

**ГЕНДЕРНОЕ НЕРАВЕНСТВО В СЕМЕЙНО-БРАЧНОЙ СФЕРЕ,
А ТАКЖЕ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ И ЗАНЯТОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ****А. У. Чекирова**

*Магистрант,
ORCID 0009-0004-3338-9857,
e-mail: altyn.chekirova7@mail.ru,
Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Приморский край, Россия*

**GENDER INEQUALITY IN THE FAMILY AND MARRIAGE SPHERE
AS WELL AS IN THE SPHERE OF EDUCATION AND EMPLOYMENT
IN REPUBLIC OF KOREA****A. U. Chekirova**

*Master's student,
Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Primorsky Krai, Russia*

Abstract. The article examines the development of gender relations and gender rights in different spheres of life in modern South Korea. Much attention is paid to relations between men and women and manifestation of gender inequality in such life spheres as the family and marriage sphere and the sphere of education and employment. Unequal position of men and women in various fields of activity is represented. Statistics and reports are given from different sources of information. New emerging trends based on gender issues in South Korea are represented. Definitions of mentioned trends are given in the article.

Keywords: gender; inequality; marriage; male; female.

В современном мире последние несколько десятилетий характеризуются повышенным интересом к проблеме гендерного неравенства. Различные общественные и политические организации уделяют огромное внимание вопросам выхода мужчин и женщин за рамки традиционных гендерных ролей. В настоящее время и в Республики Корея, которая исторически является патриархальной страной, выявляются новые грани взаимоотношений между полами. Однако изменения гендерных ролей на современный лад не проходили и не проходят мирно, т. к. в Республике Корея все еще существуют значительные социокультурные барьеры и стереотипы, которые мешают полной реализации равноправия мужчин и женщин. Гендерные конфликты оказывают многофакторное влияние на общественные и институциональные структуры РК. Проявления гендерного неравенства в Южной Корее наблюдается как в трудовой, эконо-

мической деятельности, так и в семейных отношениях.

Целью данного исследования является определить факторы гендерного неравенства в южнокорейском обществе, влияющие на трансформацию гендерных отношений, а также ролей и ценностей современных южнокорейцев. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: рассмотреть изменения гендерных отношений в Республике Корея; определить структуру гендерных отношений и особенности гендерных стереотипов в современном южнокорейском обществе; изучить проблему гендерного неравенства в Республике Корея.

В традиционной системе ценностей южных корейцев важное значение придавалось распределению ролей каждого члена семьи: женщина считалась хранительницей очага, матерью, женой, которая всегда прислушивалась к мужу и основной её целью в традиционном обществе

было воспитание детей в то время, как мужчина являлся главой семьи, добытчиком и слово его было законом. В современном южнокорейском обществе нормы и ценности корейцев претерпели изменения и, как следствие, формат традиционной семьи также не избежал трансформации. В последние годы южнокорейские девушки в основном ставят перед собой цель в достижении самореализации и стремлении быть независимыми.

В средневековье южнокорейским девушкам не было доступно образование, целью всей их жизни был брак, а самостоятельно выбрать супруга они не имели права. Достойная пара подбиралась родителями и другими родственниками. Мнение жениха и невесты не учитывалось. Однако с постепенным улучшением положения женщины в обществе у корейки появилась возможность зарабатывать деньги самостоятельно, они могут перестать думать о скорейшем браке, материальном состоянии супруга и могут изучить его человеческие качества. Сам брак для девушки становился лишь контрактом, в котором каждый имеет свои права и обязанности. Если муж не мог обеспечить свою семью, он тем самым нарушал контракт, поэтому и отношение жены к нему было соответствующее.

Так, только треть современных южнокорейских женщин считает данный институт важным, в то время как более половины южнокорейских мужчин положительно относятся к браку. По результатам исследования Корейского института здравоохранения и социальных дел, более 56 % респондентов-мужчин положительно относятся к перспективе вступления в брак и чуть более 35 % женщин разделяют это мнение [5].

В Южной Корее зародился новый термин, который применяется для обозначения поколения южнокорейской молодёжи, которое отказывается от свиданий, брака и рождения детей – «Поколение сампо» (삼포세대). «Сампо» дословно означает

«отказ от трех вещей». По словам С. Майбин, многие отказываются от брака и рождения по причине экономических и социальных проблем из-за высоких расходов на жизнь, дорогой стоимости жилья и т. д. [7]. Южнокорейские женщины, как и мужчины, хотят быть состоятельными и финансово независимыми, а семья и брак становятся помехой в достижении поставленных целей. Даже при выборе будущего мужа, женщины больше обращают внимание на финансовый аспект. По данным компании Duo, занимающейся информацией о браке, в 2011 г. 34 % из 1446 женщин-респондентов назвали экономическую власть (22,74 %) и профессию (11,41 %) главными соображениями при выборе супруга. Личность была главным критерием для 30 % респондентов, а внешний вид – для 9 % респондентов. Что касается мужчин, то 31 % респондентов назвали личность приоритетом, а 22,27 % респондентов – внешний вид [17]. Таким образом, современные корейки все больше переходят к индивидуализму, стремятся быть независимыми от мужчин и создать безопасное будущее. Они не хотят рано выходить замуж и, тем более, заводить детей. Первостепенной целью у корейцев считается стабильный доход, самостоятельность и счастливая жизнь, направленная в сторону саморазвития. Говоря о гендерных правах в семье и браке, следует упомянуть, что, несмотря на огромный прорыв в правах женщин в сфере семьи и брака, неравенство в семье все же существует.

Матери с маленькими детьми тратят почти в пять раз больше времени на заботу о своей семье и доме, чем отцы, что указывает на большое неравенство в семейных обязанностях родителей. Когда женщины решают завести детей, они на определенное время уходят с рынка труда и возвращаются спустя годы, когда воспитание детей требует меньше усилий и участия. Но вернувшись на рынок труда у женщины отсутствует гарантия того, что

она будет иметь те же условия, что и раньше. В своей работе «Женщины и воспитание детей в Южной Корее» Янаэль Жаффрезик утверждает, что женщины, как правило, работают на себя или на свои семьи с более низкой заработной платой и преимуществами. Вот почему многие из них ждут, когда им исполнится 30 лет, чтобы уйти с рынка и обрести свою семью несмотря на то, что в возрасте 20 лет они имеют более высокий уровень участия в рабочей силе, чем мужчины [11].

Традиционная структура семьи продолжала существовать вплоть до 90-х гг. XX в. пока не произошло обрушение представления гендерных ролей в семье в результате экономического кризиса в 1997 г. В то время многие мужчины оказались безработными или же их заработок заметно снизился. Мужчина перестал выполнять свою часть «брачных обязательств», поэтому смысла в замужестве «прагматичная» корейская женщина больше не видела [4]. Доказательством является резкое увеличение в 1998 г. числа разводов и их инициаторами, в большинстве случаев, оказались женщины, аргументируя развод тем, что муж не в состоянии обеспечить семью. Теперь женщины более тщательно подходили к выбору мужа, но любовь, как и в прежние времена, занимала отнюдь не первое место. Женщина искала не только человека для совместной жизни, но и, в первую очередь, кормильца семьи. Поэтому особое внимание уделялось «здоровью» мужчины, его благосостоянию, а не чувствам. Это самое важное решение в жизни корейки, а ошибка может сулить ей неблагоприятные последствия в будущем. И такие факторы, как развод по инициативе девушки или тщательный выбор будущего мужа, говорят о том, что женщина все больше стала иметь больше прав и свобод, чем в традиционный период развития Кореи, и наконец гендерное неравенство все дальше уходило вглубь вместе с традиционной корейской мыслью.

На данный момент южнокорейская женщина имеет равные с мужчиной права и свободы в семье. Супруги могут поровну делить обязанности по дому, такие как уборка и готовка, имеют общий бюджет, не забывая при этом про личный, который предназначен для собственных расходов. Семейные пары придают большое значение защите личных границ и не желают поступаться даже малейшей частью своих прав и свобод. Положительным моментом в данной структуре семьи является то, что мы можем видеть больше равенства в браке, однако пары становятся менее понимающими и более настаивающими на своем, из-за чего все чаще предпочитают подавать на развод.

По данным информационного агентства «UCA NEWS» от 1 мая 2023 г., «различия в характере» и семейные ссоры, возникающие из-за высокой стоимости жизни и неспособности партнера соблюдать домашние обязательства, являются одними из главных причин участвовавших разводов в Южной Корее [14].

Социологи и юристы, специализирующиеся на семейных спорах, говорят, что в большинстве случаев возраст пар, подающих на развод, колеблется от 30 до 40 лет, и они ссорятся в первые несколько лет брака. Также «UCA NEWS» утверждает, что из-за потребности разделить бремя поровну между супругами, неспособность другой стороны сделать это рассматривается как провал самого брака. К примеру, «некоторые люди даже обвиняют своих супругов в использовании денег с их совместного банковского счета в личных целях» [2], – рассказывает один из адвокатов по бракоразводным процессам в Корее.

Также нередки были ситуации, когда жены приносили заявления с указанием доли работы по дому с их мужьями, а также разделение обязанностей по воспитанию детей и расходов на проживание. Профессор Сеульского национального университета Су Йичжон отмечает непонимание между супругами, независимо от статуса: «несмотря на равенство и независимость в бра-

ке, между парами возникает непонимание, которое побуждает их расстаться» [4].

Согласно статистике о тенденциях и образовательной вариации в связи с супружеским семейным положением, в 2003 г. уровень разводов в Южной Корее достиг своего пика и составил 3,5 развода на 1000 человек, что, как отмечается, является более высоким показателем, чем в некоторых европейских странах [13, с. 858]. Данная статистика указывает на то, что южнокорейцы стали более открыто относиться к таким вещам, как развод [9].

С течением времени корейцы стали менее консервативно относиться не только к разводам, но и к отсутствию отношений вовсе. За последние годы число одиноких людей, ведущих уединенный образ жизни, выросло в значительной мере. В 2019 г. исследовательский центр по финансам и управлению банка Кукмин (KB금융경영연구소) предоставил отчет о семьях, состоящих из одного человека (1인가구, иль-инкагу). В 2017 г. число подобных семей достигло около 10,9 % общего населения Республики Корея. По статистике за 2022 г., с 2016 по 2021 гг. количество семей, состоящих из одного человека, увеличилось на 5,8 %, в то время, как количество семей, состоящих из 4 человек снизилось на 3,4 % за 6 лет [18]. Несмотря на прежние конфуцианские устои и их влияние на жизнь корейцев, тенденция к уединению с каждым годом усиливается. Для описания одиноко проживающего человека и его стиля жизни, в корейском языке возникло несколько новых терминов, таких как сингльлайпы (싱글라이프 от англ. single life), хонпаб (혼밥 – еда для одного), хонсуль (혼술 – алкоголь для одного) и т. д. Причиной создания такой категории семьи является уже упомянутый выше фактор – нежелание молодого поколения корейцев заводить семью. Все более усиливающееся отстранение корейцев от создания семьи

обуславливается «удобством жить одному». Корейские мужчины и женщины выделили главные достоинства ведения такого стиля, среди которых встречались: «свободная жизнь и свобода в принятии решений» (82,5 % от общего числа ответов среди мужчин и женщин), «возможность использования свободного времени для себя» (73,4 %), «отсутствие бремени семейных обязательств» (13,8 %), «экономическая свобода» (8,2 %), «уменьшение кол-ва работы по дому» (6,6 %). В том же отчете о семьях, состоящих из одного человека за 2019 г., южнокорейцы выделили и некоторые беспокойства жизни в одиночестве: женщины в возрасте от 20 до 50 лет больше всего обращали внимание на экономическую нестабильность, мужчин же в возрасте от 30 до 50 лет больше волновало ощущение чувства одиночества. Также в исследовании упоминается, что женщины волновались о своей безопасности больше, чем мужчины [16].

Отказом от личной жизни является не только удобство жизни в одиночестве и уклонение от семейных обязательств, но и финансовая нестабильность, причина которой заключается в сложности с трудоустройством среди выпускников вузов. Более того, по словам В. Р. Бритовой, выяснилось, что больше одиноких встречается среди молодых мужчин, в то время как количество одиноких женщин увеличивается с возрастом [1, с. 48].

Возвращаясь к теме разводов, стоит упомянуть, что в последние годы количество разводов снизилось, но вместе с тем снизилось и количество брачных союзов. Данная тенденция вызывает некоторые опасения, так как Южная Корея сталкивается с серьезным демографическим спадом по причине низкой рождаемости и старения населения.

В нынешнее время южнокорейские женщины, ранее подчинявшиеся слову своего мужа, стали обретать более равные права в семье. Корейская семья в РК претерпела значительные изменения и в от-

личие от традиционного формата, в котором преобладал патриархальный тип, преобразовалась в семью с демократическим типом, который характеризуется равенством супругов. Женщины с течением времени перестали полагаться на брак с мужчиной, осознав, что нужно полагаться только на себя и свои силы, стали активнее участвовать в экономической и общественной жизни, создавая неслабую конкуренцию мужчинам во многих сферах жизнедеятельности, в том числе и сфере занятости.

Говоря о сфере образования и занятости следует упомянуть, что Южная Корея – это страна с ужесточенной конкуренцией в рабочей и образовательной сферах из-за чего в Корее появилась проблема безработицы молодого поколения. В высоко конкурентном южнокорейском обществе устроиться на работу сразу после окончания вуза довольно сложно, ещё сложнее удержаться на полученной должности. По данным Forbes, «около 36 % экономически активного населения не имеют регулярной занятости, что лишает их ряда социальных льгот и финансовой стабильности» [3].

С раннего детства корейским детям приходится ходить на дополнительные курсы, учиться после школы дополнительно ради получения высоких баллов за экзамен и поступления в один из престижных университетов, обучение в котором даст шанс в дальнейшем устроиться на высокооплачиваемую работу. И взрослое поколение делает все для того, чтобы ученики усердно занимались и не отвлекались.

Так, до сих пор в Южной Корее существуют школы с раздельным обучением. Некоторые родители, считая, что, обучаясь школах с данным форматом, их ребенок будет отвлекаться меньше, потому предпочитают отдать ребенка в раздельную школу. Такое гендерно-разделенное образование в корейском обществе распространяется вплоть до колледжа. В одном только Сеуле существует 9 женских колледжей. Причина, по которой мужских

колледжей не существовало, вероятно, заключается в том, что в обществе доминировали мужчины, а военные академии также играли роль мужских колледжей. Сегодня военная служба и военные академии открыты для женщин, а женские колледжи по-прежнему закрыты для мужчин. Это также является неблагоприятным фактором для студентов мужского пола, т. к. женщины чаще поступают в колледж, что является причиной небольшого разрыва в образовании.

Посещая школу с разделенной формой обучения мужчине нелегко сформировать здоровые отношения будучи в период взросления только в мужской среде. Женщине, проводившей время только в кругу женщин, также сложнее найти общий язык с мужчиной. Вероятно, это происходит из-за того, что люди имеют мало опыта в общении и не знают, как относиться к противоположному полу [19]. В отличие от раздельной формы обучения, совместное обучение не только предотвращает формирование неправильного представления о противоположном поле, но и помогает снизить индекс социальной конфликтности между полами.

Уже со школьной скамьи подростки сталкиваются с гендерной дискриминацией. По результатам опроса, проводимого в 2021 г. среди школьников 19–24 лет 77 % женщин заявили, что «корейское общество более неравноправно по отношению к женщинам», а 54,1 % мужчин сказали, что «более неравноправно по отношению к мужчинам» [15]. С дискриминацией сталкиваются даже подростки в возрасте 14–18 лет, замечая неравноправие также со стороны родителей и учителей. По рассказам опрошенной 14-летней школьницы И Соуль, ее бабушка наказывает ей не вести себя как мальчик и не носить часто брюки, а почаще ходить в юбке, 18-летний школьник Ким Мёнчжун отметил, что учитель разговаривает с девочками более вежливо и дружелюбно, и при обращении к мальчикам, по его ощущениям, чувствуется давление со стороны учителя [15].

Одновременно с этим несколько опрошенных рассказали об отсутствии разделов для мальчиков, несправедливости в том, что девочки носят только что-то легкое, в отличие от мальчиков, и также они упомянули об отсутствии гендерного образования. «Эффекта [от гендерного образования] никакого нет. Учителя особо не учат, а просто говорят нам немного подумать», – рассказали школьницы Чон Ёнсу и Ким Соён, 17 лет. А на вопрос о том, откуда они узнали о гендерном конфликте, большинство подростков ответило: «Из Интернета» [15].

Таким образом, неравноправное отношение не только со стороны сверстников противоположного пола, но также со стороны более взрослого поколения нередко встречается уже в школьное время. Данное явление сопровождается гендерными спорами среди школьников, а далее среди студентов о том, кто больше сталкивается с дискриминацией – мужчины или женщины. К сожалению, неравенство полов является актуальной проблемой не только в сфере образования, но и в других различных сферах жизнедеятельности, например, в сфере труда.

Дискриминация в рабочей сфере – одна из самых обсуждаемых и упоминаемых в Южной Корее проблем. Несмотря на развитую инфраструктуру и уровень жизни в Южной Корее, проблемой остаётся положение женщин на рынке труда. По статистике за 2022 г., Республика Корея до сих пор занимает первое место по гендерному разрыву в оплате труда среди стран OECD [10]. Приоритет в найме работников-мужчин, неравная зарплата – проблемы, которые все еще являющиеся актуальными, хотя разрыв в образовании в стране практически ликвидирован. Занимаясь той же деятельностью, что и мужчины, женщины имеют меньший доход. Корейское государство применило серьёзные попытки наладить проблему путем государственных программ по привлечению большего числа женщин на рынок

труда. В ноябре 2017 г. Министерство гендерного равенства обнародовало пятилетний план по расширению представительства женщин в министерствах, государственных предприятиях и государственных школах.

Так или иначе, данная помощь от государства получила негатив со стороны мужского пола. Мужчины сочли этот добрый жест и помощь с трудоустройством за дискриминацию. В феврале 2018 г. было предложено распространить план на частный сектор, чтобы стимулировать крупные конгломераты нанимать больше женщин и изменить корпоративную культуру, ориентированную на мужчин. Некоторые мужчины в данной ситуации подмечают, что эти меры дают женщинам несправедливое преимущество. «Я беспокоюсь, не окажусь ли я в невыгодном положении при поиске работы», – произнес респондент Ким. «...так как раньше это была должность, которую я мог бы легко получить по заслугам, но из-за гендерной квоты (если я не получу должность) это будет несправедливо» [12].

Помимо прочего, до пятилетней программы уже присутствовали документы, нацеленные на достижение равенства между женщинами и мужчинами. К таким документам относятся: рамочный закон «О развитии женщин» (1995 г.); закон «О запрещении и средствах правовой защиты от дискриминации по признаку пола» (1999 г., однако, был отменен в 2005 г.), а также рамочный закон «О гендерном равенстве» – полный пересмотр рамочного закона «О развитии женщин» (2014 г.). Затрагивая политическую сферу, стоит упомянуть первую-женщину президента, избранную в 2012 г. – Пак Кынхе. Её появление на посту президента расценивалось некоторыми как достижение гендерного равенства. Однако 4 года спустя в результате импичмента возникло мнение о том, что женщины не подходят для управления государством. В сторону Пак Кынхе доносились такие негативные высказывания,

как «Вы стали для нас объектом позора» или «Вот, что выходит, когда на посту президента стоит женщина» [8].

В ходе предвыборной кампании от Пак Кынхе активно доносились феминистские заявления. Можно было услышать лозунги «Построим мир, в котором женщинам будет удобно рожать и воспитывать детей» и «Построим мир, признающий способности женщин». Главный лозунг – «подготовленная женщина-президент» – должен был подчеркнуть прогрессивность выбора каждого, кто отдаст за нее голос.

Однако через несколько лет после того, как Пак Кынхе была избрана главой государства, за время ее президентства не было достигнуто больших успехов в развитии экономических и политических прав женщин. В некоторых отношениях ситуация даже ухудшилась: увеличилось число разводов, снизились рождаемость и экономическая занятость женщин с малолетними детьми, участились случаи насилия в отношении женщин. Наиболее прогрессивные южнокорейские феминистки отказывались даже воспринимать президента Республики Корея Пак Кынхе как женщину, так как не видели в ее политике почти ничего, что совпадало бы с их интересами. Н. Ким в своей статье «От новой деревни к женщине-президенту...» рассказывает, что «после ухода Пак Кынхе с поста президента отношение социума к женщинам-президентам ухудшилось» [6].

Благодаря достаточно успешной демократизации политической системы Южной Кореи и постепенный уход от традиционных конфуцианских ценностей под влиянием глобализации гендерный фактор постепенно уходит на второе место при выборе того или иного кандидата, равно как и при его выдвижении от партии. Первостепенным становится профессиональный опыт, морально-этический образ, политический вес кандидата в партии, его идеи. При этом все еще существует недоверие корейского общества в управлении страной женщиной. Корейцы, несмотря на их постепенные изменения взглядов на

работу женщин-политиков, все еще предпочитают видеть мужчину в позиции главы государства [6].

Упомянутые выше программы по увеличению шансов для получения престижной работы женщинам являются серьезным шагом к равноправию. Однако мужчины считают, что создание специально отведенных рабочих мест для женщин является несправедливым по отношению к мужской половине населения. В качестве еще одного примера респондент Пак указывает на женские университеты. В Южной Корее существует более дюжины университетов только для женщин и нет мужских эквивалентов. Некоторые из этих школ предлагают курсы по востребованным профессиям, таким как юриспруденция или фармацевтика, и, поскольку в стране ограничено количество студентов-юристов, чем больше мест для женщин, тем меньше для мужчин. Это означает, что в современном мире женщины стали конкурентами мужчин. В своем отчете, опубликованном в 2018 г., исследователь Ма Кёнхи сказала, что Южная Корея переживает период «бесконечной конкуренции, когда невозможно найти стабильную работу». По словам Ма, «для мужчин в возрасте 20 лет женщины воспринимаются как «соперницы, которых нужно победить»» [12].

Таким образом, можно отметить, что гендерные конфликты в Республике Корея продолжаются и, несмотря на большой прорыв в уравнивании прав женщин и мужчин, гендерное неравенство все еще является актуальной социальной проблемой в этой стране. Ссоры между полами происходят по многим причинам и на данный момент сложно говорить о скором решении данной проблемы. Сами южнокорейцы считают, что борьба полов будет и дальше ухудшаться. Так, Южной Корее нужно время для того, чтобы осознать серьезность проблемы гендерной дискриминации и найти пути ее решения.

Библиографический список

1. Бритова В. Р. Проблема социального одиночества в современном обществе (на примере Южной Кореи) // Евразийство и мир. – 2021. – № 1. – С. 45–49.
2. В Корее выяснили основные причины разводов среди молодежи // Красная весна. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/6ab8ef16> (дата обращения 27.12.2023).
3. Извиниться за стрижку: почему олимпийские рекорды лучницы из Южной Кореи подняли волну хейта // Forbes Woman. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/437077-izvinit'sya-za-strizhku-pochemu-olimpiyskie-rekordy-luchnicy-iz-yuzhnoy-korei> (дата обращения: 3.01.2024).
4. Ланьков А. Н. Хаотические заметки корейевда // Сеул: Сеульский вестник. URL: <http://lib.ru/EMIGRATION/LANKOV/korea.txt> (дата обращения: 27.12.2023).
5. Мужчины в Южной Корее лучше относятся к браку, чем женщины – опрос // Красная весна. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/164b971b> (дата обращения 24.12.23).
6. От новой деревни к женщине-президенту: как менялось положение женщин в южнокорейской политике // Forbes Woman. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/347729-ot-novoy-derevni-k-zhenshchine-prezidentu-kak-menyalos-polozhenie-zhenshchin-v> (дата обращения: 05.01.2024).
7. Поколение сампо: почему женщины в Южной Корее не хотят детей и отношений // BBS News Русская служба. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-45209116> (дата обращения: 24.12.23).
8. Choe S. Gender Colors Outrage Over Scandal Involving South Korea's President // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2016/11/22/world/asia/south-korea-park-geun-hye-women.html> (дата обращения: 05.01.2024).
9. Divorse in Korea // Facts and Details. URL: https://factsanddetails.com/korea/South_Korea/People_2/entry-7237.html (дата обращения: 29.12.2023).
10. Gender wage gap // OECD.org. URL: <https://data.oecd.org/earnwage/gender-wage-gap.htm> (дата обращения: 24.12.2023).
11. Jaffrezic Y. Women and child-rearing in South Korea // LinkedIn. URL: <https://www.linkedin.com/pulse/women-child-rearing-south-korea-yanaelle-jaffrezic> (дата обращения: 24.12.23).
12. Kwon J. South Korea's young men are fighting against feminism // CNN. URL: <https://edition.cnn.com/2019/09/21/asia/korea-angry-young-men-intl-hnk/index.html> (дата обращения: 05.01.2024).
13. Lee S. Trends and educational variation in the association between spouses' marital histories in South Korea, 1993–2017 / Lee Sangsoo, Park Hyunjoon // Demographic Research. – 2021. – Vol. 45. – № 27. – P. 857–870.
14. Young Koreans divorce over domestic disputes, living costs // UCA news. URL: <https://www.ucanews.com/news/young-koreans-divorce-over-domestic-disputes-living-costs/101164> (дата обращения: 27.12.2023).
15. "남·여가 평등?" 10대가 느끼는 '성차별' 들어보니 // JTBC News. URL: https://www.youtube.com/watch?v=X0Vj_TKUJU&t=70s (дата обращения: 24.12.2023). «Равноправие мужчин и женщин?» Прислушиваясь к словам о «дискриминации по половому признаку», которую испытывают подростки [Видео] // Новости JTBC.
16. 2019 한국1인가구보고서 // KB 금융지주경영연구소. URL: <https://www.kbfg.com/kbresearch/report/reportView.do?reportId=1003809> (дата обращения: 29.12.2023). Отчет о семьях, состоящих из одного человека, в Южной Корее за 2019 г. // Научно-исследовательский институт управления финансовыми холдингами KB.
17. 김다예. New economics of tying the knot |실업보다 더 무서운// The Korea Times. URL: http://koreatimes.co.kr/www/news/biz/2012/02/602_104171.html (дата обращения: 29.12.2023). Ким Дайе. Новая экономика связывания себя узами брака. Страшнее, чем безработица // The Korea Times.
18. 한국 1인가구 새롭게 들여다보기 // KB 금융지주 경영연구소. URL: <https://www.kbfg.com/kbresearch/report/reportView.do?reportId=2000320> (дата обращения: 29.12.2023) Отчет о семьях, состоящих из одного человека, в Южной Корее // Научно-исследовательский институт управления финансовыми холдингами KB.
19. 현병호. 언제까지 남녀 분리 교육체제를 고집하려나 // 민들레. URL: <https://www.mindlenews.com/news/articleView.html?idxno=2873> (дата обращения: 27.12.2023). Хён Бёнхо. Как долго еще собираются настаивать на раздельной системе образования // Миндылле.

© Чекирова А. У., 2024

УДК 327 EDN WVFJWE

ТЕОРИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ И АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ПОДХОД: ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ

Ж. А. Сабурова

*Базовый докторант,
Национальный университет Узбекистана
имени Мирзо Улугбека,
г. Ташкент, Узбекистан*

NATIONAL INTEREST THEORY AND AN ALTERNATIVE APPROACH: ENVIRONMENTAL REALISM

J. A. Saburova

*PhD student,
National University of Uzbekistan
named after Mirzo Ulugbek,
Uzbekistan, Tashkent*

Abstract. This article examines the problem of defining and defending national interests in the context of global environmental challenges. The author analyses the main theoretical approaches to the concept of national interests, such as realism, liberalism and constructivism, and identifies their strengths and weaknesses. Particular attention is paid to the realist tradition, which is considered dominant in the study of international relations. The author criticises the realist conception of national interests based on the principles of power, security and sovereignty and proposes an alternative approach called ecological realism. Environmental realism assumes that national interests should take into account not only political, economic and military factors, but also environmental conditions and consequences of states' actions. The author argues that environmental realism can offer a more adequate and responsible strategy for the behaviour of states in a world where environmental risks and threats are becoming a more serious and imminent. In conclusion, the author summarises and concludes on the prospects for the development of environmental realism as a new approach to the theory and practice of international relations.

Key words: national interests; concept of national interests; realism; liberalism; constructivism; ecological realism.

По мере ускорения процессов глобализации в мире расширяются масштабы угроз глобальному развитию и стабильности. Мы знаем это по политическим, социально-экономическим и экологическим последствиям пандемии COVID-19. Что должны сделать страны, чтобы быть готовыми к таким новым и непредсказуемым вызовам XXI века? Что необходимо сделать, чтобы сохранить перспективы развития государств, здоровье населения и национальную идентичность? Этот вопрос связан с жизненно важными интересами, и в текущий период государствам

необходимо учитывать глобальные риски при формировании своих национальных интересов, искать ответы на вопросы о том, какие новые действенные механизмы защиты национальных интересов необходимо создать.

«Расширение научных исследований в области национальных интересов началось с началом холодной войны. По мнению Дж. Розенау, американского эксперта по международным отношениям, профессора Вашингтонского университета, «старания аналитиков по оценке внешней политики, приведшей ко Второй мировой

войне, побудили к изучению национальных интересов. В то время важную роль в этих исследованиях играли реалисты, обратившие внимание на другой аспект национальных интересов» [9, с. 75].

Национальные интересы – это объективно важные цели и задачи национального государства. Эта концепция используется как в политическом анализе, так и в политических действиях. В качестве аналитического инструмента он используется для описания, объяснения или оценки источников внешней политики страны или ее адекватности. Будучи инструментом политических действий, он служит инструментом оправдания, осуждения или предложения политики [9, с. 75]. Другими словами, в обоих случаях речь идет о том, что лучше для национального общества (государства).

Национальный интерес является не только важным понятием в международных отношениях, но и основным приоритетом внешней политики, поскольку он материализуется на основе внешней политики. «Национальные интересы имеют глубокую историю как инструмент действия, а не как инструмент анализа. Американский историк, профессор Ч. Берд утверждает, что политические акторы провозглашали национальные интересы еще в XVI веке в Италии и в XVII веке в Англии. В то время претензии, предъявляемые к «княжеской воли», «династическим интересам», «государственному смыслу» (по-итальянски «*raison d'état*») и другим старым понятиям, представляли собой формирование новой формы политической организации, что привело к началу потери их эффективности в дискурсе национального государства. Таким образом, старые термины постепенно заменялись новыми, отражающими лояльность. К ним относятся такие понятия, как «национальные интересы», «национальная честь», «общественные интересы», «общая воля». Ч. Берд также отмечает, что термин «национальный интерес» ши-

роко использовался американскими государственными деятелями с момента принятия Конституции [6].

Теория национальных интересов означает концептуальную основу или набор принципов, направленных на объяснение и направление пути страны к достижению ее целей и приоритетов. Она обеспечивает систематический способ понимания того, как определяются, формируются и реализуются интересы страны. Ниже мы рассмотрим взгляды некоторых научных школ на проблему национальные интересы.

Реализм. Одной из известных теорий национальных интересов является реалистическая точка зрения, согласно которой государства действуют прежде всего в своих собственных интересах и стремятся максимизировать свою мощь и безопасность. Реализм подчеркивает, что национальные интересы направлены на сохранение суверенитета, обеспечение выживания и получение относительной власти в международной системе. Эта теория воспринимает международную арену как конкурентную и анархическую среду, в которой государства действуют рационально для обеспечения своих интересов [3].

Либерализм. Эта точка зрения предполагает, что государства управляются не только соображениями власти и безопасности, но также ценностями, нормами и институтами. Национальный интерес означает продвижение и защиту идей и интересов государства, таких как демократия, права человека, свободная торговля. Либеральные теоретики утверждают, что национальные интересы могут быть обеспечены посредством формирования международных норм, верховенства закона и экономической взаимозависимости. Либералы широко используют такие концепции, как взаимозависимость, сотрудничество и международное право, для объяснения поведения государства [2, с. 246].

Конструктивизм – это теория, подчеркивающая роль идей, норм и идентичности в формировании национальных ин-

тересов. Согласно этому интересы нации не фиксированы, а социально сконструированы и находятся под влиянием исторического и культурного контекста. Конструктивисты сосредотачивают внимание на роли коммуникации, норм и социализации в формировании государственного поведения и национальных интересов. Конструктивисты бросают вызов доминирующим реалистическим и либеральным парадигмам, которые фокусируются на материальных факторах, таких как власть и институты. Конструктивисты также подчеркивают роль человеческой деятельности (способность отдельных лиц или групп действовать независимо и делать собственный выбор) и социальных изменений в международных отношениях. Национальный интерес определяется как самосознание государства, выражение и реализация своего места в мире [1, с. 186–188].

Следует отметить, что в зависимости от конкретных обстоятельств и внешнеполитических целей разные страны могут использовать разные теории или сочетать несколько теорий. Более того, национальные интересы могут со временем меняться в зависимости от изменений глобального контекста и внутренних приоритетов.

С этой точки зрения особое внимание заслуживает другая теория, появившаяся и набирающая популярность в мировой политике – экологический реализм. **Экологический реализм** — это новый подход к мировой политике, который рассматривает сохранение биосферы как фундаментальный национальный интерес и центральную цель политики национальной безопасности. Он признает, что глобальный экологический кризис, включая изменение климата, утрату биоразнообразия и деградацию океана, представляет собой реальную угрозу человечеству, и требует срочных коллективных действий. Экологический реализм противостоит традиционному политическому реализму, который рассматривает международную систему как анархическое царство конкурентных государств, конкурирующих за

власть и безопасность. Вместо этого он выступает за совместный и устойчивый способ управления ресурсами и экосистемами планеты. Экологический реализм также признает взаимосвязь и сложность природных и социальных систем, а также необходимость гибкого и устойчивого реагирования на экологические проблемы [4, 7, 8].

Экологический реализм – подход, рассматривающий окружающую среду как важнейший фактор, определяющий национальные интересы и внешнюю политику государств. Экологический реализм признает, что экологические проблемы, такие как изменение климата, потеря биоразнообразия, загрязнение окружающей среды и нехватка ресурсов, создают серьезные проблемы и возможности для государств в международной системе. Экологический реализм подчеркивает, что страны должны защищать свои национальные интересы, учитывая экологические последствия своих действий, и сотрудничать с другими странами в решении общих экологических проблем [4].

Экологический реализм – направление, считающее окружающую среду важнейшим фактором, определяющим национальные интересы и внешнюю политику государств. Экологический реализм отличается от других взглядов на международные отношения по нескольким причинам:

- В отличие от реализма, который фокусируется на мощи и безопасности государств в анархическом мире, экологический реализм признает, что экологические проблемы, такие как изменение климата, потеря биоразнообразия, загрязнение окружающей среды и нехватка ресурсов, создают серьезные проблемы и возможности для государств в международной системе. Экологический реализм подчеркивает, что государства должны защищать свои национальные интересы, учитывая экологические последствия своих действий, и сотрудничать с другими государствами в решении общих экологических проблем [4, 8].

- В отличие от либерализма, который подчеркивает роль международных институтов и норм в укреплении сотрудничества и мира между государствами, экологический реализм признает, что международные экологические режимы часто слабы, неэффективны или предвзяты. Экологический реализм показывает, что государствам не следует полагаться на международные институты в решении своих экологических проблем, а следует стремиться к расширению своих возможностей и влияния на глобальной экологической арене [4, 8].

- В отличие от конструктивизма, который подчеркивает важность идей, идентичностей и ценностей в формировании государств и мировой политики, экологический реализм подчеркивает, что окружающая среда – это реальная вещь, оказывающая объективное и материальное влияние на государства и общества. Экологический реализм не отрицает роль культуры и дискурса во влиянии на восприятие и реакцию людей на экологические проблемы, но подчеркивает, что они вторичны по отношению к физическим реалиям и ограничениям окружающей среды [5, 4, 8].

Экологический реализм не обязательно противоречит или заменяет другие точки зрения на международные отношения, а, скорее, дополняет и обогащает их, включая экологический аспект в анализ поведения государств и мировой политики. При этом «экологический реализм основывает свои претензии не на противоречивых и спорных теориях человеческой природы и международной анархии, а на эмпирических данных, собранных в науке, то есть на том, насколько серьезно мы наносим вред биосфере» [8].

Из приведенного выше анализа видно, что экологический реализм способствует признанию и осознанию того, что нарастающие экологические кризисы угрожают жизненно важным интересам государств, наций и человечества в целом сегодня и

завтра, и в то же время является всеохватывающим в принятии решений. В своем выступлении на 78-й сессии ООН, состоявшейся в Нью-Йорке 20 сентября 2023 г., Президент Республики Узбекистан Шавкат Мирзиёев особо подчеркнул эти экологические кризисы и заявил: «В настоящее время в мире сложилась критическая экологическая ситуация. Три общепланетарных кризиса – изменение климата, утрата биоразнообразия и загрязнение окружающей среды – усиливаются ... В таких сложных условиях крайне важно поддерживать дух практической солидарности и сотрудничества, ставя общие интересы выше существующих конфликтов, и объединение усилий стран сейчас как никогда актуально» [10].

Таким образом, экологический реализм способен предложить более адекватную и ответственную стратегию поведения государств в мире, где экологические риски и угрозы становятся все более неизбежными. В настоящее время внимание мирового сообщества к предупреждению глобальных экологических конфликтов зависит от признания того, что экологическая реальность становится серьезной реальностью, и продвижение экологического реализма как нового подхода к теории и практике международных отношений представляется весьма актуальным.

Библиографический список

1. Burchill, Scott, 2005. *The National Interest in International Relations Theory*. New York: Palgrave Macmillan. ISBN: 978-0-230-00577-8.
2. Gasimov S. Liberalism and the National Interest. *International Conference on Contemporary Marketing Issues (ICCMI) 2012*. Стр. 245- 251. URL: http://eureka.teithe.gr/jspui/bitstream/123456789/1218/1/Gasimov_Liberalism_and_the_National_Interest.pdf. (дата обращения 27.11.2023)
3. Korab-Karpowicz W. Julian. "Political Realism in International Relations", *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Winter 2023 Edition), Edward N. Zalta & Uri Nodelman (eds.), URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2023/entries/realism-intl-relations/>. (дата обращения 27.11.2023)

4. Lieven A. Climate Change and the State: A Case for Environmental Realism – IISS. URL: <https://www.iiss.org/online-analysis/survival-online/2020/03/climate-change-and-the-state/>. (дата обращения: 28.09.2023)
5. Manan, M. (2017). Foreign Policy and National Interest: Realism and Its Critiques. *Global Strategies*, 9(2), 175–189. URL: <https://doi.org/10.20473/jgs.9.2.2015.175-189>. (дата обращения: 28.09.2023)
6. National Interest. International Encyclopedia of the Social Sciences. Retrieved November 15, 2023 from Encyclopedia.com: URL: <https://www.encyclopedia.com/social-sciences/applied-and-social-sciences-magazines/national-interest>. (дата обращения: 27.11.2023)
7. Paterson M. (2000). Realism, Liberalism and the Origins of Global Environmental Change. *Understanding Global Environmental Politics*, 11–34. URL: doi:10.1057/9780230536777_2. (дата обращения: 27.11.2023)
8. Patrick S. The Case for Ecological Realism. In *World Politics Review*. Jul 20, 2020. URL: <https://www.worldpoliticsreview.com/the-case-for-ecological-realism/>. (дата обращения: 09.10.2023)
9. Trifunovic D., Churchich M. National Interest in Security Science: A Realist Perspective. *National security and the future*. 3 (22) 2021 December 2021. URL: DOI: 10.37458/nstf.22.3.3. <https://www.nsf-journal.hr/online-issues/focus/id/1354> (дата обращения: 05.10.2023)
10. Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на 78-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. Официальный веб-сайт Президента Республики Узбекистан. URL: <https://president.uz/ru/lists/view/6677>. (дата обращения: 27.11.2023)

© Сабурова Ж. А., 2024

UDC 94(64):66.74 EDN HORTPS

**ECONOMIC DIPLOMACY BETWEEN THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN
AND THE KINGDOM OF SAUDI ARABIA: TRENDS AND PROSPECTS****M. D. Ergasheva**

*Intern-researcher, ORCID: 0009-0007-3205-3624,
e-mail: mohidil4202@gmail.com,
The Coordinating and Methodological Center
for the Modern History of Uzbekistan
under the Academy of Sciences
of the Republic of Uzbekistan,
Tashkent, Uzbekistan*

Abstract. This article analyzes the current state of bilateral economic cooperation with Kingdom of Saudi Arabia (KSA) in the foreign policy strategy of the Republic of Uzbekistan, achievements and problems of the main directions of development, such as trade and investment. Also, in the article the place and role of the relations of the Republic of Uzbekistan with the KSA is justified, and suggestions and recommendations are given for further developing and supporting the relationship in the future. The author of the article sets the tasks of analytical analysis of achievements and problems in the inter-state trade-economic and investment spheres, as well as identification of opportunities for wide use of the rich experience of KSA for the development of the industry in the near future.

Keywords: Republic of Uzbekistan; Kingdom of Saudi Arabia; economic cooperation; «Vision-2030»; investment.

INTRODUCTION

This article within the framework of the foreign policy strategy provides an analysis of the current state of economic cooperation between the Republic of Uzbekistan and the Kingdom of Saudi Arabia (KSA), the dynamics of development of the main trade and investment areas and their problems, as well as prospects for bilateral relations.

Since the establishment of diplomatic ties, as a result of meetings at the highest and high levels, dialogue in formats, trade and investment cooperation, political activity of friendly organizations, economic cooperation between Uzbekistan and Saudi Arabia has acquired a new form.

The relation of the Republic of Uzbekistan with the Kingdom of Saudi Arabia (KSA) is a comprehensively unexplored research work, the purpose of which is a thorough analysis of achievements and issues in the interstate trade and economic, investment areas, as well as the disclosure of opportuni-

ties for widespread use of the rich experience of the KSA for the development of the industry in the near future.

The scientific novelty of the article is the lack of an integrated research of economic linkages between Uzbekistan and Saudi Arabia.

The trends and prospects of economic diplomacy the Republic of Uzbekistan with the KSA are analyzed. In conclusion there are suggestions and recommendations that contribute to the further development and support of bilateral relations.

Over the recent period, the Republic of Uzbekistan holds a special place for the promising conduct of international relations in all spheres, including in the economic direction. This is primarily due to geopolitical resources and socio-economic reforms within the republic, which have aroused the ever-growing interest and confidence of partners from Arab countries.

The development of relations with an important partner with great financial and economic capacity both in Arab-Muslim countries and around the world – the Kingdom of Saudi Arabia is one of the foreign policy priorities of the Republic of Uzbekistan.

The treaty and legal basis of bilateral relations consists of 13 documents. In developing bilateral cooperation, the parties rely on Agreements «On cooperation in political, economic, trade, investment and technological spheres, youth and sports», «On protection and promotion of investments» and «On avoidance of double taxation». The Uzbek-Saudi joint intergovernmental commission also contributes to the promotion of relations.

CURRENT TRENDS IN BILATERAL ECONOMIC RELATIONS

Economic diplomacy between the Republic of Uzbekistan and the Kingdom of Saudi Arabia has shown steady positive trends in recent years. What factors contribute to this?

Firstly, there is political understanding and cooperation between the two countries. Uzbekistan and Saudi Arabia are members of the Organization of Islamic Cooperation (OIC) and other international organizations, and this, in turn, creates the basis for their interaction.

Secondly, the diversification of the economy and the expansion of the geography of collaboration. Uzbekistan and Saudi Arabia have complementary economies. Uzbekistan has a large market for Saudi commodities and services, and Saudi Arabia can provide investments and technologies to Uzbekistan.

Thirdly, active work on the development of bilateral economic ties. The two governments hold regular meetings and negotiations aimed at expanding cooperation.

Fourthly, the increase turnover between the two countries. For example, in 2022 it amounted to 1,8 billion US dollars, which is 36 % more than in 2021 [1].

Fifth, enhancing the variety of exports of Uzbekistan. In recent years, Uzbekistan has increased exports to Saudi Arabia of goods such as cotton, textiles, foodstuffs, agricul-

tural products, construction materials and products.

Sixth, the inflow of Saudi investments into Uzbekistan. In 2022, the volume of Saudi investments in Uzbekistan amounted to 200 million US dollars. These investments were directed to sectors such as energy, transport, agriculture, construction and tourism.

Seventh, the development of air links between Uzbekistan and Saudi Arabia.

A number of major projects are being implemented within the framework of economic cooperation between Uzbekistan and Saudi Arabia. In particular, the Saudi Development Fund (SDF) has allocated loans to Uzbekistan in the amount of 1,5 billion US dollars [2] for the implementation of projects in the field of agriculture, industry and infrastructure. Also in 2023, Uzbekistan and Saudi Arabia signed a memorandum of energy cooperation, within the framework of which cooperation in the building of solar and wind power plants is planned.

In saying this, we consider it fair to mention the factors hindering the development of bilateral cooperation. This is primarily evident in the time difference. Uzbekistan is located in the UTC+5 time zone, and Saudi Arabia is in the UTC+3 time zone, which may complicate interaction between enterprises and organizations of the two countries. And then there is the linguistic barrier, which greatly complicates communication between people of these countries.

Taking into account all the factors contributing to and hindering the development of economic diplomacy, it is safe to say that any obstacle is overcome by perseverance and in the future cooperation between the two countries will only develop and expand.

The parties also show mutual interest in expanding investment cooperation, which serves to increase activity. In 2022, Saudi Arabia's investments in Uzbekistan amounted to \$1.5 billion [3]. The main investments were directed to such areas as energy, construction, agriculture and information technology.

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF COOPERATION

In the future cooperation between Uzbekistan and Saudi Arabia in the economic sphere can develop in the following areas:

1. An increase in the volume of mutual trade. The states set themselves the ambitious of increasing the volume of trade turnover to 5 billion US dollars by 2030 [4]. For this purpose, it is necessary to diversify the range of Uzbekistan's exports to Saudi Arabia, as well as attract Saudi investments in the production of goods in demand on the Saudi market.

2. Expansion of cooperation in the service sector. Countries can cooperate in such areas as tourism, transport, logistics, information and communication technologies and education.

3. Strengthening investment cooperation. Saudi Arabia may become one of the main investors in Uzbekistan. RU and KSA can cooperate in such areas as energy, transport, agriculture, construction and tourism.

To implement these goals, it is necessary to further develop trade and economic ties between the two countries, as well as strengthening investment cooperation. The parties can use mechanisms such as bilateral intergovernmental commissions, business dialogues and participation in international exhibitions and forums.

On the whole, economic cooperation between Uzbekistan and Saudi Arabia has great potential for development. Both countries are interested in expanding bilateral ties, and they have the necessary resources and capabilities for this.

In this regard, according to the vision 2030 program, in the coming years, the trade turnover between the two countries will grow to 2–3 billion US dollars per year [5]. To do this, it will be necessary to develop direct ties between enterprises of the two countries, as well as create favorable conditions for the export of Uzbek goods and services to the

Saudi market. In addition, the volume of Saudi Arabia's investments in Uzbekistan will grow to 3–5 billion US dollars per year [5]. Saudi Arabia can become an important source of investment for the implementation of major infrastructure projects in Uzbekistan, such as the construction of roads and railways, the development of renewable energy sources, etc.

To realize these prospects, it is necessary to continue active work on the development of bilateral economic ties, that is, to provide political support for cooperation between the two countries, create a favorable investment climate in Uzbekistan, as well as carry out joint activities to promote Uzbek goods and services to the Saudi market.

This will allow Uzbek-Saudi cooperation to reach a new level and become an important factor in the development of the economies of the two countries.

CONCLUSION

Based on the above facts, we intend to highlight some recommendations for the further development of economic diplomacy between the Republic of Uzbekistan and the Kingdom of Saudi Arabia:

1. We consider it advisable to create a mechanism for regular interaction between the ministries and departments of the two countries responsible for the development of economic diplomacy. This step will ensure coordination of efforts to develop cooperation in various fields.

2. We seek support to enterprises of the two countries that intend to cooperate with each other, which can be done by providing information on cooperation opportunities, as well as by helping to solve emerging problems.

We are confident in the importance of holding joint ceremonies by organizing exhibitions, conferences and other events.

Thus, the bilateral relations between Uzbekistan and Saudi Arabia are now rightfully recognized in the international arena as an

example of reliable, important and long-term cooperation.

Bibliography

1. Trade turnover statistics of the Republic of Uzbekistan // Ministry of investment, industry and trade of the Republic of Uzbekistan. URL: <https://miit.uz/ru/pages/statistika-tovarooborota> (access: 18.01.2023).
2. Саудовский фонд развития (СФР) выделил Узбекистану кредиты на сумму 1,5 млрд долларов США // Sputnik Uzbekistan. URL: <https://uz.sputniknews.ru/20180201/saudovskij-fond-razvitiya-vydelil-uzbekistanu-1,5-milliardov-dollarov-7403334.html> (дата обращения: 01.11.2022).
3. Узбекистан и Саудовская Аравия подписали новые соглашения на \$12 млрд // Национальное информационное агентство Узбекистана UzA. URL: <https://uza.uz/ru/posts/po-investirovaniyu-v-uzbekistan-saudiya-531192> (дата обращения: 27.11.2023).
4. Дружеские отношения между Узбекистаном и Королевством Саудовской Аравии // Информационно-аналитическая газета «Янги Ўзбекистон». URL: <https://www.yuz.uz/ru/news/drujeskie-otnosheniya-mejdu-uzbekistanom-i-saudovskoy-araviey-vxodyat-na-novy-etap> (дата обращения: 29.11.2023).
5. Узбекистан и Саудовская Аравия подписали новые соглашения на \$12 млрд // Газета.uz. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2022/08/18/economy/> (дата обращения: 03.12.2023).
6. Узбекистан – Саудовская Аравия: укрепляя исторические узы // Генеральное консульство Республики Узбекистан. URL: <https://gk-uzbekistan.de> (дата обращения: 16.08.2022).

© Ergasheva M. D., 2024

UDC 811.11 EDN YSDOHS

DISCOURSE AS A LINGUISTIC CONCEPT**S. E. Kegeyan**

*Candidate of Philological Sciences,
Assistant Professor,
ORCID 0000-0002-4390-1015,
e-mail: svetlana.kegeyan@mail.ru,
Sochi State University,
Sochi, Krasnodar region, Russia*

Abstract. The article examines the concept of “discourse,” which has become widespread in modern linguistics, is complex and variable due to its interdisciplinary nature and the lack of a single definition. In addition, the close connection of this concept with a number of sciences and research areas, including computational linguistics, philosophy, psychology, sociology, literary criticism, semiotics, theory and practice of translation, pedagogy, etc., has led to the study of discourse from various conceptual positions, depending on specifics of the subject of study.

Key words: discourse; text; speech; language; communication.

The term “discourse” has recently become widely used, found in many fields of knowledge. It is not surprising that, having such a wide scope of application, discourse can be interpreted by scientists in completely different ways, depending on a particular scientific concept.

There is no clear and generally accepted definition of “discourse” that covers all cases of its use, and it is possible that this is precisely what contributed to the wide popularity that this term has acquired over recent decades: different understandings, connected by non-trivial relationships, successfully satisfy different conceptual needs, modifying more traditional ideas about speech, text, dialogue, style and even language.

Discourse can be understood as a polysemantic term for a number of humanities, the subject of which directly or indirectly involves the study of the functioning of language – linguistics, literary criticism, semiotics, sociology, philosophy, ethnology and anthropology [6, c. 27].

The linguistic essence of discourse is revealed in the following thought by Yu. S. Stepanova: “Discourse” is a language within a language, but presented as a special social reality. Discourse does not really exist in the form of its own “grammar” and its own

“lexicon,” just like language. Discourse exists, first of all, in texts, but those that are backed by a special grammar, a special lexicon, special rules of word usage and syntax, special semantics – ultimately, a special world [5, c. 125]. In other words, Yu. S. Stepanov equates discourse to the real implementation of language, which materializes in various kinds of texts, in the communicative conditions of dialogic communication [5].

Speaking about the meaningfulness of the concept of “discourse,” V. I. Karasik gives the following definition: “discourse” is a form of influence of the speaker on the listener or interlocutor, and not just a verbal expression of his idea of the world around him.

“Discourse” is a speech work, speech activity, implemented in the text and determined by linguistic and extra-linguistic factors, occurring in a certain context and within various social groups, that is, in essence, discourse is a certain discursive practice [7].

In modern linguistics, which poses the task of studying language in real conditions of its existence and functioning, the concept “discourse” is one of the most commonly used to refer to the real processes of human speech and mental activity. This is evidenced, in particular, by the totality of

established and currently accepted definitions of discourse.

When reading the article “Discourse” published by N. D. Arutyunova, we can conclude that the term discourse is prescribed, first of all, the sense of speaking, since its origin from the French language is indicated [4]. In general, in N. D. Arutyunova’s interpretation of the term discourse, the interconnection of such concepts as discourse can be traced – speech.

In this regard, in our opinion, V. V. Bogdanov is right: speech and text – these are two unequal sides of the discourse. Discourse is understood as everything that we say and write, in other words, as linguistic material. Consequently, the terms speech and text will be specific in relation to the generic term discourse that unites them [3, c. 40].

According to the definition of N. D. Arutyunova, “discourse is a coherent text in combination with extralinguistic, pragmatic, sociocultural, psychological and other factors.”

As already noted, the term “discourse”, as it is understood in modern linguistics, is close in meaning to the concept of “text”, but emphasizes the dynamic nature of linguistic communication, unfolding over time; in contrast, the text is conceived primarily as a static object, the result of linguistic activity.

Sometimes “discourse” is understood as including simultaneously two components: both the dynamic process of linguistic activity, embedded in its social context, and its result (i.e., text); This is the preferred understanding. Sometimes attempts to replace the concept of discourse with the phrase “coherent text” are not very successful, since any normal text is coherent [2, c. 27].

The concept of “dialogue” is also extremely close to the concept of discourse. It is generally accepted that discourse, like any communicative act, presupposes the presence of two fundamental roles – the speaker (author) and the addressee. In this case, the roles of the speaker and the addressee can be alternately redistributed between the persons par-

ticipating in the discourse; in this case we talk about dialogue. If throughout the discourse (or a significant part of the discourse) the role of the speaker is assigned to the same person, such discourse is called a monologue. It is incorrect to assume that a monologue is a discourse with a single participant: with a monologue, the addressee is also necessary. In essence, a monologue is simply a special case of dialogue, although traditionally dialogue and monologue have been sharply opposed.

To generalize, the terms “text” and “dialogue”, as more traditional ones, have acquired a large number of connotations that interfere with their free use. Therefore, the term “discourse” is convenient as a generic term that unites all types of language use.

Thus, summarizing the above definitions of the concept “discourse”, it can be argued that this term, as it is understood in modern linguistics, is close in meaning to the concept of “text”, however, it emphasizes the dynamic, unfolding nature of linguistic communication; in contrast, the text is conceived primarily as a static object, the result of linguistic activity. Some researchers interpret discourse as simultaneously including two components: both the dynamic process of linguistic activity embedded in its social context and its result (that is, text); This is the preferred understanding.

Bibliography

1. Bakhtin M. M. *Author and hero: to the philosophical foundations of the humanities* / M. M. Bakhtin. – St. Petersburg: Azbuka, 2000. – 336 p.
2. Gavrilova M. R. Political discourse as an object of linguistic analysis / M. R. Gavrilova // *Polis*. – 2004. – No. 2. – pp. 101–105.
3. Demyankov V. Z. Political discourse as a subject of political science philology / V. Z. Demyankov // *Political science. Political discourse: History and modern research*. – 2002.
4. Zelenetsky K.P. *Russian literature. From the theory of literature to text structure. Anthology* / K. P. Zelenetsky. – Moscow: Academia, 1997. – 320 p.
5. Kirillov A. G. *Genres of political narrative* / A. G. Kirillov // *Genres and types of text in scientific and media discourse*. – 2006.

6. Mikhaleva O. L. Political discourse: Specificity of manipulative influence / O. L. Mikhaleva. – Moscow: Book House “LIBROKOM”, 2009. – 256 p.
7. Tsurikova L. V. Political correctness as a sociocultural and pragmalinguistic phenomenon / L. V. Tsurikova // Essay on social power / ed.

L. I. Grishaeva. – Voronezh: VSU, 2001. – P. 94–102.

© *Kegeyan S. E.*, 2024

UDC 811.11 EDN ZBXJOZ

MEDIA LANGUAGE: POLITICAL DISCOURSE AND PROBLEMS OF TRANSLATION

S. E. Kegeyan

*Candidate of Philological Sciences,
Assistant Professor,
ORCID 0000-0002-4390-1015,
svetlana.kegeyan@mail.ru,
Sochi State University,
Sochi, Krasnodar region, Russia*

Abstract. The article examines political discourse as a multidimensional and multi-planned phenomenon, as a complex of elements that form a single whole. The problems of relations between language and power, language and ideology, and linguistic manipulation of public consciousness are touched upon.

Key words: media; political discourse; language; power.

In political linguistics, often implemented through the media, there is such a thing as “political discourse,” which is a special type of discourse and is aimed at gaining and maintaining political power. In linguistic literature, political discourse is presented as a multidimensional and multifaceted phenomenon, as a complex of elements that form a single whole. It touches upon the problems of relations between language and power, language and ideology, and linguistic manipulation of public consciousness.

In modern scientific literature there are many meanings of the term “political discourse”.

Thus, some scientists believe that political discourse is “the totality of all speech acts used in political discussions, as well as the rules of public policy, illuminated by tradition and verified by experience,” its institutional nature is emphasized. In institutional discourse, communication occurs not between specific people, but between representatives of one or different social institutions (government, parliament, public organization, municipality) and a representative of another social institution or a citizen (voter) [1, c. 48].

The most general and understandable definition of political discourse, in our opinion, is that of E. I. Sheigal. She understands discourse as the totality of all speech acts used in political discussions, and also rules of pub-

lic policy, sanctified by tradition and tested by experience. E. I. Sheigal believes that discourse can be expressed by the formula “discourse = sublanguage + text + context.” The “text” component means “created text + previously created texts”. The “context” component includes such varieties as “situational context” and “cultural context” [6, c. 164]. The main function of political discourse is its use as an instrument of political power (the struggle for power, the acquisition of power, its preservation, implementation, stabilization or redistribution). However, this function in relation to the language of politics is as global as the communicative function is all-encompassing in relation to the language as a whole. Therefore, by analogy with the fact that all the basic functions of language are considered as aspects of the manifestation of its communicative function, we will talk about the functions of the language of politics as aspects of the manifestation of its instrumental function [6, c. 78].

Political speech is a conceptual-discursive construct, when analyzing which it is advisable to use the methodological category “conceptual-discursive structures” of communicative messages. All the main functions of political discourse are aspects of the manifestation of the struggle for power.

The purpose of political discourse is to convince the listener of one's point of view. In the functioning of argumentative dis-

course, not only the external characteristics of the text, its surface structure, social context are important, but also the content plan, semantics, which is decisive in the process of persuasion [4, c. 100]. Now political discourse analysis is gradually becoming an independent discipline. The development of this discipline is further associated with the use of methods of linguistic analysis of political texts. Political discourse is a type of institutional discourse, a narrowly focused type of communication, determined by the social functions of partners and regulated in content and form.

It is believed that metaphor is the most characteristic stylistic unit. Since ancient times, man has recreated in words the picture of the world in its figurative representation, using various means. The translator faces difficulties in conveying various means of expression used in the source text more often than it seems at first glance. The text of almost any discourse is filled with various lexical units that add expressiveness to the statement. They perform a special function of linguistic units, namely stylistic. Translation of various kinds of stylistic linguistic units from one language to another requires transformations of a special kind that help preserve or modify the original emotional and aesthetic information.

The need for various kinds of transformations of the original metaphor can be dictated not only by the requirements of linguistic differences, but also by different changes in socio-cultural attitudes regarding this or that sphere of use of metaphorical figures of speech. The most striking example of such differences is political texts, where a metaphor can be both a detail and a figurative basis for the whole, and a change in a metaphorical unit in translation can affect the reconstruction of the rest of the text [2, c. 108].

Modern cognitive science explores metaphor as a basic mental operation, as a way of knowing, structuring, evaluating and explaining the world.

When translating a political text, the main task of the translator is to preserve the individual style of the author, to preserve the metaphorical image while conveying the figurative meaning of the original metaphor with the figurative meaning of the translation metaphor while preserving the way of describing the situation.

Comparisons of national discourses, in particular metaphors, provide food for thought and further study of the language. The discrepancy between cognitive metaphorical structures is the main difficulty that a translator faces during work.

It has been revealed that texts of political discourse in English often contain more emotional and aesthetic information, which is undoubtedly the main translation problem (see, for example: [5]). The translator needs to convey all the features of the language of the original text. Metaphor is a figurative means of language, including evaluative, nominative and aesthetic components, as a result of which the translation of metaphors involves the preservation of two associative plans: a plan based on direct meaning, and a plan based on the interaction of direct, figurative and contextual meanings. In the theory of translation of stylistic means of language, the “law of metaphor storage” operates, which is based on the position of stylistics that words used in tropes must be combined with each other and in their literal meaning. In other words, the translator of political discourse is faced with the task of “selecting the optimal translation principle for the text in general and the translation of metaphors in particular,” a principle that would allow one to find natural, adequate lexical replacements in the language into which the translation is being carried out, and which would not introduce would be in the sense of a metaphor of new associations [7, c. 104].

From the point of view of the presence or absence of semantic and structural transformations, when translating a cognitive metaphor in a political discourse from English

into Russian, the following techniques are distinguished:

1) complete translation, in which the semantics and structure of the metaphor are preserved in the translation. The lexical meanings of English and Russian phrases have the same semantic composition and evoke the same associations among representatives of two languages, which allows them to be used as correspondences to each other;

2) replacement at the level of lexical design, i.e. the use of words with a different semantic composition, but similar meaning within a given context;

3) replacement at the level of morphological design, i.e. the use of words that have a similar lexical meaning, but belong to a different lexical-grammatical class or have other grammatical meanings;

4) replacement at the level of syntactic design, i.e. a change in the syntactic type of a sentence associated with the translation of a metaphor;

5) adding/deleting lexical units that form the image.

The same images in two languages can be expressed with a greater or lesser degree of explicitness, which leads to the need to add or omit words that create it. Scientists note that when translating into Russian, additions predominate, which is consistent with the idea that the Russian language is more explicit than English [3, c. 78].

There is the following classification of metaphor translation techniques:

1) figurative analogue in the target language; 2) literal equivalent – tracing; 3) descriptive translation; 4) replacing the image of the original with the image adopted in the target language; 5) compensation method; 6) method of expressive-pragmatic specification; 7) neutralization of metaphor;

Here are the basic rules for transforming metaphors:

1. When the compatibility, emotional and evaluative information used in the metaphor coincide in the original text and the transla-

tion text, the translator uses a full translation for metaphorical constructions.

2. If the level of similarity in the original and the target language is different, and either an explication of the meaning in the source text (addition technique) is required, or, conversely, an implication of what is verbally expressed in the source text (deletion technique), the addition method/omission method is used.

3. In case of lexical and associative discrepancy between the elements of metaphors in the original and translation, the replacement method is used.

4. If there are different grammatical metaphors in the original and target languages, a structural transformation is applied.

5. Traditional correspondence is used in relation to metaphors of folklore, biblical, and ancient origin, when different ways of expressing metaphorical similarity have developed in the source and target languages.

6. Parallel naming of the metaphorical basis is used when translating texts built on a common metaphor, when interlingual conditions require replacement or structural transformation the original metaphor, and due to the nature of the transmitted information, the original image must be preserved [2, c. 59].

The difficulties of translating metaphorical structures are largely due to the fact that languages have different metaphorical systems. It is for this reason that a simple translation of metaphors from English into Russian is not always feasible. For this reason, it is necessary to change the metaphorical image. Such a replacement maintains the level of expression of the original, and the translation becomes more idiomatic.

Bibliography

1. Baranov, A. N. Political discourse: methods of analysis of thematic structure and metaphors / A. N. Baranov. M., 2004. [Electronic resource]. URL: http://www.indem.ru/PUBLICATIONS/TrudiFI/politich-esky_discurs.pdf
2. Kazakova, T. A. Practical foundations of translation. English<=>Russian / T. A. Kazakova. – Se-

- ries: Learning foreign languages. – St. Petersburg, 2001.
3. Kunilovskaya, M. A., Korovodina, N. V. Author's metaphor as an object of translation // *Linguamobilis*. Chelyabinsk, 2010. No. 4(23).
 4. Pavlova A. V. Language as a source of information about the national picture of the world *Philological notes*. Perm, 2009. Issue. 7. T. 1.
 5. Polonsky A. V., Glushkova V. G. Epithet and foreign cultural addressee (translation problem) // *Bulletin of LNPU named after Taras Shevchenko: Philological sciences*. 2005. No. 15 (95). Part 2.
 6. Sheigal, E. I. *Semiotics of political discourse*. Volgograd, 2000.
 7. Newmark, P. *The Translation of Metaphor // Approaches to Translation* / N. Y., 1998.

© *Kegeyan S. E.*, 2024

UDC 32:001.12/.18 EDN ZOOPNO

THE GENESIS OF CULTURAL IDENTITY AMONG ETHNIC MINORITIES: A POLITICAL SCIENCE PERSPECTIVE

M. O. Nassimov

*Candidate of Political Sciences, associate professor,
ORCID 0000-0001-8209-8707,
e-mail: nasimov_m@mail.ru,
Bolashak University,
Korkyt Ata Kyzylorda University,
Kyzylorda, Kazakhstan
senior lecturer, ORCID 0000-0003-3733-0671,
e-mail: filosof.sokrat.86@mail.ru,
Korkyt Ata Kyzylorda University,
Kyzylorda, Kazakhstan*

B. Zh. Paridinova

Abstract. This article explores the intricate relationship between politics and the genesis of cultural identity among ethnic minorities. Cultural identity, comprising shared customs, beliefs, language, and traditions, undergoes a complex evolution for ethnic minorities shaped by historical factors such as migration, colonization, and marginalization. The political context emerges as a pivotal force, influencing identity formation. Language, a key element, reflects political nuances, with policies either fortifying cultural roots or promoting assimilation. Political movements by ethnic minorities become crucibles testing and reaffirming identity, advocating for cultural preservation. Representation in political institutions empowers minorities, contributing to identity affirmation. Globalization introduces challenges and opportunities, requiring nuanced political responses. Discriminatory policies and power imbalances can challenge cultural identity preservation. Acknowledging these political dimensions is crucial for fostering inclusive societies that celebrate diversity and respect minority rights.

Keywords: cultural identity; ethnic minorities; political context.

The study of cultural identity among ethnic minorities holds paramount significance in understanding the complex interplay between politics and cultural dynamics. This article delves into the genesis of cultural identity among ethnic minorities, employing the lens of political science to unravel the intricate processes that shape their identity formation.

The development of cultural identity among ethnic minorities is a fascinating and dynamic phenomenon inside the complex fabric of human society. From a political science perspective, the genesis of cultural identity unfolds as a multifaceted interplay of historical, social, and political forces. This article explores the complex ways in which ethnic minorities use politics to maintain and shape their unique cultural identities. We will explore the complex relationships between policy, governance, and the deep sense of belonging that characterizes ethnic minority cultures as we navigate the halls of political

power. This article's goals are to clarify the intricacies of how cultural identities are formed, look at how political environments affect various communities, and recognize the critical role political science plays in comprehending this fascinating facet of human existence.

Cultural identity is a multifaceted construct that weaves together the tapestry of shared customs, beliefs, values, language, and traditions within a community [2; 5; 7]. However, for ethnic minorities, this intricate mosaic is often molded by a historical backdrop marked by migration, colonization, or marginalization. In this intricate dance of identity, the political context emerges as a central orchestrator, wielding substantial influence over the genesis and transformation of cultural identity among ethnic minorities.

The historical trajectory of ethnic minorities is frequently marked by upheavals, displacements, and encounters with dominant forces. Migration, whether forced or volun-

tary, sets the stage for a complex negotiation of identity as minority groups navigate new environments [3]. The echoes of colonization reverberate through generations, leaving an indelible imprint on cultural norms and practices. Marginalization further complicates this narrative, as ethnic minorities grapple with the challenge of asserting their distinctiveness in the face of systemic inequalities [8, pp. 195–209]. Within this historical theatre, the political context takes center stage. Political decisions, policies, and power dynamics become instrumental in shaping and reshaping the cultural identity of ethnic minorities. The struggle for self-determination and recognition becomes not just a cultural battle but a political one, where the very essence of identity is entwined with questions of representation, rights, and autonomy.

Language, as a cornerstone of cultural identity, becomes a poignant example of the political nuances at play [1]. Language policies, often crafted within political circles, can either fortify the cultural roots of ethnic minorities or act as agents of assimilation. The politics of language underscores the broader theme of power, as the ability to assert one's cultural distinctiveness often hinges on linguistic autonomy. Politically constructed language policies have a great deal of power; they can either reinforce the cultural underpinnings of ethnic minorities or facilitate their integration. The study of language politics explores a larger issue of power, showing how linguistic autonomy and the ability to claim one's cultural identity are closely related. Language policy decisions show a dedication to maintaining cultural variety as well as an understanding of the power relations that are inherently present in language use.

Political movements initiated by ethnic minorities add another layer to this narrative [9]. These movements, whether striving for autonomy, cultural revitalization, or acknowledgment of rights, become crucibles in which cultural identity is both tested and reaffirmed. The political arena transforms into a battleground for the preservation of lan-

guage, traditions, and heritage – a struggle that defines and sustains the cultural identity of minorities. Political movements initiated by ethnic minorities seeking recognition and rights contribute profoundly to the genesis of their cultural identity. These movements often advocate for cultural revitalization, emphasizing the preservation of language, traditions, and heritage as essential components of their identity.

Representation, or the lack thereof, in political institutions is yet another dimension [6]. Inclusion in governance processes becomes a means for ethnic minorities to voice their unique perspectives, advocate for their rights, and ensure the representation of their cultural diversity. Political participation, therefore, becomes a vehicle for the affirmation of identity. The presence or absence of ethnic minority representation in political institutions significantly influences their cultural identity. Inclusion in political processes empowers minorities to assert their cultural distinctiveness, fostering a sense of belonging and representation.

Globalization, with its sweeping currents, introduces both challenges and opportunities [4]. The interconnected world offers platforms for cultural exchange, yet the homogenizing forces of globalization can threaten the uniqueness of minority cultures. Political decisions in response to globalization become critical, determining whether cultural identity will flourish in the global tapestry or face erosion. On one hand, it can lead to the erosion of traditional practices, and on the other, it offers platforms for cultural exchange and global recognition. Political science explores how globalization intersects with the preservation of cultural identity. Political decisions, discriminatory policies, and power imbalances can pose challenges to the preservation of cultural identity among ethnic minorities. The struggle to maintain identity in the face of such challenges is a central theme in the political discourse of these communities.

The genesis of cultural identity among ethnic minorities is a multifaceted process deeply intertwined with political dynamics. Political science provides a nuanced understanding of how historical events, political movements, language policies, and representation shape the cultural identity of ethnic minorities. Acknowledging the political dimensions of cultural identity is crucial for fostering inclusive societies that celebrate diversity and respect the rights of all communities. This statement succinctly captures the essence of our article, emphasizing the complexity and interconnectedness of the processes involved in the formation of cultural identity among ethnic minorities. It hints at the intricate relationship between cultural identity and political dynamics, setting the stage for a nuanced exploration within our article. Overall, it's a strong and concise assertion that leaves room for the detailed insights we provide in the article.

In conclusion, the interplay between cultural identity and politics is a dynamic, reciprocal process. The history of ethnic minorities, shaped by migration, colonization, and marginalization, unfolds within a political context that can either nurture or challenge their cultural identity. Acknowledging the political dimensions of this interwoven narrative is essential for fostering societies that honor diversity, uphold minority rights, and celebrate the richness of cultural tapestries.

Funding. *This research was funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Grant No. AP19677146. Cross-cultural and axiological analysis of ethnic identification processes of ethnic minorities in the southern region of Kazakhstan).*

Bibliography

1. Extra G., Vallen T. Language and ethnic-minorities in the Netherlands // *International Journal of The Sociology of Language*. – 1988. – № 73. – P. 85–110. DOI: 10.1515/ijsl.1988.73.85.
2. Han L., Lin M., Wen Z. E. Social networking and cultural identity among language minority learners of Portuguese during study abroad // *Australian Review of Applied Linguistics*. – 2023. – № 46(2). – P. 207–232. DOI: 10.1075/aral.22056.han.
3. Hooghe M., de Vroome T. How does the majority public react to multiculturalist policies? A comparative analysis of European countries // *American Behavioral Scientist*. – 2015. – № 59(6). – P. 747–768. DOI: 10.1177/0002764214566499.
4. Jastrumskyte S. The conception of ethnic minorities in the processes of social change of 21st century // *Logos-Vilnius*. – 2015. – № 82. – P. 45–54.
5. Millet A. Global connections and culinary conceptions of cultural identity in Austrian food literature of the nineteenth century // *Journal of Austrian Studies*. – 2023. – № 56(2). – P. 41–51. DOI: 10.1353/oas.2023.0023.
6. Moscovici S. An essay on social representations and ethnic minorities // *Social Science Information*. – 2011. – № 50(3–4). – P. 442–461. DOI: 10.1177/0539018411411027.
7. Rahim H. F., Mooren T. T. M., Knipscheer J. W., van den Brink F., Chung J. M., Laceulle O. M., Boelen P. A. Associations among migration risk factors, cultural identity conflict, and psychological symptoms among Syrian emerging adults with refugee backgrounds in the Netherlands // *Journal of Clinical Psychology*. – 2023. – № 79 (5). – P. 1434–1451. DOI: 10.1002/jclp.23492.
8. Rechel B. *Minority rights in Central and Eastern Europe*. – London: Routledge, 2009. – 272 p. DOI: 10.4324/9780203883655.
9. Tyner J. A., Rice S. Moving beyond the “Arab Spring”: The ethnic, temporal, and spatial bounding of a political movement // *Political Geography*. – 2012. – № 31(3). – P. 131–132. DOI: 10.1016/j.polgeo.2012.01.001.

© Nassimov M. O., Paridinova B.
Zh., 2024

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Материалы представляются в электронном виде на e-mail: **sociosphere@yandex.ru**. Каждая статья должна иметь **УДК**. Формат страницы А4 (210x297 мм). Поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 3 см; интервал полуторный; отступ – 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman, стиль – Обычный. Название печатается прописными буквами, шрифт жирный, выравнивание по центру. На второй строчке печатаются инициалы и фамилия автора(ов), выравнивание по центру. На третьей строчке – полное название организации, город, страна, e-mail, выравнивание по центру. После пропущенной строки печатается название на английском языке. На следующей строке фамилия авторов на английском. Далее название организации, город и страна на английском языке, e-mail. В статьях на английском языке дублировать название, автора и место работы автора на другом языке не надо. После пропущенной строки следует аннотация на английском (600–800 знаков) и ключевые слова (5–10) на английском языке. После пропущенной строки печатается текст статьи. Графики, рисунки, таблицы вставляются, как внедренный объект должны входить в общий объем тезисов. Номера библиографических ссылок в тексте даются в квадратных скобках, а их список – в конце текста со сплошной нумерацией. Источники и литература в списке перечисляются в алфавитном порядке, одному номеру соответствует 1 источник. Ссылки расставляются вручную. При

необходимости допускают подстрочные сноски. Они должны быть оформлены таким же шрифтом, как и основной текст. Объем статьи может составлять 6–15 страниц. Сведения об авторе располагаются после текста статьи и не учитывается при подсчете объема публикации. Авторы, не имеющие ученой степени, предоставляют отзыв научного руководителя или выписку заседания кафедры о рекомендации статьи к публикации.

Материалы должны быть подготовлены в текстовом редакторе Microsoft Word, тщательно выверены и отредактированы. Имя файла, отправляемого по e-mail, иметь вид СФ-ФИО, например: **СФ-Петров ИВ** или **SF-German P**. Файл со статьей должен быть с расширением doc или docx.

Сведения об авторе

Фамилия, имя, отчество

Ученая степень, специальность

Ученое звание

Место работы

Должность

ORCID

Домашний адрес с индексом

Сотовый телефон

E-mail

Необходимое количество печатных экземпляров (отправка простым или заказным письмом)

Необходимое количество печатных сертификатов

RULES FOR AUTHORS

Articles are to be sent in electronic format to e-mail: sociosfera@seznam.cz. Page format: A4 (210x297mm). Margins: top, bottom, right – 2 cm, left – 3 cm. The text should be typed in 14 point font Times New Roman, 1.5 spaced, indented line – 1.25, Normal style. The title is typed in bold capital letters; central alignment. The second line comprises the initials and the family name of the author(s); central alignment. The third line comprises the name of the organization, city, country; central alignment. The methodical articles should indicate discipline and specialization of students for which these materials are developed. After a blank line the name of the article in English is printed. On the next line the name of the authors in English is printed. Next line name of the work place, city and country in English. After one line space comes the abstract in English (600–800 characters) and a list of key words (5–10) in English. The text itself is typed after one line space. Graphs, figures, charts are included in the body of the article and count in its total volume. References should be given in square brackets. Bibliography comes after the text as a numbered list, in alphabetical order, one item per number.

References should be inserted manually. Footnotes are not acceptable. The size of the article is 4–15 pages. The registration form is placed after the text of the article and is not included in its total volume. The name of the file should be given in Russian letters and consists of the conference code and initials and family name of the first author, for example: SF-German P. The payment confirmation should be scanned and e-mailed, it should be entitled, for example SF -German P receipt.

Materials should be prepared in Microsoft Word, thoroughly proof-read and edited.

Information about the authors

Family name, first name

Title, specialization

Place of employment

Position

ORCID

Contact address (with postal code)

Mobile phone number

E-mail

The required number of printed copies (sending by regular or registered mail)

The required number of printed certificates

**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ НА БАЗЕ
НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА «СОЦИОСФЕРА»
В 2024 ГОДУ**

Дата	Название
15–16 марта 2024 г.	Социально-экономическое развитие и качество жизни: история и современность
25–26 марта 2024 г.	Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований
29–30 марта 2024 г.	Развитие личности: психологические основы и социальные условия
5–6 апреля 2024 г.	Народы Евразии: история, культура и проблемы взаимодействия
10–11 апреля 2024 г.	Проблемы и перспективы развития профессионального образования в XXI веке
15–16 апреля 2024 г.	Информационно-коммуникационное пространство и человек
25–26 апреля 2024 г.	Детство, отрочество и юность в контексте научного знания
28–29 апреля 2024 г.	Культура, цивилизация, общество: парадигмы исследования и тенденции взаимодействия
15–16 мая 2024 г.	Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия
25–26 мая 2024 г.	Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества
3 июня 2024 г.	Вопросы науки в современном мире
9–10 сентября 2024 г.	Проблемы современного образования
15–16 сентября 2024 г.	Новые подходы в экономике и управлении
20–21 сентября 2024 г.	Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы
5 октября 2024 г.	Вопросы науки в современном мире
13–14 октября 2024 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях
15–16 октября 2024 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
17–18 октября 2024 г.	Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации
25–26 октября 2024 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов
1–2 ноября 2024 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
15–16 ноября 2024 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2024 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2024 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
28 ноября 2024 г.	Вопросы науки в современном мире
1–2 декабря 2024 г.	Практика коммуникативного поведения как объект социально-гуманитарных исследований
3–4 декабря 2024 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ

Название	Профиль	Периодичность	Наукометрические базы	Импакт-фактор
Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера»	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	• РИНЦ (Россия), • Directory of open access journals (Швеция), • Open Academic Journal Index (Россия), • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • International Society for Research Activity Journal Impact Factor (Индия), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), • Universal Impact Factor	• Global Impact Factor – 1,881, • РИНЦ – 0,197. • SJIF – 6,07

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- учебные пособия,
- авторефераты,
- диссертации,
- монографии,
- книги стихов и прозы и др.

Книги будут изданы в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок),
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- присвоение ISBN,
- печать тиража в типографии,
- обязательная отсылка 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору.

Возможен заказ как отдельных услуг, так как полного комплекса.

**PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE»**

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- training manuals;
- autoabstracts;
- dissertations;
- monographs;
- books of poetry and prose, etc.

Books will be published in Russia
(in the output of the publication will be registered

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities:

- Editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors),
- Making an artwork,
- Cover design,
- ISBN assignment,
- Print circulation in typography,
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography,
- sending books to the author by the post.

It is possible to order different services as well as the full range.

Научно-методический и теоретический журнал

СОЦИОСФЕРА

Главный редактор И. Г. Дорошина

№ 1, 2024

Авторы несут ответственность за достоверность приводимых в публикациях фактов, цифр, цитат, статистических данных, имен собственных и прочих сведений.

Мнения, выраженные в данном издании, являются авторскими и не обязательно отражают мнение редакции журнала.

Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information.

Opinions expressed in this publication are those of the authors and do not necessarily reflect the opinion of the publisher.

Электронная версия номера размещена
на сайте журнала <http://sociosphere.com/sociosphere>

Редактор – Ж. В. Кузнецова
Оригинал-макет – И. Г. Балашова

Подписано в печать 6.03.2024. Формат 60х84/8. Бумага писчая белая.
Усл.-печ. л. 15,4. Тираж 100 экз.

ООО Научно-издательский центр «Социосфера»
440046, Россия, г. Пенза, ул. Мира, д. 74-14
Тел. +7 967 701 68 14
веб-сайт: <http://sociosphere.com>,
e-mail: sociosphere@yandex.ru

Типография ООО «Амирит»: 410004, г. Саратов,
ул. им. Н. Г. Чернышевского, д. 88, литера У. Тел. (8452)24-85-33